

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editors-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyeu G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.34

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ КАК ТРЕТЬЯ МОДАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ¹

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, 117218, г. Москва, Россия

Представлены аргументы, показывающие общество травмы как третью модальность развития. Исследована эволюция идей от представлений о прогрессе к обществу травмы. Сделан вывод о том, что ранее развитие человечества так или иначе рассматривалось только в двух модальностях: эволюция и/или революция. Однако реальный ход истории показал, что такое представление о прогрессе не всегда соответствует реальности. В мышлении представителей социально-гуманитарных наук до сих пор присутствуют, а иногда даже доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения, о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, потреблением благ. Ныне (это одна из новаций) изменяется лишь форма: акцент делается на степени цифровизации социума, экономики, образования, культуры в целом, положительный эффект которой неправомерно абсолютизируется. При трактовке происходящих процессов с позиций двух основных направлений развития – революция и эволюция – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому автор предлагает использовать термин «травма» как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития, тем самым превращая его в социальное понятие. Все это позволяет говорить, что и в научном плане появилось принципиально новое понятие – «общество травмы», трактуемое как третья модальность наряду с эволюцией и революцией.

Ключевые слова: общество травмы; развитие; прогресс; эволюция; революция.

¹Фрагмент текста готовящейся к выходу в свет монографии Ж. Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)».

Образец цитирования:

Тощенко ЖТ. Общество травмы как третья модальность развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:4–12.

For citation:

Toshchenko ZhT. The trauma society as the third development modality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:4–12. Russian.

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾.

Author:

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology^a, and chief researcher^b.
zhantosch@mail.ru

THE TRAUMA SOCIETY AS THE THIRD DEVELOPMENT MODALITY

Zh. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The article presents arguments showing the trauma society as the third development modality. The evolution of ideas is revisited from the progress to a trauma society. It allowed the author to conclude that the development of mankind on previous stages was considered only in two modalities which are evolution and/or revolution. However, the real history has shown that the idea of progress does not always correlate to reality. In the social sciences still present, and sometimes even dominate rooted in the Enlightenment formal-pragmatic ideas about the nature of social well-being as determined by the level of the material and technical base of society, the consumption of goods. Nowadays this is one of the latest innovations and only the form of this argument is changing: the emphasis is on the degree of social, economic, educational and cultural digitalization, which positive effect is absolutized. Interpretation of the ongoing processes from the perspective of two main characteristics of the development directions which are revolution and evolution makes impossible to cover and explain the whole variety of real; just peculiar processes and events. Therefore, the author proposes to use the «trauma» concept as a specific, intermediate version between the mentioned development ways and turns it into a social concept. This allows to say that a fundamentally new concept has appeared in the scientific field which is the trauma society as the third development modality along with evolution and revolution.

Keywords: trauma society; development; progress; evolution; revolution.

Эволюция идей: от представлений о прогрессе к обществу травмы

В научных исследованиях Нового времени, посвященных осмыслению общественных процессов, преобладал один тип анализа развития (реального или желательного) существующего мира – *прогресс*. Не вдаваясь в подробное рассмотрение существующих точек зрения по данной проблеме (для этого существует обширная литература), обратим внимание на то, что идеи прогресса были сформулированы в эпоху Просвещения, когда впервые сложились представления о неуклонном и последовательном развитии человечества. Основным стремлением мыслителей этого периода было найти путем анализа деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни (экономической, социальной, политической и духовной). С точки зрения таких сконструированных и, по их мнению, разумных начал подвергались критике все исторически сложившиеся и фактически существовавшие общественные отношения, формы их реализации и средства по их совершенствованию. Особенно ярко эти идеи отражены в трудах французских просветителей. Но прогресс и пути его реализации трактовались по-разному. Во взглядах одной группы мыслителей этой эпохи преобладали идеи постепенного изменения существующих политических режимов путем реформирования (И. Ньютон, Дж. Локк, а затем с определенными критическими суждениями Вольтер, П. Гольбах, Д. Юм). Другая группа, ассоциируемая во Франции с именем Ж.-Ж. Руссо, а в Америке – Т. Джефферсона, придерживалась радикальных, революционных мер по реализации требований прогресса. Идеи и принципы Просвещения были положены в ос-

нову американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина [1].

В дальнейшем почти вся научная литература, а также практически все ее представители вплоть до начала XX в. оперировали идеями прогресса. Несмотря на различие в трактовках, их сближала глубокая убежденность в непрерывности постоянно обогащающегося и усложняющегося процесса исторического развития как всего человечества, так и каждого народа, всех государств и общества. Можно сказать, что самые различные интерпретации этого феномена имели общие черты: прогресс трактовался как движение общества к большей целостности и сложности, гармоничности и структурной упорядоченности, к более совершенному социально-экономическому, социально-политическому и социально-культурному устройству, основанному на преодолении отчуждения человека и полной реализации его творческого потенциала.

Постепенно представления о прогрессе – по мере его осмысления – были дифференцированы: он трактовался как социальный (приближение общества к свободе, равенству и справедливости), экономический (развитие производства и соответствующих экономических отношений, влияющих на удовлетворение материальных и духовных потребностей), духовно-нравственный (личностный рост, полнота раскрытия человеческого потенциала), а также как технико-технологический (изменение средств производства и их совершенствование) процесс. По мнению М. Фуко, прогресс имеет и личностное измерение, представляет собой про-

цесс саморазвития индивида и заключается в открытии на персональном уровне высших ценностей и возможности выхода в своем понимании мира за пределы господствующих о нем представлений [2].

В XX в. особое место занимала трактовка научного прогресса как непрерывного, расширяющегося и углубляющегося познания и освоения окружающего мира, освобождения форм и методов познания от рамок экономической целесообразности и, как следствие, совершенствования норм и оценок научной деятельности [3].

При всей привлекательности такой постановки вопроса достаточно быстро выяснилось, что данное представление о прогрессе в основном было построено на анализе путей развития европейских стран и в большинстве случаев игнорировало имеющиеся отклонения от реального воплощения представлений о нем даже в странах Юго-Восточной Европы, входивших в XIX в. в состав Османской империи. Под это определение прогресса не в полной мере или совсем не подпадали и страны Востока, в которых существовали реальные проявления долговременной консервации экономических и социальных отношений.

Поэтому вполне естественно, что научная мысль стала искать новые объяснения исторического процесса. Одной из убедительных трактовок стала формационная теория К. Маркса. Углубление представлений о прогрессе, о многообразии его проявлений привело К. Маркса к попытке придать этому понятию иную качественную определенность: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [4, с. 7]. Такой подход позволил увидеть не только историческую последовательность в развитии всего человечества, но и определить современное состояние каждого из существующих государств. Согласно современной точке зрения *общественно-экономическая формация* – это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определенной ступенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических отношений, которые зависят от нее и определяются ею (подробнее см. [5; 6]). Но и эта теория также носила европоцентристский характер, что впоследствии признал и сам К. Маркс, когда стал осмысливать такой феномен, как азиатский способ производства.

XIX в. породил еще ряд попыток трактовки истории человечества, выявления закономерностей развития, последовательного изменения существующего порядка вещей (теории циклического развития, утопического социализма и др.). Вместе с тем в научном познании стали обращать внимание не только на то, *что* происходит, но и на то, *как* происходят изменения.

Отметим, что все вышеназванные теории и осмысливаемая ими практика прогресса в большинстве случаев оперировали явно или латентно таким понятием, как *эволюция*. Можно даже утверждать, что все научные исследования и попытки описать процесс развития человечества в этот период времени пронизывала глубокая убежденность в последовательном, непрерывном процессе постепенного накопления эволюционных способов развития. Если обобщить имеющиеся точки зрения, то *эволюцию можно определить как форму развития общества, сущностью которой является количественное накопление прогрессивных изменений, подготавливающих качественные преобразования*.

Однако с выходом на общественную арену идей социализма возможность прихода нового общественного строя все больше стала ассоциироваться с идеями *революции*, а не эволюции. Шаг за шагом завоевывала права позиция о возможности кардинального качественного скачка в развитии, который не может быть достигнут путем реформирования общества, а потому требуется другой способ решения назревших общественных проблем – революция. Этот перерыв постепенности, резко изменяющий сущностные, базовые основы общества и прежде всего его социально-экономические и политические отношения, реально проявил себя в английской (XVII в.), французской (XVIII в.) и русских (XX в.) революциях. Позднее эти кардинальные преобразования сути и смены оснований развития проявились в серии национально-освободительных революций в Африке и Азии, а также в социалистических революциях в Китае, Кубе, Вьетнаме.

Однако новые концепции общественного развития, регулярно появляющиеся в течение XX в., так или иначе с различной степенью убедительности продолжали опираться на идеи эволюции. Не останавливаясь подробно на анализе каждой из них (для этого имеется соответствующая литература), можно сказать, что поиски ответа о причинах происходящих кардинальных изменений продолжались. Особое звучание получила теория экономического развития Й. Шумпетера, который впервые ввел в политическую экономию такие термины, как *инвестиции* и *нововведения*, показав их решающую роль и ее значение для осуществления успешной предпринимательской деятельности [7].

В середине XX в. умами многих исследователей и практиков овладела теория Дж. Кейнса, который сформулировал принципиально новые фундаментальные положения, отвергающие основы классической экономической теории XIX в. Он провел уникальный анализ макроэкономических взаимосвязей, на основе которого доказал необходимость активного вмешательства государства в макроэкономическое функционирование рыночного хозяйства [8].

Во второй половине XX в. были осуществлены и другие попытки определить ход развития человечества через понятия *информационного, постиндустриального общества, общества (пост)модерна*. Активно разрабатывались концепции общества благоденствия, социального государства. Появились теории, обосновывающие средства и методы решения экономических и социальных проблем: монетаризм, экономика предложения, теории рациональных ожиданий. Появились и своеобразные концепции вроде *хорошего общества*, которые больше связаны с ожиданиями и мечтами (или с оправданием существующего опыта), чем с существующими практиками (подробнее см. [9]).

Но стоит в то же время сказать, что и слово «революция» не исчезло ни из научного, ни из политического лексикона, хотя в большинстве случаев оно связывалось со стратегическими целями достижения желаемого и требуемого результата. Поэтому в научный обиход вошли такие понятия, как, например, *научно-техническая революция, четвертая промышленная революция, шестой технологический уклад, цифровое общество*, которые описывали иные черты и признаки существующей реальности. В них первостепенное значение приобретали оценки социально-экономической реальности, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп [10, с. 3–10].

На наш взгляд, не давали должного ответа на происходящие общественные изменения и такие концепции, как глобализация, модернизация, поскольку они фиксировали некоторые общие тенденции, игнорируя значительное количество особенностей национального, регионального и культурного развития многих стран. В результате перед государствами ставились ложные цели, имеющие облик правдоподобия, без учета особых факторов, имеющих принципиальное значение для их развития. По мнению ряда исследователей, под упомянутыми глобализацией и модернизацией нередко скрывалась американизация или вестернизация большинства процессов, происходящих в странах, имеющих принципиально иную цивилизационную основу [11].

Что касается идей либерализма, то, как показал ход исторического развития, они тоже не оправдали себя. Более того, они себя дискредитировали, породив идеолого-политические явления толерантности, мультикультурализма, длительное время навязываемые как странам Западной Европы, так и государствам с иным направлением развития. Особенно опасными по своим экономическим, социальным и духовно-культурным последствиям они оказались для стран, находящихся в нестабильном состоянии. В России либералы пытались совместить западно-европейские концепции развития с реальной практикой, отвергающей эти

рекомендации. В результате обществу регулярно предлагались такие «творческие» изыски сторонников либерализма, как концепции догоняющего развития, либеральной империи, консервативной модернизации и подобные, которые обычно вскоре благополучно отвергались из-за своего примитивного смысла. Однако либералы не намерены складывать оружие. В своей аргументации они используют различные способы доказательства верности своих идей: от попыток убедить, что все просчеты и провалы российской экономики случились из-за непоследовательной реализации их идей до навязывания новой теории – *концепции неолиберализма* (курсив мой. – Ж. Т.) (см. [12, с. 25–44]).

К сожалению, некоторые исследователи сосредоточились не на анализе реальной жизни, а на абстрактных логических конструкциях, что выразилось в поиске новых умозрительных концепций. Так, после потери актуальности теориями постмодерна не было придумано ничего иного, кроме как соорудить еще одну концепцию – постпостмодерн.

Можно также констатировать, что в мышлении представителей социально-гуманитарных наук до сих пор присутствуют, а иногда даже доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения, о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, потреблением благ. Ныне (это одна из новаций) изменяется лишь форма: акцент делается на степени цифровизации социума, экономики, образования, культуры в целом, ее положительный эффект неправомерно абсолютизируется.

Отдельно отметим, что в XX в. некоторые исследователи стали на путь полного отрицания идей прогресса. Так, Ж. Бодрийяр выразил апокалиптическую точку зрения, видя в развитии современного общества только регресс и отрыв от реальности [13]. Получили известное распространение идеи антисайентизма, заключающиеся в критическом отношении к науке и ее возможностям познания и использования во благо человечества (подробнее см. [14]).

В этом калейдоскопе концепций, на наш взгляд, особое место занимают теории конвергенции, нацеленные на осмысление прогресса в связи с анализом и сопоставлением состояния и тенденций развития капитализма и социализма, их сравнением и попытками выявления как преимуществ, так и недостатков каждого из них, а также с изучением социалистических идей и практики их реализации в России и других странах. Интересно отметить (это признается многими исследователями), что капиталистические страны реализовали в своем развитии многие предложения по решению существующих социальных проблем, которые предлагались теоретиками и практиками социалистическо-

го пути. Поэтому неудивительно, что со временем возникли теории конвергенции. Сам термин «конвергенция» обозначал сближение двух конкурирующих систем – западной (капиталистической) и советской (социалистической). Ярчайшими ее сторонниками и разработчиками были русско-американский социолог П. А. Сорокин, голландский эконометрик Я. Тинберген, американский экономист-институционалист Дж. Гэлбрейт, французский исследователь Ф. Перру и др. Часто забывают упомянуть в данном контексте американского экономиста У. Ростоу, который в конце 1940-х гг. одним из первых пытался обосновать эту идею.

По мнению этих и других мыслителей, сегодня не применимы ранее используемые понятия *капиталистическое* и *социалистическое* общество. Так, Дж. Гэлбрейт обратил внимание на схожие черты в плановой и рыночной экономиках, что побудило его выдвинуть гипотезу о конвергенции социализма и капитализма. В работе «Американский капитализм», а затем в труде «Новое индустриальное общество» им изложена концепция «противодействующих (уравновешивающих) сил»: бизнеса, рабочего движения и государства, которые противостоят друг другу и тем самым ограничивают и смягчают негативные проявления монополистического капитализма. Дж. Гэлбрейт, по сути, говорил о неизбежности таких изменений, которые должны привести к «новому социализму» [15]. Но и эта концепция в основном полагалась на представление об эволюционном пути развития, доказывая, что взаимное усвоение положительных достижений и избавление от отрицательных черт капитализма и социализма позволит создать гармоничное общество [16].

Такой краткий исторический экскурс позволяет сделать вывод, что развитие человечества так или иначе рассматривалось только в двух модальностях: эволюция и/или революция. Однако реальный ход истории показал, что такое представление о прогрессе очень общо, однозначно и не всегда соответствует реальности. «Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» [17, с. 77].

Однако эти две модальности в развитии до сих пор определяют логику значительного количества концепций и в определенной степени логику политических решений во многих странах мира. Но исчерпывают ли они многообразие, усложнение нынешних существующих обществ? Анализ состояния и тенденций развития современного мира выявил, что более 50 не могут быть описаны в ранее используемых понятиях эволюции и революции, поскольку они характеризуются такими признаками, как постоянные экономические и политические кризисы, длительная рецессия и стагнация

в развитии. Если эволюция и революция означают поступательное и прогрессирующее наращивание и использование потенциальных возможностей для более высокого уровня развития, то чем определяются те общества, которые олицетворяют упадок, торможение и неспособность их преодолеть?

Такая постановка вопроса требует *разработки новых понятий*, адекватных нынешним рефлексиям современного общества, подверженного перманентным изменениям, нередко кардинальным, которые характерны не только для всего общества, но и для его основных сфер, процессов и явлений. В последнее время распространенной и даже модной тенденцией стало использование и успешное применение в политической жизни понятий *демократический* и *авторитарный пути развития*. Они стали критерием оценки прогресса или регресса в развитии стран: первые преподносились как образец совершенства, показатель успеха и благополучного будущего, вторые – как пример отсталости, ограниченности, бесперспективности. Однако попытки оперировать названными понятиями не оправдывают себя и не могут свидетельствовать в пользу эволюционного или революционного методов решения общественных проблем. По данным Всемирного банка, практически нет различий между так называемыми демократическими и авторитарными режимами при сравнении эффективности их развития. Так, эффективное развитие экономики зафиксировано почти в половине стран (52 %), относимых к демократическому политическому устройству, и практически в таком же количестве (48 %) стран с авторитарным режимом. Данная реальность позволяет поставить под сомнение абсолютное, непререкаемое и декларируемое преимущество так называемого демократического (а каковы его критерии?) устройства и такую же неоспоримую ограниченность авторитаризма. Именно это сопоставление и сравнение показывает, что *существуют другие показатели*, характеризующие успешность в поступательном и непрерывном развитии [18, с. 26–41].

В рассматриваемой ситуации не спасает и упование на рынок, рыночные отношения как на критерий прогресса и успешного развития. По подсчетам того же Всемирного банка, 48 % стран, их использующие, характеризуются неэффективной или малоэффективной экономикой, ущербными социальными отношениями, проблемным политическим устройством. Значит, для ряда государств критерием их жизнеспособности не являются ни характеристика политического режима (демократический или авторитарный), ни использование рыночных отношений. Таким образом, в этой группе стран есть другие не менее веские, а может быть, и более значимые критерии (характеристики, черты), которые на деле определяют лицо стран, характеризующихся нестабильным развитием.

А так как стран, которые не могут описываться с помощью показателей успешности развития и находятся длительное время в нестабильном, неустойчивом положении, насчитывается более полусотни, то именно поэтому возникла и научная, и практическая необходимость оперировать таким понятием, как *общество травмы*, чтобы выявить и объяснить принципиально иные характеристики и черты обществ, находящихся в длительном деформированном состоянии.

Если обобщить научное осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых деформационных процессов в странах с нестабильным развитием, то можно выдвинуть

важное теоретико-методологическое утверждение, что эти государства олицетворяют новую социальную модальность наряду с такими модальностями как эволюция и революция, что позволяет оперировать понятием *общество травмы* [19, с. 70–84].

Особо отметим, что при трактовке происходящих процессов с позиций двух основных характеристик направлений развития – революция и эволюция – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма», как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития.

Преобразование травмы в социальное понятие

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как физическое повреждение на теле, но и как рана сознания в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира»² [20, р. 6]. Постепенно при изучении понятия «травма» стали обращать внимание на его социальное содержание. Так, Ю. Хабермас связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [21].

Современные ревизии классического естественно-научного определения понятия «травма» привели к попыткам рассмотреть новую его трактовку как особое состояние общественных процессов, которые представляют собой неопределенность, деформированность, разноплановость их развития. П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития (социальная и культурная травма). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает *травмы* как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [22, с. 6–7]. Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять особое внимание «коллективному агентству – активной, движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов» [22, с. 7]. Проблема культурной травмы уделил значительное внимание Н. Смелсер, который при изучении

происходящих в западных обществах потрясений определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом» [23, р. 38].

Известный американский социолог Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, т. е. являются непосредственными причинами деформирующего эффекта [24]. Подчеркнем, понятие «травма» относилось к социальным явлениям, имеющим *пространственно-временные границы*, и представлялось следующим образом (приведем лишь два характерных определения): состояние, переживаемое социальной группой или обществом в результате разрушительных событий [22]; процесс, определяющий болезненный ущерб коллективности, устанавливающий жертву, возлагающий ответственность, а также несущий идеальные и материальные последствия [25].

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [26]. Р. Айерман считает, что некоторые события, как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы [27]. Социальная трактовка данного понятия постепенно начала использоваться и при анализе других процессов, например при исследовании проблем коллективной идентичности, в том числе религиозной и этнической [28].

Что касается отечественных исследователей, то они, не употребляя данный термин, писали о травмирующих аспектах в экономике (А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [29], М. Ф. Делягин [30], Р. С. Гринберг [31]), политике (Ю. А. Красин [32], В. К. Левашов [33], В. В. Пастухов [34], В. В. Федоров [35]), социальной сфере (М. К. Горшков [36], Ю. А. Левада [37]), сфере культуры и образования (А. С. Запесоцкий [38], О. Н. Смолин [39]).

²Здесь и далее перевод наш. – Ж. Т.

На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, данные названными авторами, можно расширить до понятия «общество травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф). Соглашаясь с основными объяснениями этого понятия П. Штомпки, уточним его применение и предложим иное объяснение или, вернее, иной подход.

С этой целью попытаемся дать характеристику ситуации, сложившейся в XX в. Дело в том, что до этого периода всеобщих процессов деформации ранее сложившегося развития не наблюдалось или они были крайне редки. Однако потрясения, вызванные Первой и Второй мировыми войнами, рост классовых конфликтов, постоянно увеличивающееся сопротивление колониальных стран навязываемому им западноевропейскому стандарту жизни, растущее число общественных катаклизмов, в том числе и различного рода вариантов масштабных конфликтных ситуаций, иногда перерастающих в революции, поставили под сомнение как непрерывность положительных изменений в жизни человечества, так и полноту существующих концепций и теорий, объясняющих противоречивое многообразие экономической и социальной жизни. Реальный ход истории показал, что нет линейности в ее развитии: современный мир стал свидетелем и регресса, и архаизации, и турбулентности [40].

Попытки объяснить эти «зигзаги» и «отступления» в отдельных государствах и обществах обычно сводились к выявлению объективных условий и субъективных факторов, которые давали возможность судить о причинах, приведших к деформациям, кризисам. Но они не отвечали на вопрос: «Как все же описать эти феномены не просто нестабильного развития, а длительные процессы многообразных проявлений стагнации и рецессии, происходившие в этих странах?» Подчеркнем, речь идет о понятии, интерпретирующем процессы, травмирующие все общество в режиме «вневременного времени» [25].

Попытки описать эти новые явления посредством понятия «кризис» не давали должного ответа о природе происходящих во многих странах процессов. Возникающие регулярно в капиталистическом мире кризисы имели достаточно отчетливые причины появления, были ограничены во времени и подвергались воздействию, приводившему к их преодолению. Но наряду с ними возникали и/или продолжали находиться в стадии рецессии и стагнации страны, которые не смогли преодолеть причины такого специфического явления, как отсутствие или крайне медленный рост экономики, политическую неустойчивость и, как правило, увеличение социального неравенства. Причем число таких государств росло. Стремление объяснить их существование в большинстве случаев ограничивалось анализом специфических особенностей, которые сложились, потому что эти страны не могли вписаться в новые тенденции технологического и информационного развития. В реальности они предпринимали меры, чтобы выйти из такого состояния, и некоторым из них это удавалось.

Но отличительная особенность травмированного общества от общества, находящегося в состоянии кризиса, заключалась в том, что состояние нестабильности сохранялось *длительное время*, нередко затягивалось на десятилетия. Применение апробированных антикризисных мер, приносивших желаемые результаты в других странах, не всегда оказывалось действенным. Тем более что понятия кризиса, стагнации и рецессии следует различать. «В отличие от кризиса, который несет в себе заряд послекризисного развития, стагнация не имеет внутренних пружин для будущего экономического роста» [41, с. 3–15].

Все это позволяет говорить, что и в научной, и в политической лексике появилось принципиально новое понятие – «общество травмы», *трактуемое как третья модальность наряду эволюцией и революцией*. Следовательно, в такой ситуации необходимо применить другие методы анализа, прибегнуть к использованию иного понятийного аппарата и попытаться найти общие и особенные характеристики этих обществ.

Библиографические ссылки

1. Мотрошилова НВ, Руткевич АМ, редакторы. *История философии: Запад – Россия – Восток. Книга 4. Философия XX в.* Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; 2000. 426 с.
2. Фуко М. *Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982–1983 учебном году.* Санкт-Петербург: Наука; 2011. 677 с.
3. Кун Т. *Структура научных революций.* Москва: АСТ; 2003. 605 с.
4. Маркс К. К критике политической экономии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 13.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1959. с. 1–137.
5. Илюшечкин ВП. *Теория стадийного развития общества (история и проблемы).* Москва: Восточная литература; 1996. 406 с.
6. Семёнов ЮИ. *Марксова теория общественно-экономических формаций и современность.* [Интернет; процитировано 4 декабря 2019]. Доступно по: scepsis.net/library/id_120.html.
7. Шумпетер ЙА. *Теория экономического развития.* Москва: Экспо; 2007. 864 с.

8. Кейнс ДжМ. *Общая теория занятости, процента и денег*. Москва: Гелиос АРВ; 2002. 352 с.
9. Федотова ВГ. *Хорошее общество*. Москва: Прогресс-Традиция; 2005. 544 с.
10. Кравченко СА. «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социологические исследования*. 2014;8:3–10.
11. Покровский НЕ. Россия в контексте глобализации. *Социологические исследования*. 2000;5:61–75.
12. Матвеев ИА. Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России. *Полития*. 2015;4:25–44. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-25-47.
13. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет; 2011. 387 с.
14. Швырев ВС. Сциентизм и антисциентизм. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+; 2009. с. 491–495. Совместное издание с РООИ «Реабилитация».
15. Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. Москва: АСТ; 2004. 602 с.
16. Сокольников Я. О гипотезе конвергенции социализма и капитализма. *Россия навсегда. Народные ведомости*. 2013, 13 февраля.
17. Ленин ВИ. О брошюре Юниуса. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 30*. Москва: Политиздат; 1981. с. 1–16.
18. Бартенев ВИ. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики. *Полис. Политические исследования*. 2017;2:26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.
19. Тощенко ЖТ. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). *Полис. Политические исследования*. 2017;1:70–84. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07.
20. Caruth C. *Trauma. Explorations in memory*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1995. 288 p.
21. Habermas J. The post-national constellation and the future democracy. In: Habermas J. *The post-national constellation: political essays*. Cambridge: MIT Press; 2001. p. 58–112.
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
23. Smelser NJ. Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 31–59.
24. Alexander JC, Sztompka P, editors. *Rethinking progress: movements, forces and ideas of the end of the 20th century*. London: Routledge; 1990. 284 p.
25. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity Press; 2012. 180 p.
26. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press; 1989. 254 p.
27. Eyerman R. Social theory and trauma. *Acta sociologica*. 2013;56(1):41–53.
28. Eyerman R, Alexander JC, Breese E, editors. *Narrating trauma: on the impact of collective suffering*. Boulder: Paradigm Publisher; 2011. 296 p.
29. Бузгалин АВ, Колганов АН. *Глобальный капитал. Том 1*. Москва: URSS; 2015. 640 с.
30. Делягин М. В жерновах глобальной депрессии. *Свободная мысль*. 2013;1:124–133.
31. Гринберг РС. *Великая трансформация: невыученные уроки*. Москва; 2009. 302 с.
32. Красин ЮА. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. *Полис. Политические исследования*. 2003;1:124–133.
33. Левашов ВК. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя. *Социологические исследования*. 2015;10:31–38.
34. Петухов ВВ. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены. *Социологические исследования*. 2018;11:40–53.
35. Федоров ВВ. *Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения*. Москва: Праксис; 2010. 384 с.
36. Горшков МК. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. Москва: Новый хронограф; 2016. 416 с.
37. Левада ЮА. *Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005*. Москва: Новое издательство; 2006. 710 с.
38. Запесоцкий АС. *Культура: взгляд из России*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2014. 848 с.
39. Смолин ОН. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? *Социологические исследования*. 2005;6:91–101.
40. Кравченко СА. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы. *Социологические исследования*. 2010;10:14–25.
41. Аганбегян АГ. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования*. 2019;1:3–15.

References

1. Motroshilova NV, Rutkevich AM, editors. *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. Kniga 4. Filosofiya XX v.* [History of philosophy: West – Russia – East. Book 4. Philosophy of the 20th century]. Moscow: Yuri Shichalin's Museum Greco-Latinum; 2000. 426 p. Russian.
2. Foucault M. *Germenevtika sub'ekta. Kurs lektii, pročitannykh v Kolledzh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu* [The hermeneutics of the subject. Lectures at the Collège de France 1981–1982]. Saint Petersburg: Nauka; 2011. 677 p. Russian.
3. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST; 2003. 605 p. Russian.
4. Marx K. [To the criticism of political economy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 13* [Works. Volume 13]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1959. p. 1–137. Russian.
5. Ilyushechkin VP. *Teoriya stadiinogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [Theory of the staged development of society (history and problems)]. Moscow: Vostochnaya literatura; 1996. 406 p. Russian.
6. Semenov YI. [Marx's theory of socio-economic formations and modernity] [Internet; cited 2019 December 4]. Available from: scepsis.net/library/id_120.html. Russian.
7. Schumpeter JA. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow: Ekspo; 2007. 864 p. Russian.
8. Keynes JM. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The general theory of employment, interest and money]. Moscow: Helios ARV; 2002. 352 p. Russian.

9. Fedotova VG. *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 544 p. Russian.
10. Kravchenko SA. [«A normal anomie»: contours of conception]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;8:3–10. Russian.
11. Pokrovsky NE. [Russia in the Context of Globalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000;5:61–75. Russian.
12. Matveev IA. [Hybrid neoliberalization: state, legitimacy and neoliberalism in Putin's Russia]. *Politeia*. 2015;4:25–44. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-25-47.
13. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet; 2011. 387 p. Russian.
14. Shvyrev VS. [Scientism and anti-scientism]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon; 2009. p. 491–495. Co-published by the ROOI «Rehabilitatsiya». Russian.
15. Galbraith J. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The new industrial state]. Moscow: AST; 2004. 602 p. Russian.
16. Sokol'nikov Ya. [On the hypothesis of the convergence of socialism and capitalism]. *Rossiia navsegda. Narodnye vedomosti*. 2013 February 13. Russian.
17. Lenin VI. [The Junius pamphlet]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 30* [Complete works. Volume 30]. Moscow: Politizdat; 1981. p. 1–16. Russian.
18. Bartenev VI. From «failed states» to «states of fragility»: logic of conceptual acrobatics. *Polis. Political Studies*. 2017; 2:26–41. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.
19. Toshchenko ZhT. Trauma society: between evolution and revolution (the invitation to debate). *Polis. Political Studies*. 2017;1:70–84. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07.
20. Caruth C. *Trauma. Explorations in memory*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1995. 288 p.
21. Habermas J. The post-national constellation and the future democracy. In: Habermas J. *The post-national constellation: political essays*. Cambridge: MIT Press; 2001. p. 58–112.
22. Sztompka P. [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
23. Smelser NJ. Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 31–59.
24. Alexander JC, Sztompka P, editors. *Rethinking progress: movements, forces and ideas of the end of the 20th century*. London: Routledge; 1990. 284 p.
25. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity Press; 2012. 180 p.
26. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press; 1989. 254 p.
27. Eyerman R. Social theory and trauma. *Acta sociologica*. 2013;56(1):41–53.
28. Eyerman R, Alexander JC, Breese E, editors. *Narrating trauma: on the impact of collective suffering*. Boulder: Paradigm Publisher; 2011. 296 p.
29. Buzgalin AV, Kolganov AN. *Global'nyi kapital. Tom 1* [Global capital. Volume 1]. Moscow: URSS; 2015. 640 p. Russian.
30. Delyagin M. [In the millstone of global depression]. *Svobodnaya mysl'*. 2013;1:5–18. Russian.
31. Greenberg RS. [The great transformation: unlearned lessons]. Moscow; 2009. 302 p. Russian.
32. Krasin YuA. [Political self-determination of Russia: problems of choice]. *Polis. Political Studies*. 2003;1:124–133. Russian.
33. Levashov VK. [Reforms and crises: thirty years later]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;10:31–38. Russian.
34. Petukhov VV. Dynamics of the social attitudes of the Russia's citizens and making of a public demand for change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;11:40–53. Russian.
35. Fedorov VV. *Russkii vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya* [Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior]. Moscow: Praxis; 2010. 384 p. Russian.
36. Gorshkov MK. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: experience of sociological diagnostics]. Moscow: Novyi khronograf; 2016. 416 p. Russian.
37. Levada Yu. *Ishchem cheloveka: sotsiologicheskiye ocherki. 2000–2005* [We are looking for a person: sociological essays. 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 710 p. Russian.
38. Zapesotskii AS. *Kul'tura: vzglyad iz Rossii* [Culture: a view from Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences; 2014. 848 p. Russian.
39. Smolin ON. [Higher education: struggling for quality or encroaching on human potential?]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015;6:91–101. Russian.
40. Kravchenko SA. [Dynamics of modern social realities: innovative approaches]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2010; 10:14–25. Russian.
41. Aganbegyan AG. [On immediate actions to reinvigorate social and economic growth]. *Problemy prognozirovaniya*. 2019;1:3–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.12.2019.
Received by editorial board 06.12.2019.

ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, А. А. БЕЛОВ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

На основании данных международной статистики проведена оценка ресурсного обеспечения научной сферы Республики Беларусь. Установлено, что величина затрат на научные исследования и разработки в значительной мере определяет уровень кадрового потенциала научной сферы. Сделан вывод о том, что слабое финансирование науки и многолетняя тенденция к уменьшению числа исследователей обуславливают низкую публикационную и патентную активность белорусских ученых. Выявлена зависимость инновационной активности организаций промышленности от финансового и кадрового обеспечения научной сферы. Для изменения ситуации предлагается увеличить уровень государственной поддержки белорусской науки, который значительно уступает соответствующему показателю в большинстве стран Европы.

Ключевые слова: наукоемкость ВВП; внутренние затраты на научные исследования и разработки; кадровый потенциал; публикационная активность; патентная активность; инновационная деятельность.

RESOURCE SUPPLY PROBLEMS OF THE SCIENTIFIC SPHERE IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE BELARUSIAN NATION INTELLECTUAL POTENTIAL

A. N. DANILOV^a, A. A. BELOV^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bCenter for System Analysis and Strategic Research,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. A. Belov (belov404.net@gmail.com)

The article evaluates the level of resource supply of the scientific sphere of the Republic of Belarus on the basis of international statistics. It is clarified that the level of expenditure on research and development largely determines the level of personnel potential of the scientific sphere. It is concluded that the low level of funding for science, as well as the long-term trend to reduce the number of researchers, determined the low level of publication activity of Belarusian scientists, as well as the decrease in patent activity. The dependence of innovative activity of industrial organizations on financial and personnel support of the scientific sphere is identified. To change the situation, it is proposed to increase the level of state support for Belarusian science, which is significantly lower than the level of most European countries.

Keywords: internal research and development expenditure; human resources; publication activity; patent activity; innovative activity.

Образец цитирования:

Данилов АН, Белов АА. Проблемы ресурсного обеспечения научной сферы в контексте реализации интеллектуального потенциала белорусской нации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:13–22.

For citation:

Danilov AN, Belov AA. Resource supply problems of the scientific sphere in the context of implementation of the Belarusian nation intellectual potential. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:13–22. Russian.

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Андрей Александрович Белов – кандидат социологических наук; старший преподаватель кафедры социологии факультета философии и социальных наук¹⁾, заведующий сектором организации и управления научно-инновационной сферы²⁾.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

Andrei A. Belov, PhD (sociology); senior lecturer at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^a, and head of the sector of organization and management of science and innovation sphere^b.
belov404.net@gmail.com

Введение

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь¹ одним из основных национальных интересов страны в научно-технологической сфере является обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития. При этом к внутренним источникам угроз в данной сфере, помимо прочего, отнесена наукоемкость ВВП ниже критического уровня, необходимого для воспроизводства научно-технологического потенциала, а также слабая инновационная активность и восприимчивость белорусской экономики.

Справочно. Наукоемкость ВВП определяется как отношение объема внутренних затрат на научные

исследования и разработки к валовому внутреннему продукту и измеряется в процентах.

Таким образом, в одном из основных стратегических документов белорусского государства научная деятельность выделяется в качестве необходимого условия инновационной активности, а недостаточный уровень затрат на науку, т. е. низкая наукоемкость ВВП, квалифицируется как угроза национальной безопасности. С учетом изложенного актуальной задачей научных исследований выступает оценка ресурсного обеспечения науки на основании сравнительного межстранового анализа показателей, а также определение дальнейших перспектив развития научно-инновационной сферы в Беларуси.

Уровень затрат на научные исследования и разработки

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.² определено, что пороговому значению экономической безопасности государства соответствует уровень наукоемкости ВВП не менее 1 %. Фактически такое значение данного показателя

в Беларуси в последний раз наблюдалось в 1996 г. На протяжении 2009–2018 гг. наукоемкость ВВП изменялась в интервале от 0,5 до 0,7 %. Аналогичная ситуация характерна и для показателя затрат на науку в расчете на душу населения: начиная с 2008 г. он колеблется в интервале от 75 до 105 долл. США (рис. 1).

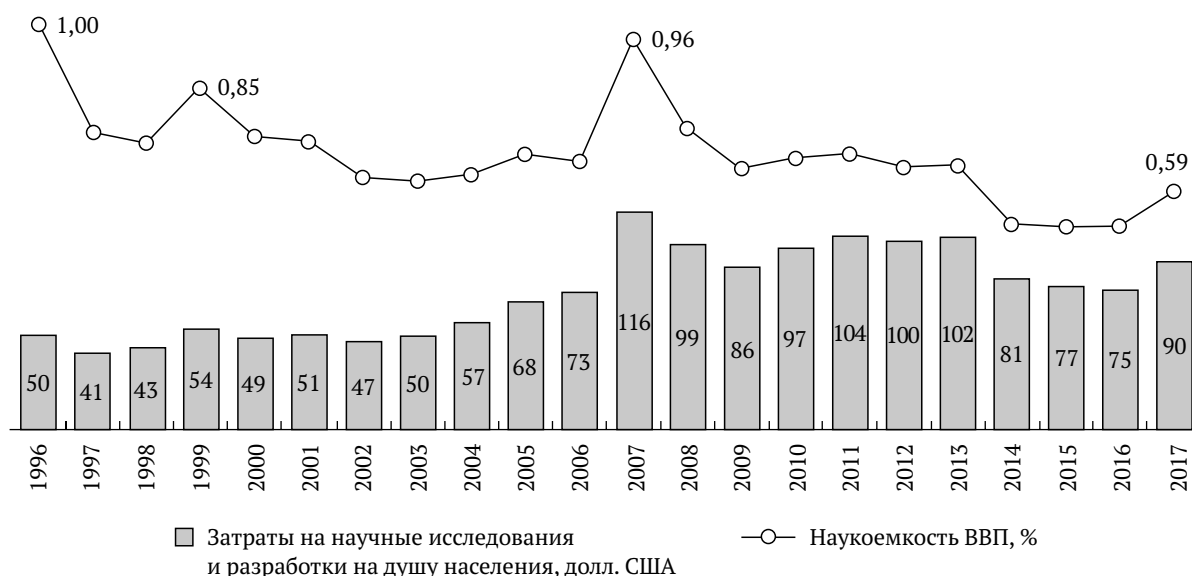

Рис. 1. Показатели уровня внутренних затрат на научные исследования и разработки в Республике Беларусь в 1996–2017 гг. (стоимостные показатели приводятся в долларах США по паритету покупательной способности (ППС) в постоянных ценах 2005 г.; составлено авторами на основе данных [1])

Fig. 1. Indicators of the level of internal expenditures on research and development in the Republic of Belarus in 1996–2017 (cost indicators are given in US dollars at purchasing power parity at constant prices of 2005; developed by the authors based on data of [1])

¹Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (с изм. и доп.: Указы Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 621 ; 24 янв. 2014 г. № 49) // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

²Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

По показателям уровня затрат на научные исследования и разработки Беларусь уступает почти всем странам Европы. Даже среди соседей Беларусь занимает достаточно низкие позиции, опережая по наукоёмкости ВВП лишь Украину (0,45 %) и Латвию (0,51 %). Наукоёмкость ВВП в России составляет 1,11 %, в Польше – 1,03, в Литве – 0,89 %. При этом по уровню расходов на научные исследования и разработки в расчете на душу населения Беларусь опережает только Украину (31,6 долл. США). В России этот показатель равен 171,1 долл. США, в Польше – 227,2, в Литве – 202,1, в Латвии – 101,2 долл. США.

По уровню наукоёмкости ВВП в Европе Беларусь попала в десятку стран с самыми низкими

значениями данного показателя. В эту же группу входят такие страны, как Албания, Босния и Герцеговина, Молдова, Черногория, Македония, Украина, Румыния, Латвия и Мальта. В среднем же в Европе (учтено 40 стран) наукоёмкость ВВП составляет 1,41 %, а средний уровень расходов на науку в расчете на душу населения равен 467 долл. США, что более чем в 4 раза превышает соответствующее значение для Беларуси (90 долл. США) (рис. 2).

Многолетнее отставание от большинства европейских стран по уровню расходов на науку приводит к снижению научно-технического потенциала Беларуси, что уже нашло свое отражение в ряде негативных тенденций.

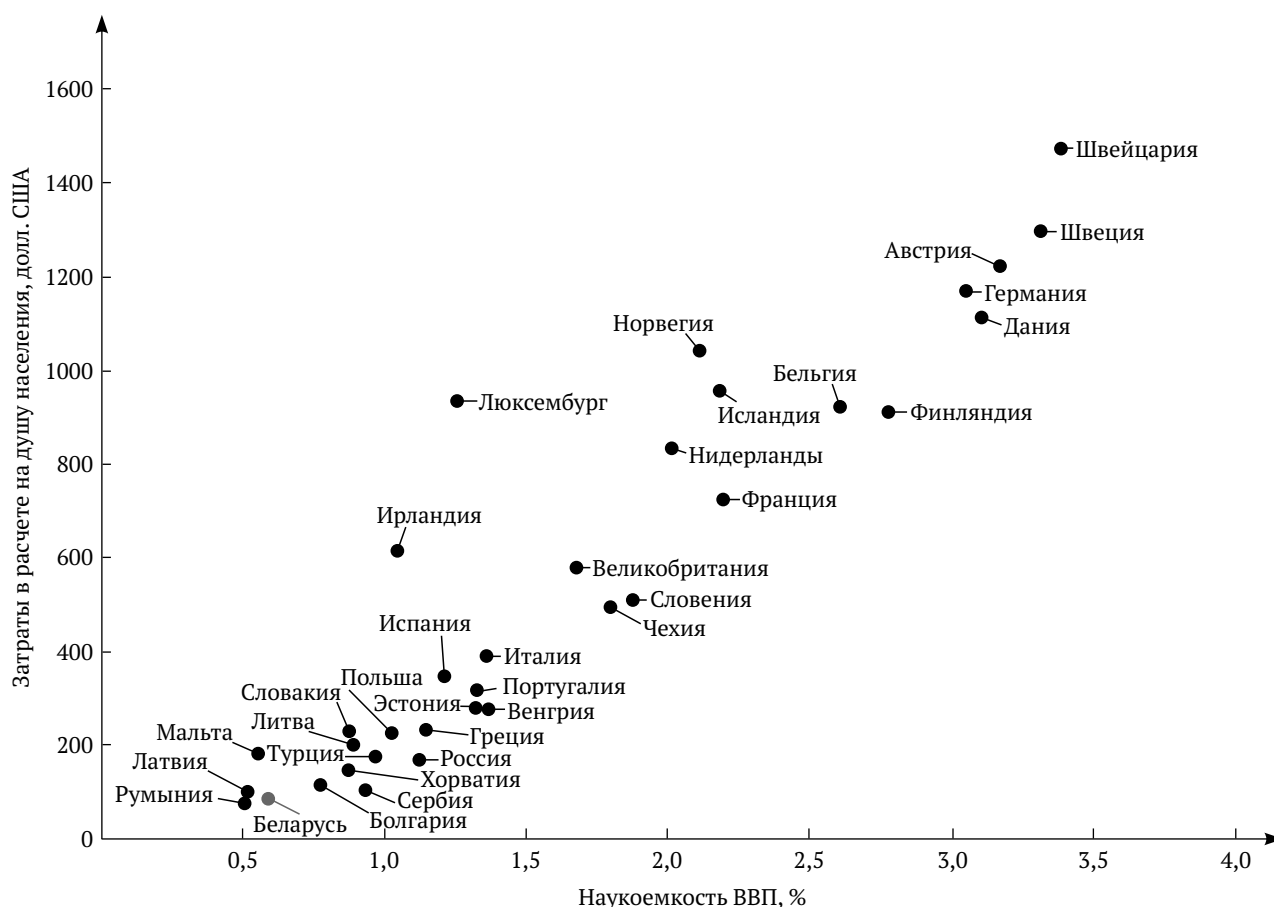

Рис. 2. Показатели уровня внутренних затрат на научные исследования и разработки в странах Европы (стоимостные показатели приводятся в долларах США по ППС в постоянных ценах 2005 г.; составлено авторами на основе данных [1])

Fig. 2. Indicators of the level of internal expenditure on research and development in European countries (cost indicators are given in US dollars at purchasing power parity at constant prices of 2005; developed by the authors based on data of [1])

Зависимость кадрового потенциала науки от финансирования научной сферы

Прежде всего низкий уровень затрат на научные исследования и разработки приводит к резкому снижению количества ученых в стране. С 1996 по 2018 г. число исследователей уменьшилось с 23,3 до 17,8 тыс. человек. В расчете на 1 млн жителей стра-

ны количество исследователей за этот же период снизилось с 2307 до 1877 человек (рис. 3).

Несмотря на некоторую стабилизацию и небольшой рост численности исследователей в течение последних 4 лет (начиная с 2016 г.), Беларусь,

по сравнению с другими странами Европы, характеризуется одним из наименьших значений уровня кадрового потенциала науки. В частности, количество исследователей на уровне менее 2 тыс. человек на 1 млн жителей характерно всего для 6 стран

Европы. Помимо Беларуси, к этой группе относятся Босния и Герцеговина, Молдова, Украина, Румыния и Македония. В среднем в странах Европы данный показатель находится на уровне 5245 исследователей на 1 млн жителей.

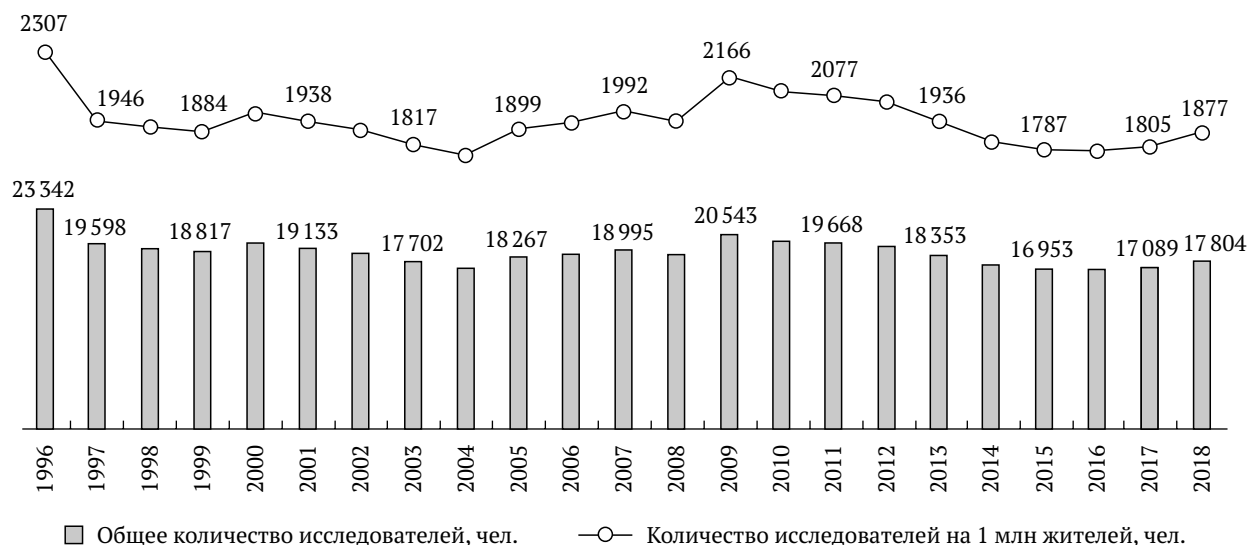

Рис. 3. Динамика численности исследователей в Республике Беларусь в 1996–2018 гг.
(составлено авторами на основе данных [1])
Fig. 3. Dynamics of the number of researchers in the Republic of Belarus in 1996–2018
(developed by the authors based on data of [1])

В странах Европы прослеживается сильная прямая зависимость количества исследователей от наукоемкости ВВП. Коэффициент корреляции между признаками составил 0,86. Подобная закономер-

ность свидетельствует о том, что наращивание кадрового потенциала науки напрямую зависит от увеличения финансирования данной сферы деятельности (рис. 4).

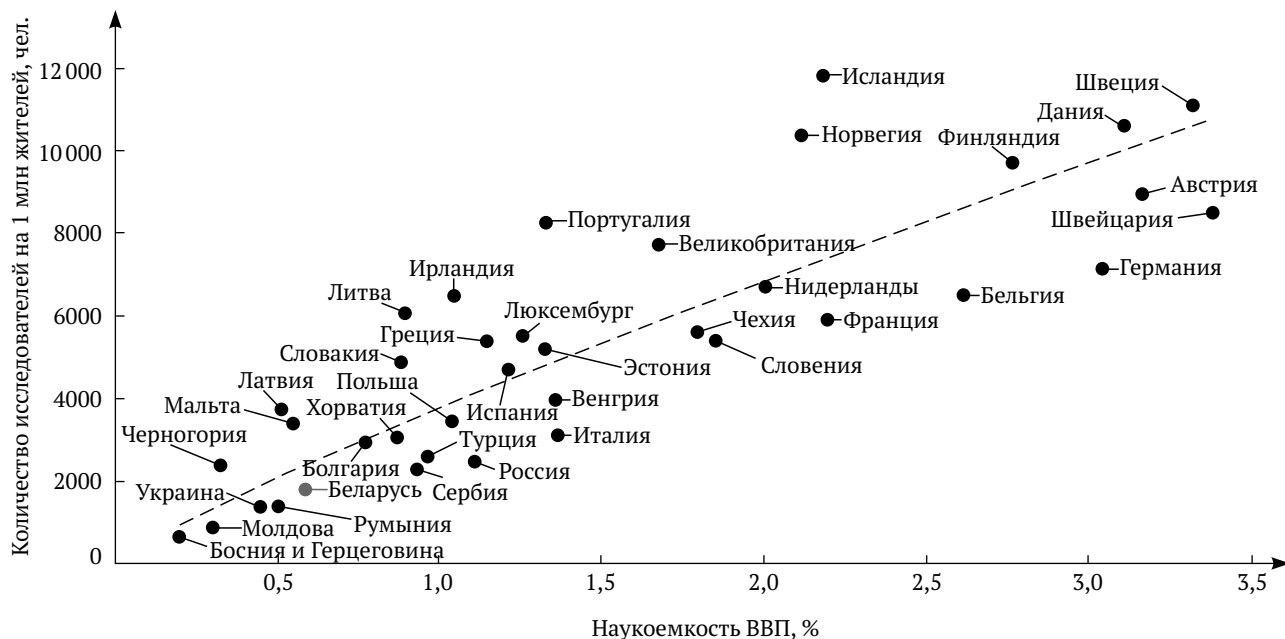

Рис. 4. Зависимость кадрового потенциала науки от наукоемкости ВВП в странах Европы
(составлено авторами на основе данных [1])

Fig. 4. Dependence of the human resource potential of science on the knowledge intensity of GDP in European countries
(developed by the authors based on data of [1])

Публикационная и патентная активность белорусских ученых

Невысокий уровень наукоемкости ВВП и кадрового потенциала научной сферы обуславливает крайне низкую результативность белорусской науки по сравнению с показателями в других странах Европы. Прежде всего критическая ситуация наблюдается по публикационной активности ученых.

Справочно. Для оценки научного и научно-технического потенциала страны, а также результативности научной деятельности широкое распространение в международной практике получил подход, основанный на анализе публикационной активности ученых. Такой анализ проводится с использованием агрегированных библиографических и реферативных баз данных, крупнейшими и наиболее авторитетными из которых в настоящее время являются *Scopus* и *Web of Science*.

В 2018 г. в базу данных *Scopus* было включено 2334 публикации белорусских ученых, *Web of Science* – 2304 публикации. По сравнению с пре-

дыдущим годом количество публикаций ученых нашей страны увеличилось на 13,1 % в *Scopus* и на 11,2 % в *Web of Science* [2, с. 27]. Вместе с тем общий уровень публикационной активности белорусских ученых, по сравнению с исследователями из других стран Европы, остается крайне низким. В частности, в 2018 г. количество публикаций белорусских ученых в расчете на 1 млрд ВВП по ППС составило 12,2 ед. (в 2017 г. – 11,5). По данному показателю Беларусь уступает всем странам Европы (рис. 5).

Кроме того, в Беларуси наблюдается устойчивая негативная тенденция к снижению уровня патентной активности. В частности, количество заявок на патентование изобретений и полезных моделей с 2011 по 2018 г. упало более чем в 3,5 раза. В свою очередь, число выданных патентов на изобретения за тот же период уменьшилось более чем в 2,5 раза, а на полезные модели – более чем в 3,5 раза (рис. 6).

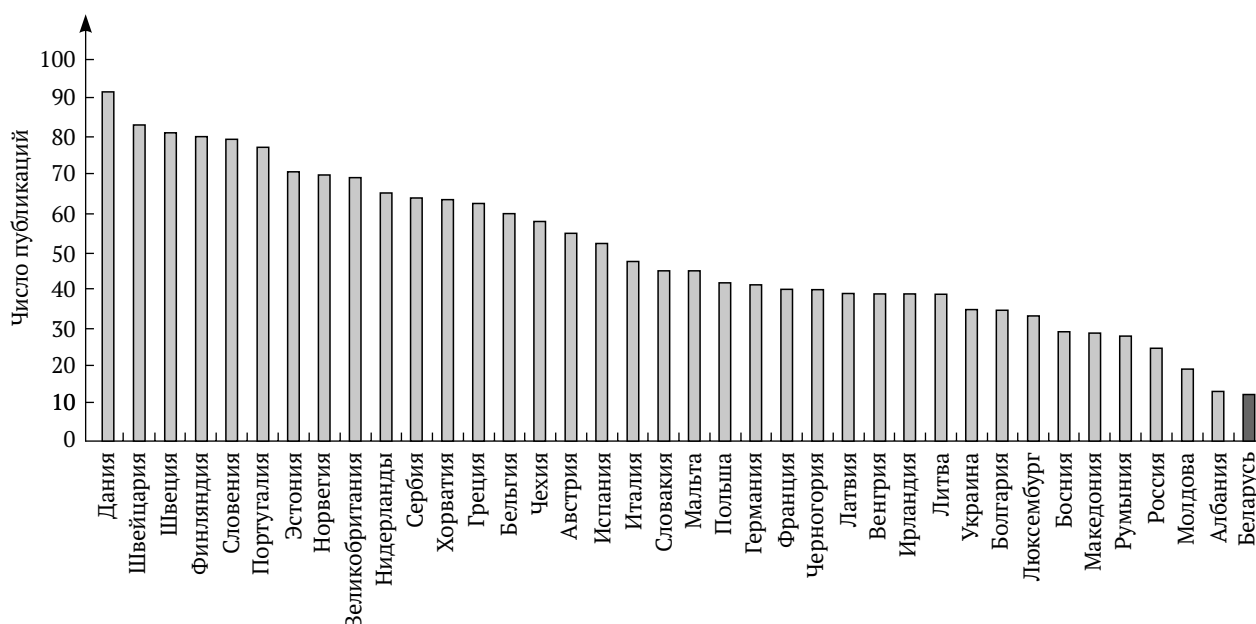

Рис. 5. Количество публикаций, включенных в базу данных *Scopus* за 2018 г., по странам Европы в расчете на 1 млрд ВВП по ППС (составлено авторами на основе данных [3])

Fig. 5. Number of publications included in the *Scopus* database for 2018 by European countries per 1 billion of GDP by PPP (developed by the authors based on data of [3])

Наукоемкость ВВП как фактор инновационной активности организаций промышленности

Низкие затраты на науку оказывают существенное влияние также на инновационную активность организаций промышленности. Так, в результате сравнительного анализа данных по странам Европы установлена сильная прямая зависимость уровня инновационной активности от

наукоемкости ВВП. В соответствии с выявленной закономерностью наиболее высокий уровень инновационной активности наблюдается в странах с наибольшими затратами на науку. Коэффициент корреляции между двумя показателями составил 0,70.

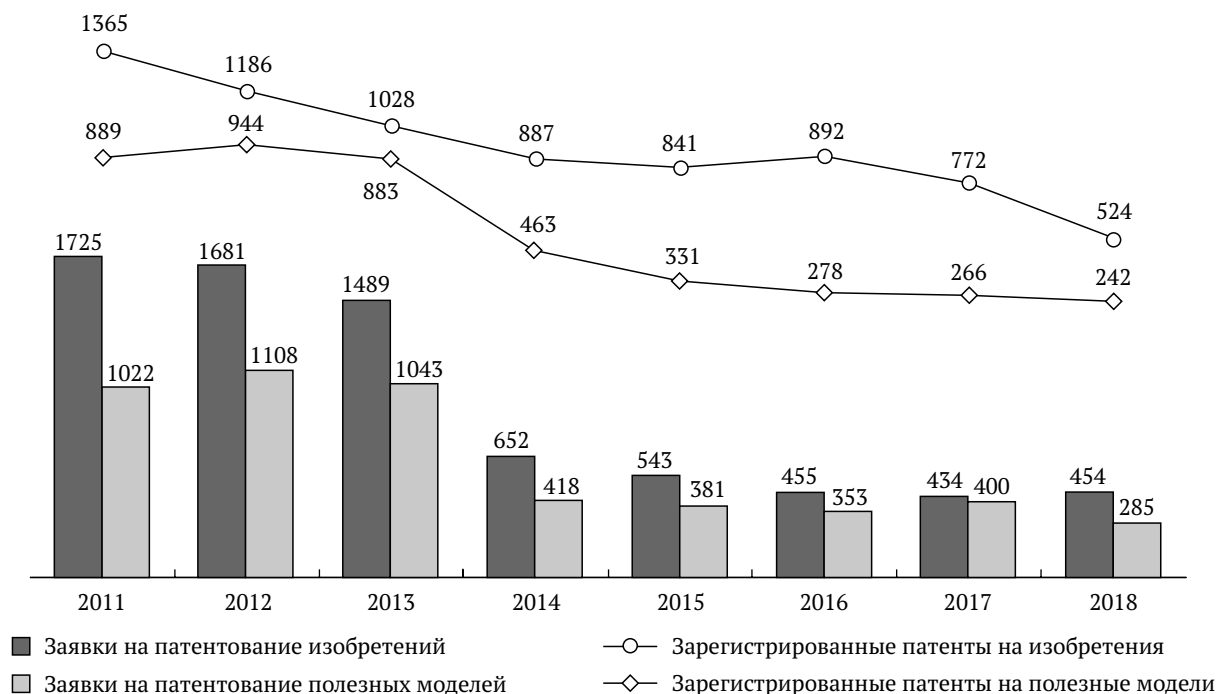

Рис. 6. Количество заявок и зарегистрированных патентов на изобретения и полезные модели от национальных заявителей в 2011–2018 гг. (составлено авторами на основе данных [2, с. 162])

Fig. 6. Number of applications and registration of patents for inventions and utility models from national applicants in 2011–2018 (developed by the authors based on data of [2, p. 162])

В частности, в 10 странах Европы наукоёмкость ВВП составляет более 2 %, а уровень инновационной активности в среднем равен 53,9 %. Еще для 14 стран значение наукоёмкости ВВП попадает в интервал от 1 до 2 %, а уровень инновационной активности в среднем составляет 40,9 %. И наконец, в 13 странах наукоёмкость ВВП находится на уровне менее 1 %, а средний уровень инновационной активности равен всего 29,2 %, что сопоставимо со значением этого показателя для Республики Беларусь (28,7 %) (рис. 7).

Справочно. При проведении сравнительного анализа инновационной активности Беларуси и стран Европы необходимо учитывать особенности международной методологии. Так, в большинстве стран Европы организация считается инновационно активной в течение 3 лет с момента, когда понесены затраты на инновации. В Беларуси период учета равен 1 году. По национальной методологии уровень инновационной активности в 2018 г. составил 23,3 %, а при трехлетнем периоде учета – 28,7 %.

Еще одним признаком, оказывающим заметное влияние на уровень инновационной активности организаций промышленности, является численность исследователей на 1 млн населения. Указанный индикатор отражает уровень занятости населения в научной сфере и таким образом выступает в качестве показателя развития (приоритетности) и кадрового потенциала науки. Коэффициент пар-

ной линейной корреляции между инновационной активностью и численностью исследователей составил 0,65. Как и в случае с наукоёмкостью, эта связь носит нелинейный характер. В частности, прирост инновационной активности несколько замедляется по мере увеличения численности исследователей. Такая закономерность наилучшим образом описывается логарифмической функцией. Соответствующий коэффициент корреляции составляет 0,68.

Установленная закономерность показывает, что наибольший уровень инновационной активности характерен для 16 стран Европы, где численность исследователей на 1 млн жителей превышает 4 тыс. человек. Так, максимальный уровень инновационной активности наблюдается в Бельгии (68,2 %), Финляндии (64,7 %) и Норвегии (60,4 %). При этом численность исследователей на 1 млн населения в этих странах составляет 4905, 6707 и 6407,5 человека соответственно.

В 13 странах Европы, где численность исследователей попадает в интервал от 2 до 4 тыс. человек в расчете на 1 млн населения, уровень инновационной активности в среднем составляет 33,6 %. В эту группу входят преимущественно страны Центральной и Восточной Европы, например Чехия и Сербия (численность исследователей – 3690 и 2079 человек на 1 млн населения, уровень инновационной активности – 42,6 и 39,3 % соответственно).

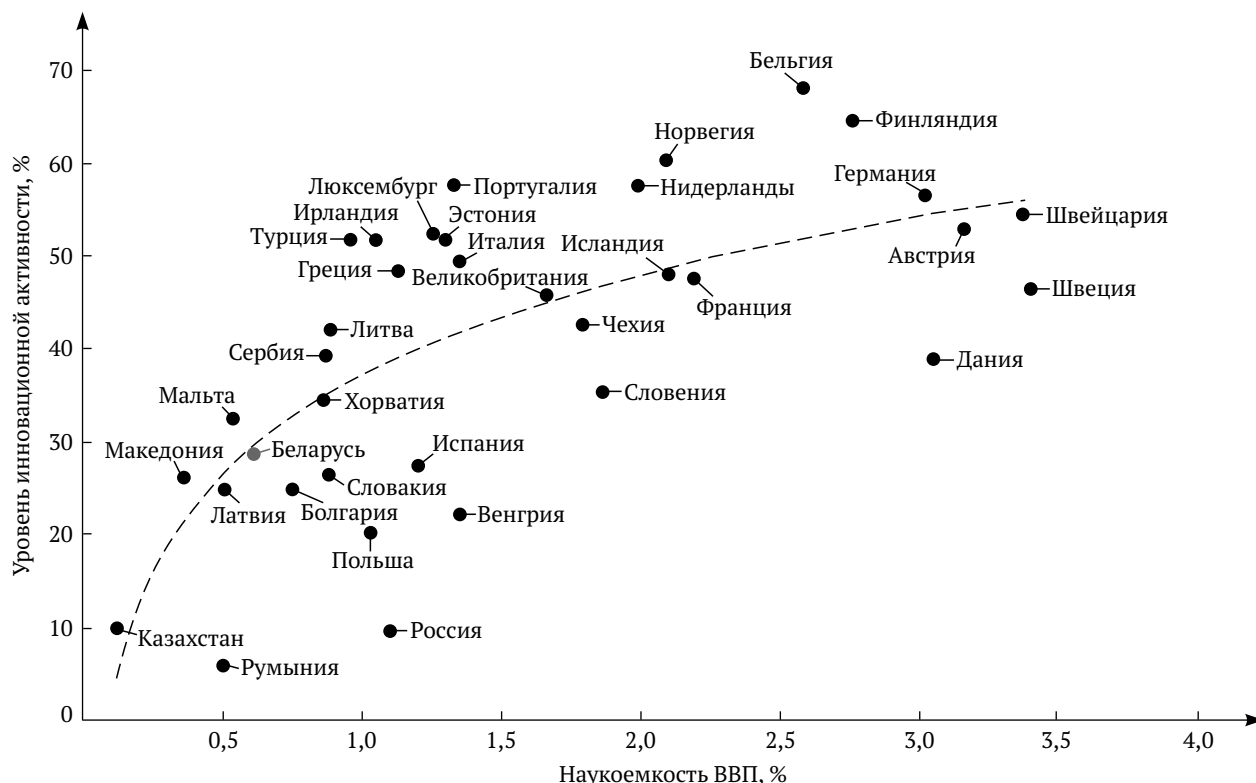

Рис. 7. Зависимость уровня инновационной активности от наукоемкости ВВП в странах Европы (составлено авторами на основе данных [1; 4])

Fig. 7. Dependence of the level of innovation activity on the knowledge intensity of GDP in European countries (developed by the authors based on data of [1; 4])

Наконец, всего для 8 анализируемых стран численность исследователей в расчете на 1 млн населения оказалась меньше 2 тыс. человек. К этой группе стран относится и Беларусь (1875 исследователей). Средний уровень инновационной активности в этих странах составляет всего 26,8 %, что практически равно значению соответствующего показателя для нашей страны (28,7 %). Наиболее близкой к Беларуси по двум указанным критериям является Латвия, где численность исследователей – 1786 человек на 1 млн населения, а уровень инновационной активности – 24,9 % (рис. 8).

Таким образом, уровень инновационной активности организаций промышленности в значительной мере зависит от показателей финансового и кадрового обеспечения научной сферы. Инновационная деятельность связана с внедрением новшеств (новых процессов производства и продукции), которые разрабатываются учеными. Если в стране не создаются собственные новшества, то инновационное развитие сводится к заимствованию иностранных технологий. В этом случае инновационная деятельность организаций промышленности заключается в простой закупке оборудования, а не в разработке собственных новшеств.

В связи с этим важным индикатором, отражающим специфику инновационной активности, яв-

ляется отношение затрат на исследования и разработки к затратам на приобретение машин и оборудования в рамках технологических инноваций. В 2018 г. в Беларуси затраты на исследования и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства, а также новых производственных процессов составили всего 21,9 % от величины затрат на приобретение машин, оборудования, установок, связанных с технологическими инновациями. Это одно из самых низких значений данного показателя в странах Европы. Меньшее соотношение фиксируется только для Сербии (10,1 %) и Македонии (4,7 %). При этом во всех странах Западной Европы наблюдается значительное превышение затрат на науку над затратами на приобретение машин и оборудования. В наибольшей степени это характерно для Швеции (превышение в 6,2 раза), Бельгии (в 4,8 раза) и Франции (в 4,2 раза). В других странах с наиболее крупными экономиками в Европейском союзе также преобладают затраты на научные исследования и разработки: в Великобритании – в 1,04 раза, Германии – 2,9, Италии – в 2 раза.

Ситуация, когда затраты на науку меньше затрат на приобретение машин и оборудования, характерна только для стран Южной и Восточной Европы. Однако и в них положение, как правило, выгодно отличается от ситуации в Беларуси (рис. 9).

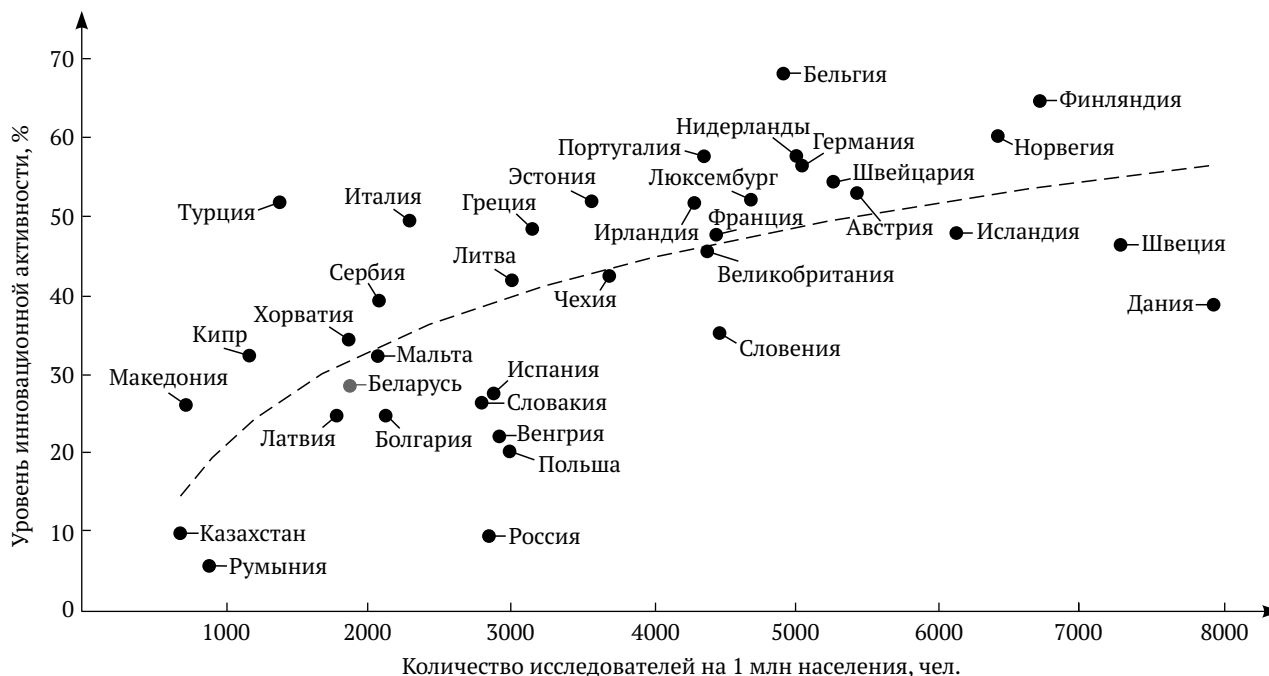

Рис. 8. Зависимость уровня инновационной активности от кадрового потенциала научной сферы в странах Европы (составлено авторами на основе данных [1; 4])

Fig. 8. Dependence of the level of innovation activity on the human potential of the scientific sphere in European countries (developed by the authors based on data of [1; 4])

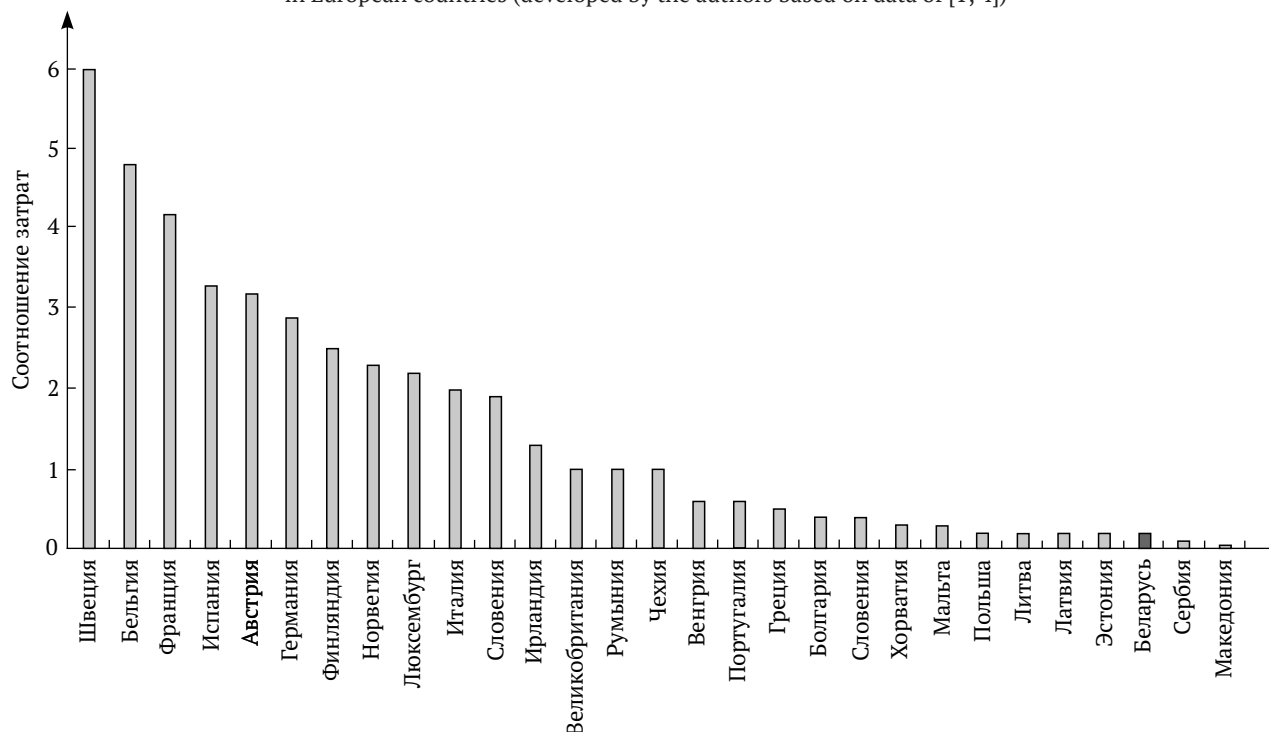

Рис. 9. Соотношение затрат на научные исследования и разработки к затратам на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями (составлено авторами на основе данных [4])

Fig. 9. The ratio of the cost of research and development to the cost of acquiring machinery and equipment related to technological innovation (developed by the authors based on data of [4])

Перспективы развития научно-технического потенциала

Изменение негативных трендов в научной, научно-технической и инновационной сферах деятельности и реализация интеллектуального потен-

циала белорусского народа на уровне передовых стран Европы связаны со значительным наращиванием наукоемкости ВВП. С учетом неразвитости

внебюджетных механизмов финансирования науки в среднесрочной перспективе требуется обеспечить существенное увеличение государственной поддержки научных исследований и разработок.

В большинстве стран Европы государственная поддержка науки осуществляется двумя способами: во-первых, через прямые бюджетные расходы на науку; во-вторых, посредством стимулирования научной деятельности с помощью системы налоговых льгот.

По уровню налогового льготирования научной инновационной сферы Республика Беларусь значительно уступает большинству ведущих стран Европейского союза. В частности, общий объем высвобожденных средств в результате применения льгот в научной, научно-технической и инновационной сферах по итогам 2018 г. составил 318,6 млн руб. При этом более 70 % общего объема данных средств приходится на Парк высоких технологий и его резиден-

тов. В свою очередь, объем налогового стимулирования научной деятельности составил 62,7 млн руб., или 0,05 % от ВВП. В большинстве ведущих стран Европейского союза уровень налогового стимулирования научной деятельности значительно выше. Так, например, в Словении объем налоговых льгот составляет 0,1 %, в Ирландии и Австрии – 0,2 %.

Существенный вклад в финансирование научных исследований и разработок в странах Европы вносят бюджетные источники. Так, например, в среднем по странам Европейского союза объем затрат на науку из средств бюджета составляет 0,49 % от ВВП, в Российской Федерации – 0,6 %. Для Беларуси этот показатель равен всего 0,25 % от ВВП.

Совокупная государственная поддержка научной деятельности в Республике Беларусь оценивается на уровне 0,3 % от ВВП. По данному показателю наша страна уступает большинству государств Европы (рис. 10).

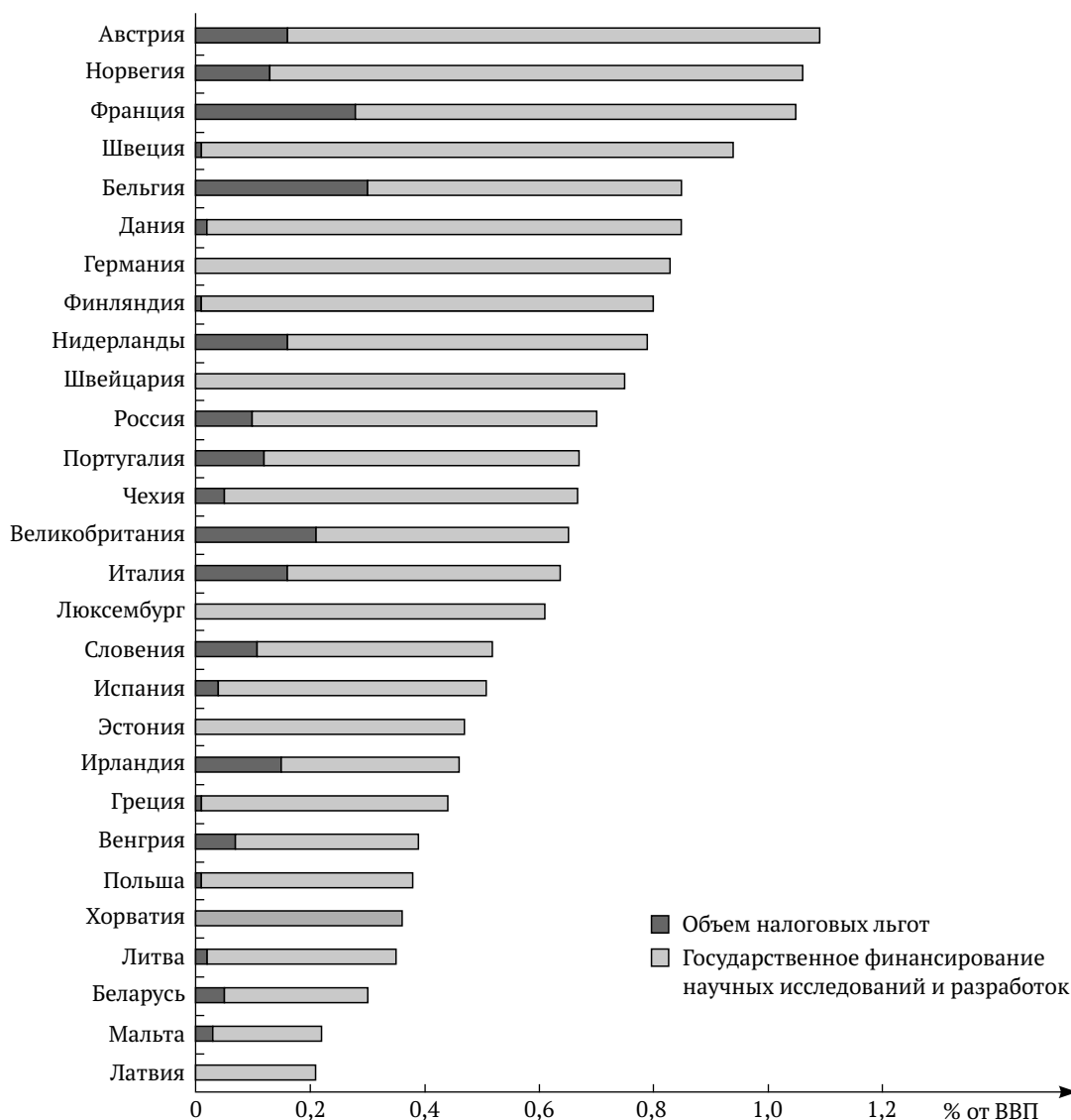

Рис. 10. Уровень государственной поддержки научной деятельности в странах Европы
(составлено авторами на основе данных [5])

Fig. 10. Level of state support for research and development in European countries
(developed by the authors based on data of [5])

Заключение

В результате анализа данных международной статистики определено, что Республика Беларусь входит в группу из 10 стран Европы с наименьшим уровнем внутренних затрат на научные исследования и разработки как по отношению к ВВП, так и в расчете на душу населения. Установлена сильная прямая зависимость численности исследователей от уровня финансирования научной сферы (коэффициент корреляции составил 0,86). По численности исследователей на 1 млн жителей уровень Республики Беларусь более чем в 2 раза ниже среднего значения стран Европы.

Низкий уровень ресурсного и кадрового обеспечения научной сферы в Беларуси определяет негативные тенденции в области публикационной и патентной активности ученых, являющейся отражением результативности науки. В частности, по международным показателям публикационной активности Беларусь занимает последнее место среди стран Европы. С 2011 по 2018 г. наблюдалось

резкое снижение заявок на патентование изобретений и полезных моделей (более чем в 3,5 раза).

Наукоемкость ВВП в значительной мере определяет уровень и характер инновационной активности организаций промышленности. Беларусь относится к странам с наукоемкостью ВВП менее 1 %, для которых уровень инновационной активности не превышает 30 %. При этом сама инновационная деятельность в большинстве случаев сводится к заимствованию зарубежных технологий, а в структуре затрат на технологические инновации преобладают расходы на приобретение машин и оборудования.

Для изменения сложившейся ситуации в среднесрочной перспективе требуется значительно увеличить государственную поддержку научной деятельности, которая в настоящее время оценивается в 0,3 % от ВВП. По данному показателю Беларусь уступает большинству европейских стран, даже в регионе Восточной Европы.

Библиографические ссылки

1. UNESCO Institute for Statistics Database [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <http://data.uis.unesco.org/>.
2. Шумилин АГ, Гусаков ВГ, редакторы. *О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2018 года. Аналитический доклад*. Минск: ГУ «БелИСА»; 2019. 280 с.
3. Scimago Journal & Country Rank [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php>.
4. Eurostat: results of the community innovation survey 2016 [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.
5. OECD.Stat [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://stats.oecd.org/>.

References

1. UNESCO Institute for Statistics Database [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <http://data.uis.unesco.org/>.
2. Shumilin AG, Gusakov VG, editors. *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya nauki v Respublike Belarus' po itogam 2018 goda. Analiticheskii doklad* [About condition and perspectives of science development in the Republic of Belarus following the results of 2018. Analytical report]. Minsk: SO «BelISA»; 2019. 280 p. Russian.
3. Scimago Journal & Country Rank [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php>.
4. Eurostat: results of the community innovation survey 2016 [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.
5. OECD.Stat [Internet; cited 2020 February 12]. Available from: <https://stats.oecd.org/>.

Статья поступила в редакцию 17.02.2020.
Received by editorial board 17.02.2020.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы совершенствования подготовки специалистов в системе высшего образования Республики Беларусь с учетом новых задач и вызовов в условиях цифровизации экономики. Автор исходит из того, что обучение информационно-компьютерным технологиям и формирование цифровой культуры необходимо осуществлять не только в отношении студентов, получающих профильное образование в данной сфере, но и всех остальных студентов. В цифровой культуре выделяются не только профессиональные (специальные), но и общие, универсальные компетенции, необходимые специалистам, занятым в любой сфере современной экономики. Те же универсальные компетенции нужны и для эффективной жизнедеятельности населения в целом в условиях нарастающей цифровизации. Высшее образование требует значительной модернизации для того, чтобы развивать у всех студентов востребованные компетенции и цифровую культуру и тем самым готовить кадры для цифровой экономики. Поколение студентов, погруженное в виртуальную реальность интернета, готово к соответствующим изменениям в сфере образования. Его виртуализация будет адекватным ответом на глобальный вызов, стоящий в настоящее время и перед Беларусью, и перед другими странами, идущими по пути развития индустрии 4.0.

Ключевые слова: цифровизация экономики; высшее образование; цифровая культура; виртуализация; универсальные и специальные компетенции.

VIRTUALIZATION OF EDUCATION IN A DIGITAL ECONOMY

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the problems of improving the training of specialists in the higher education system of the Republic of Belarus, taking into account new tasks and challenges in the context of the digitalization of the economy. The author proceeds from the fact that training in information and computer technologies and the formation of a digital culture must be carried out not only for the students receiving specialized education in this field, but also for all other students. In digital culture, not only professional (special), but also general, universal competencies are required for specialists employed in any area of the modern economy. The same universal competencies are necessary for the effective life of the population as a whole in the context of growing digitalization. The sphere of higher education needs significant modernization in order to develop the required competencies and digital culture for all students and thereby prepare personnel for the digital economy. The young generation of students, totally involved in the virtual reality of the Internet, is ready for the corresponding changes in the field of education. Its virtualization will be an adequate response to the global challenge currently facing Belarus and other countries along the path of developing industry 4.0.

Keywords: digitalization of the economy; higher education; digital culture; virtualization; universal and special competencies.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:23–30.

For citation:

Titarenko LG. Virtualization of education in a digital economy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:23–30. Russian.

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

Введение

Цифровизация стала для современности ключевым словом, которое характеризует не только уровень актуального производства, торговли, рынков труда и товаров, но и уровень повседневной жизни разных групп населения, включая средства обучения, социализации, развлечения, коммуникации, мобильности и т. п. На эту проблему обращено пристальное внимание правительств. Так, в Республике Беларусь были приняты нормативно-правовые документы, в которых переход к электронной (цифровой) экономике был обозначен в качестве стратегического ориентира. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. устанавливает цель улучшения условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства [1]. В целом эти показатели соответствуют пятому технологическому укладу, при котором электроника, микроэлектроника, информационные технологии, генная инженерия и тому подобное являются основными отраслями. Значительная часть экономики Беларуси находится еще в зрелой фазе четвертого технологического уклада, хотя пятый уклад (доминирующий в наиболее развитых странах мира) также развивается и находится в фазе роста. Рынок в технико-экономическом развитии позволит стране более эффективно внедрять инновации и на этой основе осуществлять развитие и экономики, и страны в целом. Отсюда понятна огромная важность развития информационных технологий и всего, что с ними связано.

Становление шестого технологического уклада неотделимо от четвертой промышленной революции, или индустрии 4.0. О ней говорят уже многие годы не только на научных конференциях, но и на форуме в Давосе, а также в мировых экономических институтах [2]. Среди основных направлений технологического развития индустрии 4.0 выступают системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети. Успехи в развитии технологий обработки информации, телекоммуникаций, финансовых технологий формируют цифровую экономику, которая повлечет за собой дальнейшую глобализацию экономики, формирование единого мирового рынка товаров, капитала, труда. Беларусь прикладывает усилия для развертывания четвертой промышленной революции, которая требует приоритетного внимания к цифровой трансформации. Уже достигнуты опре-

деленные успехи на этом пути. Так, по индексу развития ИКТ Международного союза электросвязи в 2018 г. Беларусь занимала 32-е место в мире. В СНГ она на 1-м месте: по 11 показателям индекса, включая доступ к информационно-коммуникационным технологиям, степень их использования (количество активных пользователей мобильной связи и интернета), а также навыки использования информационных технологий у жителей страны, Беларусь добилась самых больших успехов. Особо высоко оценивается тот факт, что «в Беларуси создана развитая инфраструктура, которая позволяет оказывать населению услуги фиксированного и мобильного доступа» к интернету [3]. Таким образом, у страны есть успехи в повышении уровня развития ИКТ. Однако достигнутые пока результаты недостаточно высоки по сравнению с результатами стран-лидеров.

Как доказывает опыт наиболее продвинутых на пути четвертой индустриальной революции стран, ускорение технологических преобразований и цифровая модернизация успешны тогда, когда имеются подготовленные кадры, владеющие соответствующими информационными и другими новыми технологиями. Образование (вместе с наукой) входит в структуру национальной инновационной системы, ее главными задачами являются подготовка для экономики кадров, способных заниматься инновационной деятельностью в любой сфере занятости.

В настоящее время, несмотря на значительное количество в Беларуси подготовленных специалистов с высшим образованием, занятых в экономике (более 40 %, что выше, чем в странах Европейского союза), специализация выпускников не соответствует запросам цифровой экономики. Поэтому ключевым вопросом остается подготовка специалистов в области инновационной деятельности. Пока система образования не полностью соответствует задачам реализации проекта «Беларусь интеллектуальная»: недостаточно быстрое реагирование этой системы на изменение рынка труда и новые его запросы названы в стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» «существенным вызовом» для Беларуси [4, с. 10]. В то же время наращивание научно-технической компетенции кадров является важной составляющей интеллектуального и экономического роста Беларуси. Отсюда следует, что эффективная подготовка молодых специалистов в учреждениях высшего образования посредством развития у них качеств, навыков, компетенций, необходимых для успешного включения в новый цифровой рынок труда, входит в число задач государственной важности.

Цифровая культура как основа трансформации образования

Ключевым концептом для понимания процесса виртуализации образования является цифровая культура. В научной литературе имеется немало определений данного понятия, которые расходятся между собой, делая акцент на разных аспектах – от философского до сугубо технологического [5]. Несмотря на различия в интерпретации определения и структуры цифровой культуры, большинство авторов включают в ее содержание определенный уровень цифровых знаний, цифровые ценности, новые коммуникационные связи, цифровые навыки по использованию знаний информационных технологий, специальные цифровые компетенции по овладению ИКТ и практики применения указанных знаний, навыков и компетенций в конкретной сфере жизнедеятельности (в том числе сферу экономики). При этом, как справедливо подчеркивает Е. Елькина, «цифровая культура не представляет тотальной дигитализации, она репрезентирует многообразие моделей, сформированных интеграцией цифровых технологий с другими формами знаний и деятельности» [5, с. 74]. Это означает, что могут создаваться различные модели цифровой культуры, обусловленные использованием цифровых технологий в разных сферах науки, культуры, политики, права и т. д. Все эти модели нельзя считать полностью самостоятельными, так как они связаны со взаимодействием той или иной сферы с использованием ИКТ: это своеобразные междисциплинарные практики, которые подтверждают широкие возможности цифровых технологий в разных областях жизни общества, включая сферу образования.

Особое место в цифровой культуре отводится цифровым компетенциям. Они формируются на базе имеющихся цифровых знаний, но отличаются своей практической направленностью (на применение существующих знаний к решению конкретных проблем, стоящих в той или иной сфере деятельности). Определение цифровых компетенций как одних из важнейших для развития экономики нынешнего века было дано в документах Европейского союза много лет назад и подчеркивало, по сути, их основное отличие от других ключевых компетенций – творческое использование информационно-компьютерных технологий для решения задач в любой сфере человеческой жизнедеятельности. Таким образом, формируя у современного поколения студентов цифровую культуру и цифровые компетенции, система высшего образования подготавливает их не только к эффективной занятости в сфере экономики, но и к жизни в целом в новой, цифровой, реальности. На наш взгляд, в вышеизложенном понимании цифровых компетенций следует подчеркнуть их творческий

характер, который означает, что невозможно найти один-единственный механизм использования ИКТ: в каждой новой сфере деятельности и в каждом конкретном случае он может различаться.

Творческий подход к применению ИКТ соответствует модели креативного действия, разработанной в конце прошлого века немецким социологом Х. Йоасом на основе развития им прагматических идей американского философа-прагматиста Дж. Дьюи. В трактовке человеческого действия, представленной Х. Йоасом [6], креативность является его универсальной характеристикой: даже на уровне неотрефлексированных практик в любой ситуации субъект действия неосознанно проявляет свою креативность. Этот тезис в полной мере относится к применению ИКТ: их использование не может не иметь творческого характера, не варьироваться каждым субъектом в зависимости от уровня его знаний, навыков, мотиваций и т. п. Вероятно, по этой причине цифровые компетенции и считаются столь необходимыми любому современному (молодому и более опытному) человеку.

Цифровые компетенции включают в себя широкий набор качеств по использованию информации (анализ, систематизация, активный поиск для решения конкретной задачи), коммуникативные навыки (прежде всего общение в интернет-среде, работа в социальных сетях, обмен информацией с помощью цифровых средств для эффективного сотрудничества в любой сфере деятельности), умение работать с базами данных (использование имеющихся программ и создание новых и т. п.), способность решать задачи с помощью адекватных цифровых средств и ресурсов. Входят в цифровые компетенции также понимание и применение норм работы с электронными ресурсами, что включает не только соблюдение авторских прав, но и знание этических принципов такой деятельности, а также знание и использование технических средств для обеспечения компьютерной безопасности, что чрезвычайно важно в современном глобальном мире.

Очевидно, что ни одно учебное заведение не может предоставить студентам полный набор таких компетенций, однако базовые принципы, умения, понимание основ работы с ИКТ должны быть изложены. Как отмечается в стратегиях развития Беларуси, до 2040 г. должно быть обеспечено повсеместное применение ИКТ во всех сферах жизнедеятельности нашего общества [4, с. 16]. Поэтому обучение студентов цифровой культуре, оказание им помощи в овладении ИКТ с последующим их использованием в цифровой экономике – нынешняя задача высших учебных заведений.

В соответствии с новыми задачами в сфере образования ряд высших учебных заведений перестраиваются, трансформируя процесс образования из традиционного в цифровой. Это не значит, что все обучение переносится в виртуальную сферу (дистанционные курсы и самостоятельное освоение студентами цифровых практик), однако некоторые университеты разрабатывают программы для всех уровней обучения по перестройке этого процесса. Например, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО) разработал новые дисциплины, способствующие освоению ИКТ и подготовке к эффективному включению в цифровую жизнедеятельность, для каждого курса обучения [7]. Общей целью новых дисциплин является формирование цифровой культуры студентов, которая позволит им правильно позиционировать себя в информационном пространстве и самостоятельно следовать наиболее адекватным для конкретной ситуации моделям поведения. Разработчики программ исходили из того, что все без исключения студенты нуждаются в цифровой культуре и ИКТ-компетенциях, поскольку сферы жизни общества быстро изменяются в направлении информатизации. В Университете ИТМО считают, что овладение цифровой культурой относится к фундаментальному обучению ввиду ее универсальной востребованности. Все разработанные в университете дисциплины введены в учебный план как обязательные, хотя львиная доля их освоения приходится на дистанционные онлайн-методы. Специалисты учебного заведения справедливо считают, что нынешнее поколение студентов (так называемые миллениалы [8], или дети поколения «цифровых иммигрантов», рожденных в последние десятилетия XX в. и еще незнакомых с гаджетами в годы своей ранней социализации [9], но освоивших интернет во взрослом состоянии) уже не может обучаться традиционными методами. Именно с учетом социализации и ценностных установок молодого поколения и нужна трансформация всей системы образования: ее значительная виртуализация по формам обучения, введение новых дисциплин для овладения необходимыми знаниями ИКТ, широкое использование электронных баз данных, обновление содержания изучаемых дисциплин. Классические занятия полностью не отменяются, они сохраняются для консультаций с преподавателями по изучаемым темам, проведения с ними мастер-классов, разбора практических упражнений по использованию ИКТ и у приближенных к профессиональной практике студентов разного профиля обучения. Для заинтересованных в углубленном изучении цифровой культуры предлагаются факультативы. Более того, специальные

курсы по обучению педагогическим информационным технологиям функционируют для всех преподавателей этого университета, потому что его руководство считает, что наличие ИКТ-компетенций является «определяющим для всех, кто работает и учится в вузе» [7].

В трансформации образовательного процесса с учетом введения в программы ряда дисциплин по цифровой культуре необходимо учесть, что, кроме собственно цифровых компетенций, в цифровую культуру включаются так называемые универсальные компетенции, овладение которыми необходимо для подготовки современного молодого специалиста в той же мере. Как отмечают многие практики, зачастую молодым специалистам существенно не хватает именно таких универсальных компетенций. В условиях быстрой смены профессий стало очевидным, что даже за годы учебы в высшем учебном заведении спрос на ту или иную конкретную специальность может измениться. С учетом того что ежегодно сотни профессий просто перестают существовать, а новые появляются, значение набора таких компетенций, которые пригодятся на любом месте и в любой сфере деятельности, резко возрастает. Поэтому работодатели стремятся подбирать кадры с уникальным набором навыков и компетенций, применимых в любой сфере. Их наличие позволит современным организациям получать специалистов, способных выполнять новые задачи в новых условиях. Эти универсальные компетенции включают умение работать в команде, коммуникабельность в коллективе, критическое мышление, аналитические и управленческие навыки. И именно этих качеств, по мнению многих ученых и практиков, не хватает молодым специалистам [10, с. 39].

Приведем также социологические данные российских ученых Р. Абрамова и С. Климовой. Они эмпирически выявили качества, которые могут рассматриваться как необходимые индикаторы успеха и инновационности современных работников (мы бы добавили – универсальные компетенции): уверенность в себе и внутренний контроль; установка на непрерывное образование, освоение новых навыков и профессий; навык работы с источниками информации; социальная компетентность; ориентация на цель и практически постоянное состояние мобилизации для достижения этой цели [11, с. 103–105]. Данные навыки и качества можно культивировать у студентов, занимающихся по любой вузовской специальности, так как они необходимы в любой сфере труда.

Что прежде всего необходимо трансформировать в образовательном процессе в системе высшего образования? Известный белорусский специалист М. М. Ковалев предлагает целый набор

преобразований. Он выдвигает несколько приоритетов, выведенных из собственного опыта, но во многом сходных с теми преобразованиями, которые уже имеют место в ряде российских (и зарубежных) учреждений высшего образования, включая упомянутый Университет ИТМО. Во-первых, этот набор включает открытие новых магистерских программ по широкому спектру специальностей с учетом требований рынка труда (цифровой туризм, цифровое сельское хозяйство, цифровое здравоохранение и т. д.). Во-вторых, переобучение всех без исключения преподавателей, повышение их квалификации, которое должно базироваться на современных ИТ-программах. При этом будет необходимо создавать онлайн-поддержку преподавателям однотипных дисциплин, интегрировать их усилия в трансформации читаемых курсов. В-третьих, необходим переход на смешанное обучение, сочетаю-

щее традиционные занятия с онлайн-курсами, или перевод на дистанционный формат части любой читаемой дисциплины. В-четвертых, предлагается интеграция корпоративного и университетского образования. Далее автор предлагает значительно улучшить информационно-компьютерную подготовку школьников, ввести возможность обучения студентов в течение разных сроков (в зависимости от скорости овладения знаниями и достигнутых успехов), широко организованное общение студентов, преподавателей и администрации посредством социальных сетей. В результате реализации всех приоритетов, по мнению М. М. Ковалева, университеты смогут стать «драйверами» цифровой экономики [10, с. 39–41]. Эта всеобъемлющая программа действий может стать основой для научно-практической дискуссии по назревшей проблеме виртуальной трансформации системы образования.

Цифровое поколение белорусских студентов

Современное поколение белорусских студентов имеет все основания быть причисленным к цифровому поколению, или миллениалам. Любой представитель этого поколения «все больше перемещается из актуальной реальности в виртуальную» [12, с. 102], при этом он все больше ориентируется на собственные ценности и интересы, нежели на интересы общества, и не приемлет насильственного вторжения в пространство своих интересов ни родителей, ни преподавателей. Только в виртуальном пространстве, социальных сетях они позволяют себе полностью реализовать свои интересы, общаться, а в публичном пространстве часто не высказывают собственных взглядов и предпочтений. На занятиях они часто присутствуют формально, так как не в состоянии слушать длинные лекции, не отвлекаясь на гаджеты, мессенджеры и другие интернет-игрушки. Следуя устоявшемуся белорусскому стереотипу, они предпочитают получить диплом о высшем образовании, даже если не собираются работать по специальности (этот факт подтвержден многими социологическими исследованиями: мотив поступления в университет в надежде, что «диплом о высшем образовании всегда пригодится в жизни», отмечают около трети респондентов в наших ежегодных опросах). Естественно, что цифровая трансформация содержания и методов обучения в системе высшего образования получает у этого поколения позитивный отклик. Так, в исследовании минских студентов старших курсов разных профилей обучения, проведенном под руководством автора в 2019 г. (выборка включала 509 человек), треть опрошенных высказались за перевод учебно-образовательного процесса на смешанный

формат, сочетающий очные занятия и онлайн-занятия. Это не так много, но вместе с теми, кто предпочел бы только дистанционное обучение, доля респондентов, желающих цифровой трансформации, составила более 50 % опрошенных. По мнению более чем половины студентов, использование ИКТ в учебном процессе позволяет им повышать свой уровень знаний и улучшает умение добывать новые знания посредством электронных баз данных. На вопрос о том, насколько важным для них является использование ИКТ в процессе обучения, 40 % опрошенных выбрали ответ «очень важно» и еще 48 % – «скорее важно». Данные ответы, на наш взгляд, подтверждают вывод о необходимости цифровой трансформации образования. Можно сказать, что белорусские миллениалы в этом вопросе не отличаются от представителей поколения «цифровых аборигенов» (*digital natives*) в других странах (тех, кто социализировался в условиях господства гаджетов и других цифровых инструментов).

Однако эти данные не означают, что белорусские миллениалы уже обладают высокой цифровой культурой и всеми компетенциями, необходимыми для эффективного включения в цифровую жизнедеятельность. Скорее, их знания и умения пока касаются отдельных аспектов этой культуры, прежде всего связанных с возможностями самореализации в виртуальном пространстве и с развлечениями, которые в огромном количестве предлагает цифровизация. Судя по данным упомянутого исследования, белорусские студенты, высоко оценивающие знание и использование ИКТ, зачастую сильно недооценивают необходимость развития у себя универсальных компетенций и навыков,

рассмотренных выше. Как и ожидалось, 99 % из них пользуются ИКТ, причем более четверти постоянно находятся в интернете, еще 48 % проводят от 5 до 7 ч ежедневно и только 12 % – до 3 ч. Однако информационные ресурсы используются ими прежде всего в целях общения и развлечения. Студенты указали, что больше всего любят общаться в социальных сетях (28 %), некоторой популярностью у них пользуются информационно-новостные порталы (18 %) и развлекательные ресурсы (15 %). Учебные порталы заняли только 4-е место в этом ряду, платформы для самообучения – 5-е. Эти данные подтверждают, что нынешнее поколение действительно является цифровым. При этом использование информации и знание ИКТ далеко не всегда продуктивно с точки зрения учебы или подготовки к будущей работе: они не ориентированы на развитие тех качеств, которые будут востребованы. Лишь 12 % опрошенных студентов использовали ИКТ для подготовки к учебе и около 10 % – для саморазвития. Поскольку часть студентов работают, 7 % из них указали, что применяют ИКТ для работы.

Что касается вышеупомянутых универсальных качеств, только 43 % респондентов свойственна открытость инновациям и изменениям, 39 – планирование своих действий для достижения желаемого результата, 46 – пунктуальность и ответственность за свои поступки, 38 – умение быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, 40 % – готовность постоянно изучать и использовать новое,

включая ИКТ. Конечно, самооценка может быть неточной, хотя, как известно, молодежь скорее склонна преувеличивать свои положительные качества, чем преуменьшать. На основании этих данных можно предположить, что молодому поколению, несмотря на его огромную продвинутость в освоении и использовании ИКТ в разных целях, все еще не хватает универсальных компетенций, а также осознания их важности для самостоятельной успешной жизни и трудовой карьеры. И это притом что именно данное молодое поколение, как уже отмечалось, является поколением *digital natives*, которое родилось и выросло в обществе, ставшем цифровым, и поэтому для него виртуальная реальность более привычна и привлекательна, нежели реальность вне цифрового пространства. В связи с этим выразим солидарность с теми авторами, которые утверждают, что сами по себе компетенции работы в интернете еще не являются индикатором цифровой культуры специалиста: «Цифровая культура – это в первую очередь понимание современных информационных технологий, их функционала, а также возможность грамотно использовать их в работе или быту» [7]. Только практическое освоение ИКТ для работы с базами данных и графическими редакторами, машинного обучения, компьютерного моделирования, статистического анализа и других навыков может сделать студента носителем цифровой культуры, пригодной в самых разных сферах деятельности.

Проблемы и угрозы виртуализации образования

При развитии цифровой культуры в области образования ее субъектам невозможно избежать рисков, связанных с недостаточно продуманной цифровизацией процесса обучения. Участие субъекта в использовании ИКТ связано с рисками, вызываемыми многими причинами, среди которых особое место занимает низкий уровень знаний и навыков человека в сфере ИКТ. Практически молодых людей обучают владению этими технологиями только на уровне учреждения высшего образования либо специализированных курсов подготовки и переподготовки специалистов. Школьные уроки информатики дают азы в области ИКТ, которых не хватает ни для эффективного их использования в разных сферах, ни для избежания информационных угроз и рисков.

Другой тип рисков связан с возможным недостаточным пониманием сложности проблемы виртуализации образования на уровне управления и практических механизмов реализации отдельных задач цифровой трансформации. Любые административные решения, не получившие поддержки университетского сообщества (включая и преподавателей, и студентов), могут нане-

сти ущерб высшему образованию, исправление которого потребует ресурсов (в том числе человеческих) и значительных вложений капитала в формирование нового поколения профессорско-педагогического состава.

Угрозы виртуализации образования связаны с неоднозначностью понимания механизмов достижения поставленных целей цифровизации (виртуализации) образования на практике. Цифровая реальность изменила многие классические понятия сферы образования, такие как мотивация получения образования, образовательные ценности, классический университет. Радикально меняется роль профессорско-преподавательского состава и значение ученых степеней и званий в новой виртуальной образовательной реальности. Постулирование необходимости виртуализации образования и его централизованное внедрение администрацией не гарантирует принятия преподавателями. Цифровая трансформация образования способна вызвать у некоторых из них техностресс (термин введен Э. Тоффлером) [15], который может снизить производительность и мотивацию труда. Существует угроза на фоне цифровизации образования

сократить количество дисциплин социально-гуманитарного профиля, что может привести к технократизации образования, а затем – и всего общества. Негативные последствия этого процесса хорошо описаны в ряде футурологических произведений [13; 14]. Даже отдельные элементы технократизации образования могут вызвать весьма нежелательные изменения в обществе: преумножение роли нравственных основ и принципов в угоду «цифровой необходимости», нарушение прав отдельного пользователя интернета и вторжение в личную информацию (это случается доволь-

но часто уже сейчас), распространение фейковой информации любого характера через социальные сети и другие медиа и т. д.

Решение этих и многих других проблем требует тщательной проработки правовых, нравственных, экономических аспектов процессов виртуализации образования. Своевременный учет этих угроз необходим, чтобы общество, решая важные экономические задачи, неожиданно не оказалось в ловушке других проблем, связанных с недооценкой общечеловеческих ценностей, традиций и норм.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества [Интернет]. 2016 [протитировано 12 мая 2018 г.]. Доступно по: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionnogo-obshchestva>.
2. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо; 2016. 208 с.
3. Беларусь сохранила 32-ю позицию в рейтинге Международного союза электросвязи (МСЭ) по развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [Интернет]. 2018 [протитировано 12 мая 2018 г.]. Доступно по: <https://thinktanks.by/publication/2018/05/15/belarus-sohranila-32-pozitsiyu-v-reytinge-mezhdunarodnogo-soyuza-elektrosvyazi.html>.
4. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». Минск: НАН Беларуси; 2017. 40 с.
5. Елькина ЕЕ. Цифровая культура как область междисциплинарных исследований: методологические подходы и тенденции развития. *International Journal of Open Information Technologies*. 2018;6(12):67–78.
6. Йоас Х. *Креативность действия*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. 320 с.
7. Блинникова Н. Культура в «цифре»: почему профессионал будущего должен быть немного «айтишником» [Интернет]. 2020 [протитировано 28 января 2020 г.]. Доступно по: <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/7234/>.
8. Радаев ВВ. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: ВШЭ; 2019. 224 с.
9. Бродовская ЕВ, Домбровская АЮ, Пырма РВ, Синяков АВ, Азаров АА. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;1:228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
10. Ковалев ММ. Образование для цифровой экономики. *Цифровая трансформация*. 2018;1(2):37–42.
11. Абрамов РН, Климова СГ. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия. *Мир России*. 2010;19(2):98–117.
12. Пинчук ИВ, Дервин АП. Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4: 98–104.
13. Оруэлл Дж. 1984. Москва: АСТ; 2015. 320 с.
14. Замятин Е. *Мы*. Москва: Азбука; 2019. 224 с.
15. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Москва: АСТ; 2003. 557 с.

References

1. State program for the development of the digital economy and the information society [Internet]. 2016 [cited 2018 May 12]. Available from: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionnogo-obshchestva>. Russian.
2. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. Russian.
3. Belarus maintains 32nd position in the rating of the International Telecommunication Union [Internet]. 2018 [cited 2018 May 12]. Available from: <https://thinktanks.by/publication/2018/05/15/belarus-sohranila-32-pozitsiyu-v-reytinge-mezhdunarodnogo-soyuza-elektrosvyazi.html>. Russian.
4. *Strategiya «Nauka i tekhnologii: 2018–2040»* [Strategy «Science and technology: 2018–2040»]. Minsk: National Academy of Sciences of Belarus; 2017. 40 p. Russian.
5. El'kina EE. [Digital culture as a field of interdisciplinary research: methodological approaches and development trends]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2018;6(12):67–78. Russian.
6. Joas H. *Kreativnost' deistviya* [The creativity of action]. Saint Petersburg: Aleteya; 2005. 320 p. Russian.
7. Blinnikova N. Culture in the «figure»: why the professional of the future should be a little «IT specialist» [Internet]. 2020 [cited 2020 January 28]. Available from: <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/7234/>. Russian.
8. Radaev VV. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Higher School of Economics; 2019. 224 p. Russian.

9. Brodovskaya EV, Dombrovskaya AYU, Pyrma RV, Sinyakov AV, Azarov AA. The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;1:228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11. Russian.
10. Kovalev MM. Education for the digital economy. *Digital transformation*. 2018;1(2):37–42. Russian.
11. Abramov RN, Klimova SG. [Modern worker: conceptualization and empirical testing of a concept]. *Universe of Russia*. 2010;19(2):98–117. Russian.
12. Pinchuk IV, Dervin AP. Efficiency of vertical mechanisms of social regulation in the context of values and settings of young generation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:98–104. Russian.
13. Orwell G. 1984 [Nineteen Eighty-Four]. Moscow: AST; 2015. 320 p. Russian.
14. Zamyatin E. *My [We]*. Moscow: Azbuka; 2019. 224. Russian.
15. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow: AST; 2003. 557 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2020.
Received by editorial board 08.02.2020.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРИНЦИПЫ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Г. И. ОСАДЧАЯ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу процесса институционализации становления Евразийского экономического союза. Раскрыты основные направления, проблемы и противоречия интеграционных процессов, обоснована необходимость формирования, помимо экономического, единого социально-гуманитарного пространства, а также воспроизводства социальной базы.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция; институциональная система; макроэкономическая стабильность; закономерности асимметрии.

EURASIAN INTEGRATION: PRINCIPLES, IDEOLOGY, PRACTICE

G. I. OSADCHAYA^a

^aInstitute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
6 Fotieva Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

The article is devoted to the analysis of the institutionalization process of the Eurasian Economic Union. The author's approach is marked by a wide socio-economic spectrum of analysis and at the same time the ambivalence of the conclusions of the study. Positive trends, stimulated by the deepening of integration and interaction between countries and cultures, the current problematic aspects of the processes, as well as the prospects for risks associated with them were delivered.

Keywords: regional economic integration; institutional system; macroeconomic stability; patterns of asymmetry.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), как международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, действует с 1 января 2015 г., в ее состав входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия. Напомним, что идеология строительства нового интеграционного объединения описывается совокупностью таких взглядов, как геополитическое единство, добровольность, равноправие и независимость, осознание экономической

целесообразности интеграции, получение выгоды каждым участником от интеграционных процессов, стремление к взаимопониманию, сотрудничеству, толерантности, гармоничное сочетание национальных и общечеловеческих ценностей, непротивопоставление Евразии Европе и другим государствам мира, открытость за пределами СНГ. Постсоветское евразийство (неоевразийство) представляет собой не только интеллектуальную концепцию, но и политическое мировоззрение и интеграционную практику.

Образец цитирования:

Осадчая ГИ. Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;1:31–43.

For citation:

Osadchaya GI. Eurasian integration: principles, ideology, practice. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;1:31–43. Russian.

Автор:

Галина Ивановна Осадчая – доктор социологических наук, профессор; руководитель Центра исследования процессов евразийской интеграции.

Author:

Galina I. Osadchaya, doctor of science (sociology), full professor; head of the Center for the Study of Eurasian Integration Processes.
osadchaya111@gmail.com

В ЕАЭС с 2015 г. по настоящее время создана институциональная система, в основном разработан порядок формирования и функционирования его составляющих органов, определены их компетенции, утверждена институциональная модель, предусматривающая скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), подписанным в 2015 г., и международными договорами в соответствии с основными принципами и целями ЕАЭС, сформирована наднациональная система управления (Высший Евразийский экономический совет, включающий вспомогательные органы: советы руководителей государственных органов, рабочие группы, специальные комиссии, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд Евразийского экономического союза), утвержден бюджет ЕАЭС.

Государства – члены ЕАЭС сделали серьезные шаги для обеспечения макроэкономической стабильности: снижается дефицит консолидированного бюджета и долга сектора государственного управления, наблюдаются относительно низкие темпы инфляции и более устойчивые инфляцион-

ные ожидания, чему способствовало совершенствование институтов и системы экономического управления (инфляционное таргетирование и внедрение бюджетных правил), проведение в странах ЕАЭС более эффективной, прозрачной и согласованной монетарной политики, взвешенной и предсказуемой денежно-кредитной политики.

В течение последних 4 лет все государства достигли соответствия значений годового дефицита консолидированного бюджета сектора государственного управления критериям, установленным Договором о ЕАЭС. В 2018 г. только в Кыргызстане превышен критерий конвергенции государственного долга (долг сектора государственного управления – на 4,7 % при улучшении значения этого показателя по сравнению с 2015–2017 гг.), а в Казахстане и Беларуси – приемлемый уровень инфляции (индекс потребительских цен) на 0,5 % по состоянию на декабрь 2017 г. (табл. 1). Все названные государства продолжают работу по приведению количественных значений макроэкономических показателей в соответствие с критериями, установленными Договором о ЕАЭС согласно рекомендациям Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), а также по стабилизации экономической ситуации в странах.

Таблица 1

Количественные значения макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств – членов ЕАЭС в 2015–2018 гг.¹, %

Table 1

Quantitative values of macroeconomic indicators, determining sustainability of economic development EAEU member states in 2015–2018, %

Страны	Годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления, % от ВВП ²				Долг сектора государственного управления, % от ВВП ³				Уровень инфляции (индекс потребительских цен), % к декабрю предыдущего года ⁴			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018 (сентябрь – октябрь)	2015	2016	2017	2018
Армения	-4,8	-5,5	-4,8	-1,6	43,7	51,5	53,4	49,9	99,9	98,9	102,6	101,8
Беларусь	2,3	1,7	2,9	4,1	32,6	41,5	42,1	38,2	112,0	110,6	104,6	105,6
Казахстан	-2,2	-2,6	-5,2	-1,5	17,5	19,2	19,3	18,6	113,6	108,5	107,1	105,3
Кыргызстан	-1,4	-4,4	-2,9	-0,3	57,3	58,9	59,7	54,7	103,4	99,5	103,7	100,5
Россия	-2,5	-3,0	-0,6	3,5	11,4	11,9	12,0	11,0	112,9	105,4	102,5	104,3

Экономики государств – членов ЕАЭС демонстрируют некоторый рост на фоне относительно благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, укрепления внутреннего спроса и восстановления инвестиций. Все они показали увеличение ВВП после 2016 г. (рис. 1). В 2018 г. в Беларуси и России

экономический рост достиг своего максимума за анализируемый промежуток времени. Прирост ВВП в этих странах составил 3,0 и 2,3 % соответственно (2,5 и 1,6 % в 2017 г.).

Можно отметить, что разный объем экономик государств – членов ЕАЭС при доминировании

¹ Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2018 год : стат. сб. / Евраз. экон. комис. М., 2019.

² Критерий, установленный Договором о ЕАЭС, – дефицит не более 3 % от ВВП.

³ Критерий, установленный Договором о ЕАЭС, – не более 50 % от ВВП.

⁴ Критерий, установленный Договором о ЕАЭС, – не более 5 процентных пунктов к наименьшему значению уровня инфляции в государстве – члене ЕАЭС.

России, значительная разница в ВВП между экономиками Кыргызстана, Армении, с одной стороны, и Беларуси, Казахстана – с другой, а также между Беларусью и Казахстаном в некоторой степени осложняют интеграционные процессы, сказываются

на формировании структур евразийской интеграции, являются одной из причин распространения сепаратистских настроений среди национальной интеллигенции стран – членов ЕАЭС, могут спровоцировать центробежные силы.

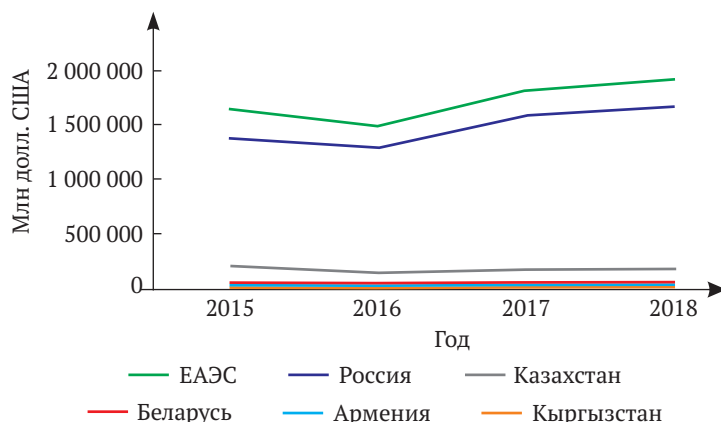

Рис. 1. ВВП в странах – членах ЕАЭС в текущих ценах

Fig. 1. Gross domestic product in EAEU member countries at current prices

Во всех странах показатель ВВП на душу населения на основе паритета покупательной способности после 2016 г. имел тенденцию к росту при сохранении большей разницы. Так, в 2018 г. он был самым высоким в России и превосходил этот показатель в Кыргызстане в 7,8 раза, Армении – в 2,5 раза, Беларуси – в 1,7 раза (рис. 2).

Практика показывает, что разный уровень развития государств – участников интеграционного объединения формирует закономерность асимме-

трии, которая в кризисной ситуации проявляется, как правило, в нарушении критериев конвергенции и порождает конфликт между центробежной и центростремительной тенденциями. Негативным фактором для развития экономик государств – членов ЕАЭС могут стать риски, связанные с завершением в 2018 г. цикла восстановления экономической активности, и высокие инфляционные риски⁵, что ограничивает потенциал дальнейшего стимулирования экономики со стороны монетарной по-

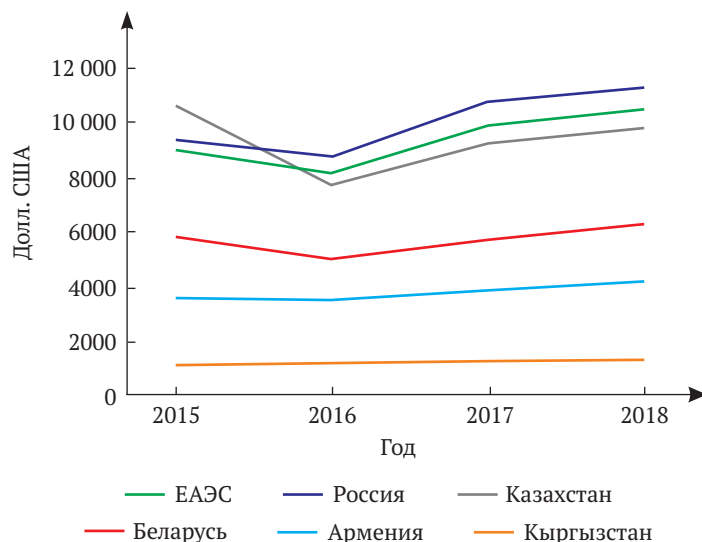

Рис. 2. ВВП на душу населения

Fig. 2. Gross domestic product per capita

⁵Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Библиотека евразийской интеграции [Электронный ресурс]. Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%95%D0%AD%D0%9A%20-%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20\(%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B\)%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%95%D0%AD%D0%9A%20-%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20(%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B)%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82.pdf) (дата обращения: 20.02.2019).

литики. Нарастание внешних рисков (замедление глобального экономического роста, усиление протекционистских тенденций в мировой экономике, повышенная волатильность на развивающихся рынках, постепенное ужесточение денежно-кредитной политики в ряде развитых и развивающихся стран в ответ на нарастающие дисбалансы, эскалация напряженности в торговой сфере, усиление торговых споров на региональном уровне) указывает на необходимость поиска внутренних резервов ЕАЭС, его интеграционных возможностей. Все более актуальным становится выявление новых источников устойчивого роста, в том числе за счет преобразований, направленных на повышение эффективности экономик и улучшение инвестиционного климата.

Углубление интеграционных процессов в ЕАЭС осуществляется за счет формирования единых и общих рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, где созданы одинаковые для всех правила и деятельность участников рынка из разных стран в основном лишь координируется при сохранении отсылок к национальному законодательству.

На пространстве Таможенного союза обеспечивается свободное передвижение товаров. В ЕАЭС реализуется единая внешнеторговая политика, применяются единые меры таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, а также специальные антидемпинговые и компенсационные меры по защите внутреннего рынка. В основе снятия технических барьеров во взаимной торговле лежит техническое регулирование. По состоянию на конец 2018 г. принято 46 технических регламентов, 40 из них введены в действие и обеспечивают единые требования безопасности продукции. Техническим регулированием охвачено около 85 % продукции, включенной в единый перечень⁶. В ЕАЭС прово-

дится согласованная политика по применению санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, единых требований к товарам, а также по защите прав потребителей. В 2017 г. общий рынок товаров пополнился рынком лекарственных средств и медицинских изделий. Регулирование обоих рынков предусматривает плавный переход от национального к единому регулированию.

В целом взаимная торговля стран ЕАЭС обуславливает достаточно высокую степень интеграции. В 2018 г. закрепились тенденции роста объема как внешней, так и взаимной торговли. Объем внешней торговли товарами из ЕАЭС за 2018 г. составил 753,4 млрд долл. США. По сравнению с 2017 г. он возрос на 18,8 %, или 119,2 млрд долл. США. Объем взаимной торговли между странами ЕАЭС за 2018 г. составил 59,7 млрд долл. США, или 109,2 % к уровню 2017 г. Прирост объемов взаимной торговли в 2018 г. по сравнению с 2017 г. равнялся 5009,5 млн долл. США, или 9,2 % (рис. 3).

В целях увеличения экспорта товаров из ЕАЭС в развивающиеся страны, создания сети торговых соглашений, направленных на обеспечение устойчивого роста экспорта широкой номенклатуры несырьевых товаров, реализации накопленного внешнеторгового потенциала, а также формирования условий для развития экономик государств – членов ЕАЭС, в том числе через встраивание отечественных производителей в цепочки добавленной стоимости и привлечение иностранных инвестиций регуляторами, предпринимаются усилия по расширению зоны свободной торговли союза со странами, не входящими в ЕАЭС (Вьетнам, Сербия, Китай, Сингапур, Египет, Индия, Израиль и т. д.). Позитивный вектор интеграционного движения ЕАЭС задает развитие единого рынка услуг, который в 2018 г. функциони-

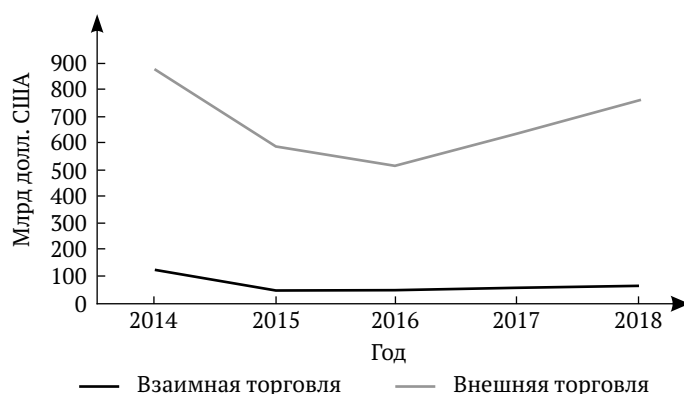

Рис. 3. Объем взаимной и внешней торговли ЕАЭС в 2014–2018 гг.
(по данным ЕЭК)

Fig. 3. Mutual and foreign trade of the EAEU in 2014–2018
(according data of Eurasian Economic Commission)

⁶Единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 28 января 2011 г. № 526.

рует уже в 52 секторах, что составляет около 55 % стоимостного объема услуг, производимых в государствах союза⁷ [1].

Отметим, что по отдельным секторам услуг в государствах – членах ЕАЭС были установлены временные изъятия или переходные периоды введения.

Оценивая результаты интеграции за прошедшие годы, председатель коллегии ЕЭК Т. Саркисян отметил рост показателей товарооборота и, что особенно важно, увеличение доли конечной продукции во взаимном товарообороте и кооперационных связей между странами. Это говорит о том, что снятие барьеров и свободное перемещение товаров и услуг дают свой результат. По мнению Т. Саркисяна, потенциал этого эффекта составляет сегодня примерно 1 % роста ВВП только за счет того, что «нам удастся реализовывать основные принципы, заложенные в союзном договоре»⁸.

Однако, по данным ЕЭК, на национальном уровне не всегда соблюдается технический регламент ЕАЭС: есть случаи нарушения процедур проведения оценки соответствия требованиям технических регламентов, национальных и межгосударственных стандартов, что негативно сказывается на функционировании системы технического регулирования⁹.

Эксперты связывают надежды на активизацию взаимного товарооборота с Договором о Таможенном кодексе ЕАЭС¹⁰. В целом Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК) отражает текущую стадию евразийской интеграции. Его принятие является существенным шагом вперед, решает системную задачу кодификации таможенного законодательства, внедрения электронного оформления единого окна.

Новый ТК с опорой на передовые таможенные технологии предусматривает солидарные действия в условиях санкций со стороны развивающихся государств, исключая повторение конфликта между Россией, введшей запрет на импорт продовольствия из Евросоюза, США и ряда других стран как политический ответ на санкции в ее отношении, и Беларусью, осуществившей поставки товаров, попавших под эмбарго, в Россию, используя в том

числе ложный транзит в Казахстан. Кодекс призван способствовать преодолению барьеров, однако, по данным экспертов, их пока существует около 200 [1].

Страны – члены ЕАЭС довольно активно используют нетарифные барьеры для защиты внутреннего рынка: их наибольшее количество приходится на санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры, меры ценового контроля, ограничения конкуренции, а также субсидии и ограничения в сфере госзакупок¹¹. Полностью все они не могут быть устранены, так как часто это элемент национальной государственной политики.

По расчетам А. Кнобеля и Р. Вакульчука, устранение нетарифных барьеров увеличит торговый оборот внутри ЕАЭС в среднем на 11 %, полная ликвидация их – почти на 25 % (от роста на 15 % поставок из России в Беларусь до роста на 70 % экспорта Беларуси в Казахстан). Совокупный макроэкономический эффект от устранения всех нетарифных препятствий может составить порядка 1,5 % ВВП ЕАЭС. В выигрыше оказываются все страны, хотя его масштабы для каждой из них существенно различаются: при снижении только нетарифных технических барьеров наполовину рост экономики Беларуси может ускориться на 2,3 %, Армении – на 1 %, а России и Казахстана – только на 0,2 и 0,1 % соответственно. Это связано с большей ориентацией Армении, Беларуси и Кыргызстана на внутренний рынок ЕАЭС, а России и Казахстана – на внешний¹².

Таким образом, малые государства ЕАЭС в большей мере заинтересованы в глубокой интеграции, снижении внутренних барьеров на перемещение товаров внутри союза. При этом различные тарифные обязательства членов ВТО пока не позволяют устранить изъятия и ограничения в полной мере. В этой связи продолжается работа по дальнейшей гармонизации указанных обязательств со ставками Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Большое значение для интеграции экономики имеет функционирование общего рынка труда, в рамках которого обеспечено выполнение гаран-

⁷ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2018. Вып. 37 [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/19000.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

⁸Глава Коллегии ЕЭК представил успехи в контексте формирования общего экономического пространства ЕАЭС [Электронный ресурс] // ARKA. News Agency. 2018. URL: http://arka.am/ru/news/economy/glava_kollegi_eek_predstavil_uspehi_v_kontekste_formirovaniya_obshchego_ekonomicheskogo_prostranstva/ (дата обращения: 03.02.2019).

⁹Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁰Таможенный кодекс ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/Pages/tk_eaes.aspx (дата обращения: 11.10.2018).

¹¹Евразийская экономическая интеграция. Доклад № 43 [Электронный ресурс] // Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/518/EDB-Centre_2017_Report-43_EEI_RUS.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

¹²Снижение барьеров в торговле стран ЕАЭС может увеличить их товарооборот на четверть [Электронный ресурс] // Ведомости. 2016. 14 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/14/669499-snizhenie-barerov> (дата обращения: 09.09.2018).

тий свободы перемещения, предусмотренных Договором о ЕАЭС. Для граждан открыта возможность выбирать, в какой из стран ЕАЭС им работать. Государства – члены ЕАЭС не устанавливают и не применяют в отношении граждан стран союза ограничения, введенные тем или иным национальным законодательством для защиты внутреннего рынка труда.

При устройстве трудящихся на работу в стране – участнице ЕАЭС признаются документы об образовании, выданные соответствующими организациями государств – членов союза, без проведения установленных законодательством государства процедур признания документов об образовании (кроме педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности).

Безусловное преимущество ЕАЭС – безвизовый въезд, отсутствие таможенного контроля, квот на работу, наличие необходимого набора мер по медицинскому и социальному обеспечению, возможность получения образования в любой стране ЕАЭС, что способствует цивилизованному построению в ней современного созидательного общества. На повестке дня в сфере общего рынка труда сегодня стоит подготовка Договора о пенсионном обеспечении трудящихся. Иллюстрацией формирования общего рынка труда может стать такой факт: по данным Департамента по миграции и гражданству МВД Республики Беларусь, за первое полугодие 2019 г. в России трудоустроились 2237 граждан Беларуси, а в Беларуси – 2550 граждан России. Выявлено, что в новых условиях трудовой мобильности подавляющее большинство мигрантов из государств – членов ЕАЭС демонстрируют траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности, а часть из них улучшили свои социальные позиции¹³. В результате переезда в Москву более других повысили свой статус мигранты из Беларуси и Армении: количество занявших в новой стране пребывания должности руководителей разного уровня, по сравнению со страной гражданства, выросло в 2 раза, а среди прибывших в Россию из Казахстана и Кыргызстана увеличилась доля квалифицированных работников.

Однако рынки труда государств – членов ЕАЭС имеют национальные особенности, поэтому в странах предпринимаются активные усилия по гармо-

низации правовых норм, разработке нормативно-правовой базы. В этой работе, как и при реализации уже принятых законодательных и нормативных актов по регулированию трудовых отношений, существует множество трудностей, связанных с выполнением достигнутых договоренностей по единым условиям налогообложения доходов физических лиц, граждан государств – членов ЕАЭС, по правам детей на посещение дошкольных учреждений, получение образования и по защите законных прав мигрантов.

Как свидетельствуют эксперты из Кыргызстана, в странах ЕАЭС (прежде всего в России и Казахстане) недобросовестные работодатели продолжают эксплуатировать труд мигрантов из этой страны. Не решены проблемы легализации трудовой деятельности тех, кто приехал в указанные страны до вступления Кыргызстана в ЕАЭС. Эксперты из Армении также заявляли о проблемах трудовых мигрантов-нелегалов, въехавших в Россию до вступления Армении в ЕАЭС.

Казахстанские эксперты отмечают, что в России у трудовых мигрантов возникают проблемы, связанные с реализацией упрощенного порядка трудоустройства, сохраняются ограничения по перемещению рабочей силы¹⁴, а нелегальная миграция снижает социальную защищенность работающих и ведет к формированию теневой занятости, росту правонарушений¹⁵.

Также остро ощущаются такие проблемы, как отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры и наработанного опыта совместного управления процессами формирования единого рынка труда. Нет общей базы данных по отраслям и предприятиям, а также специальностям, в которых нуждаются страны – реципиенты рабочей силы, единой сети баз данных различных органов исполнительной власти стран – членов ЕАЭС (налоговых, правоохранительных органов, миграционных, социальных служб, органов занятости). Не исследованы вопросы общей системы образования, профессиональной подготовки кадров, освоения мигрантами языка страны, где они работают, что очень важно для эффективного использования ресурса трудовой миграции.

Подготовка специалистов для выполнения работы в их стране все более требует комплексности и приобретает характер общего дела: уже сегодня

¹³Проект «Межнациональные отношения граждан государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» (руководитель – Г. И. Осадчая). Опрос (полуформализованное интервью) проведен в июне 2018 г. Отбор информантов, граждан Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывших в Москву после 2000 г., осуществлялся методом снежного кома по одному признаку. Опрошено 520 человек (по 130 человек в каждой группе).

¹⁴Сулайманова М. Мигранты из КР даже после вступления республики в ЕАЭС сталкиваются с проблемами [Электронный ресурс] // KABAR. URL: <http://old.kabar.kg/EAES/full/106591> (дата обращения: 14.03.2017) ; Мигрантов из Армении и других стран ЕАЭС могут выдворить из России [Электронный ресурс] // Новости Армении. URL: <http://newsarmenia.am/news/society/migrantov-iz-armenii-i-drugikh-stran-eaes-bez-trudovykh-dogovorov-mogut-vydvorit-iz-rossii/> (дата обращения: 05.02.2017).

¹⁵Материалы заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему «Проблемы миграции внутри и вокруг России» [Электронный ресурс] // Аналит. вестн. 2015. № 45. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/63510.

в ЕАЭС ощущается дефицит высококвалифицированных работников и рабочей силы с необходимыми техническими навыками¹⁶.

Несмотря на то что большинство россиян поддерживают свободу движения рабочей силы как абстрактную идею в принципе, тем не менее от 32 до 52 % респондентов не принимают трудовую миграцию внутри ЕАЭС¹⁷. Некомфортность условий для жизнеустройства мигрантов сохраняется, как и психологические барьеры в межличностной коммуникации. Причем чем шире социокультурная дистанция, тем менее желательны мигранты.

Если же говорить о более отдаленной перспективе функционирования единого рынка труда ЕАЭС, то, согласно прогнозам, в ближайшие 15 лет в большинстве стран – участниц ЕАЭС будет наблюдаться снижение численности работников и старение населения. Эти тенденции сохранятся в Армении, Беларуси и России, а в Казахстане и Кыргызстане нынешний несущественный прирост населения будет недолгим. Низкий коэффициент рождаемости, увеличение числа выбывающих работников могут привести к росту спроса на рабочую силу и конкуренции стран, входящих в ЕАЭС, в борьбе за важнейший экономический ресурс¹⁸.

В ЕАЭС продолжается работа по формированию единых и общих рынков: единого рынка подакцизной продукции (должен вступить в силу в 2020 г.), общих рынков нефти и нефтепродуктов, финансов, газа, транспортных услуг (их создание планируют завершить к 2025 г.).

Принятие Программы формирования общего рынка газа имеет важное значение для государств – членов ЕАЭС, поскольку предусмотренные в ней мероприятия направлены на развитие конкуренции, обеспечение недискриминационного доступа к газотранспортным системам и переход к рыночному ценообразованию, что будет способствовать устойчивому развитию национальных экономик.

На общих рынках нефти и нефтепродуктов будут формироваться единое биржевое пространство, прозрачные биржевые и внебиржевые ценовые индикаторы, будет обеспечен недискриминационный доступ хозяйствующих субъектов к биржевым торгам нефтью и нефтепродуктами, определен механизм исполнения сделок (договоров), совершен-

ных в рамках единого биржевого пространства. Создание общих рынков нефти и нефтепродуктов приведет к дальнейшему экономическому развитию государств – членов ЕАЭС, укреплению энергетической безопасности и росту конкурентоспособности товаров стран союза на мировом рынке энергетических ресурсов.

Предварительно эксперты отмечают, что в результате формирования всех рынков интеграционный эффект ЕАЭС за последующие 10 лет позволит увеличить ВВП стран – участниц объединения на 20 % [1].

Единое экономическое пространство способствует развитию кооперации. ЕАЭС реализует согласованную промышленную, агропромышленную и транспортную политику, объединяющую экономический потенциал государств – членов союза. Создано и работает 350 российско-белорусских предприятий, более 8 тыс. российско-казахстанских¹⁹. Дан старт экономическому сотрудничеству в космической сфере. Еще одним шагом в развитии интеграционных процессов стало добровольное согласование между государствами – членами ЕАЭС и ЕЭК специфических субсидий в отношении промышленных товаров.

Сформированы целостная система прогнозирования в агропромышленном комплексе ЕАЭС, единый подход в области государственной поддержки сельского хозяйства, информационного обеспечения АПК ЕАЭС.

Проводится работа по последовательному и поэтапному формированию единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности, экологичности и создания общего рынка транспортных услуг.

Важнейшей составляющей успеха интеграционных процессов в ЕАЭС, условием создания интегрированной экономической системы союза, ключевым компонентом обеспечения конкурентоспособности как отдельных предприятий и организаций, так и экономики в целом, повышения эффективности государственного и регионального регулирования, включения стран – членов объединения в глобальные процессы цифровой трансформации может стать работа по формированию единого цифрового

¹⁶Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам в России на 31 октября 2016 г. : стат. бюл. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1245749635312 (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁷Проект «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (руководитель – Г. И. Осадчая). В рамках исследования (2014–2018) осуществлены общероссийские репрезентативные опросы россиян, личное формализованное интервью по месту жительства респондента. Выборка многоступенчатая, территориальная, стратифицированная с применением квотного отбора на последней ступени (N = 1500, статистическая ошибка +2,5 %).

¹⁸О рынке труда в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/labourmarket_2017.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁹Три года ЕАЭС: итоги и перспективы дальнейшей интеграции обсудили на парламентских слушаниях [Электронный ресурс] // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/25929/> (дата обращения: 04.03.2019).

пространства ЕАЭС. Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства ЕАЭС в перспективе до 2025 г. сформулированы в нормативных документах ЕЭК²⁰.

В 2018 г. реализация цифровых проектов осуществлялась в контексте таких 6 приоритетных направлений, утвержденных главами государств ЕАЭС, как цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры, цифровая промышленная кооперация, прослеживаемость товаров, развитие оборота данных, создание системы регулятивных «песочниц» в ЕАЭС²¹.

Параллельно начато сотрудничество государств – членов союза в сфере предоставления космических и геоинформационных услуг на основе национальных источников об особенностях данных дистанционного зондирования Земли. Готовится к старту первый евразийский кооперационный проект в промышленной сфере, совместно финансируемый странами ЕАЭС. Он стал возможен благодаря инициативе российских, казахстанских и белорусских предприятий, являющихся участниками евразийской технологической платформы «Космические и геоинформационные технологии – продукты гло-

бальной конкурентоспособности». Программа проекта позволяет использовать преимущества единого экономического пространства ЕАЭС, объединить промышленные, научно-технические и маркетинговые возможности стран союза.

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что усилия регуляторов ЕАЭС, направленные на создание в его рамках единого рынка и общего экономического пространства, привели к конвергенции социально-экономических процессов государств – членов ЕАЭС, а функционирование союза способствовало устойчивости экономического развития каждой из стран, что было подчеркнуто В. В. Путиным в 2017 г. на саммите ЕАЭС в Сочи²².

Международные рейтинги фиксируют интеграционный эффект экономического развития стран. По оценке Всемирного банка, позиции ЕАЭС в целом соотносятся с показателями группы стран с уровнем развития выше среднего: в частности, по ведению бизнеса ЕАЭС занимает 40-е место из 190 (2016), индексу человеческого капитала – 52-е из 188 (2014) (табл. 2). При этом по большинству рейтингов в 2017–2018 гг. государства ЕАЭС показали положительную динамику²³.

Таблица 2

Позиции государств – членов ЕАЭС в международных рейтингах экономического развития

Table 2

Positions of EAEU member states in international economic development ratings

Показатели	Год	Количество учтенных стран	Страны					
			Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргыз- стан	Россия	ЕАЭС в целом
Индекс глобальной конкурентоспособности ²⁴	2013	148	79	–	50	121	64	63
	2018	139	70	–	59	97	43	45
Индекс экономической трансформации ²⁵	2012	128	55	87	48	73	52	53
	2018	129	47	77	64	63	45	48

²⁰Предложения по формированию цифрового пространства [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://goo.gl/KfnGgY> (дата обращения: 22.03.2019) ; Проект «Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 г.» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://goo.gl/v4t4rR> (дата обращения: 22.03.2019) ; Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://goo.gl/n7feuK> (дата обращения: 22.03.2019).

²¹Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Библиотека евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%95%D0%AD%D0%9A%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20\(%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B\)%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%95%D0%AD%D0%9A%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20(%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B)%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82.pdf) (дата обращения: 20.02.2019).

²²Бюджет ЕАЭС на 2018 год превысит 8 млрд рублей // Союзное государство : [сайт]. URL: https://www.postkomsg.com/actual_comment/215889/ (дата обращения: 16.10.2017).

²³Рейтинг стран [Электронный ресурс] // Всемирный банк. Doing Business. URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 12.09.2017) ; Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами – членами ЕАЭС в области макроэкономической политики : годовой докл. за 2016 г. [Электронный ресурс]. М., 2017. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyViews/Documents/%d0%94%d0%be%d0%ba%d0%bb%d0%b0%d0%b4%20%d0%bf%d0%be%20%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%b3%d0%b0%d0%bc%202016%20%d0%b3%d0%be%d0%b4%d0%b0%20%20d1%80%d0%b5%d0%b4.3_07.04.pdf.

²⁴Индекс учитывает широкий спектр показателей: макроэкономическую стабильность характеристики рынка труда, товаров, инновационную активность, образование и здоровье населения.

²⁵Статусный индекс оценивает прогресс в области политической и экономической трансформации и качество управления, осуществляемого политическими акторами.

Окончание табл. 2
Ending table 2

Показатели	Год	Количество учтенных стран	Страны				
			Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргыз- стан	Россия ЕАЭС в целом
Индикатор эффективности государственного управления ²⁶	2012	212	98	170	127	149	125
	2017	214	105	127	97	161	104

Вместе с тем аналитики отмечают, что, до тех пор пока государства – члены ЕАЭС рассматривают единое экономическое пространство лишь с позиций дополнительных экспортных возможностей для национальных экономик, а свои внутренние рынки предполагают насыщать только собственной продукцией импортозамещения²⁷, будут сохраняться трудности, связанные с небольшим объемом инвестиций в реальный сектор экономики и слабой активностью промышленных компаний, отсутствием нацеленности на формирование общего внутреннего рынка в рамках ЕАЭС с учетом специализации стран по отдельным видам продукции. Имеют место противоречия и в аграрно-промышленном комплексе: наличие значительного списка чувствительных продовольственных товаров, отсутствие сертификатов качества на экспортную продукцию некоторых стран (в первую очередь в Кыргызстане), нарушение запретов на транзит санкционных продуктов Европейского союза на территорию России (преимущественно из Беларуси)²⁸.

Подводя итоги 2018 г., ЕЭК отмечает, что договоренности в рамках ЕАЭС реализуются не в полном объеме, в связи с чем фактические темпы интеграции ниже изначально предусмотренных, выполнение задачи по сокращению изъятий и ограничений находится только на подготовительном этапе и частично включено в работу по совершенствованию положений Договора о ЕАЭС, наблюдается недостаток интеграционных связей в реальном секторе, отсутствие систематичности в части финансирования кооперационных программ и проектов в рам-

ках союза²⁹. Экономики демонстрируют невысокую динамику развития и небольшую долю взаимной торговли, а в программах национального развития государств национальные интересы преобладают над общесоюзными.

На повестке дня стоит проблема завершения разработки дорожной карты по ликвидации имеющихся барьеров в сфере промышленности, агропромышленном комплексе, энергетике, техническом регулировании внутренних процедур. В силу нового ТК важно достичь ускорения уже начатого переговорного процесса о создании зон свободной торговли с теми странами, с которыми ЕАЭС договорился выстраивать данную стратегию и с которыми ЕЭК уже формирует согласованную со странами союза политику по развитию интернет-экономики, созданию общих правил цифровой торговли, единых стандартов обмена информацией и ее защиты. Предстоит серьезная работа по совершенствованию транспортной инфраструктуры и сопряжению ее с китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути». Однако в эффективности этого процесса сомневаются ряд экспертов [2, с. 246].

В условиях нарастания внешних рисков все более актуальным становится поиск новых источников устойчивого роста, направленных на повышение эффективности экономик. Сегодня таким неучитываемым внеэкономическим ресурсом является человек, его включение в создание общественной ткани ЕАЭС. Каждое государство – член ЕАЭС самостоятельно предпринимает конкретные шаги по

²⁶ Индикатор учитывает качество регулирования, политическую стабильность, отсутствие преступности, верховенство закона, мнение населения, подотчетность государственных органов, контроль над коррупцией.

²⁷ О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D0%B8,%20%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%D0%B2%D0%B2%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf (дата обращения: 12.10.2017).

²⁸ Кузьмина Е. М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. : аналит. зап. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Policybrief-ru.pdf> (дата обращения: 30.09.2017).

²⁹ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

повышению качества населения, реализуя свои национальные концепции, стратегии, программы. При этом стратегическая национальная повестка этих государств ориентируется на интеграционные возможности регионального объединения. Анализ социально-демографических аспектов интеграционных процессов показал, что естественный прирост населения, как важнейший демографический фактор, наиболее активно влияющий на экономику, имеет тенденцию к снижению в Армении, а в Беларуси и России отмечается рост естественной убыли. При сохранении подобных тенденций общая численность населения ЕАЭС, а также доля экономически активного населения будут сокращаться.

Реальная ситуация в сфере рождаемости в государствах союза, тенденции старения населения, рост числа выбывающих работников будут осложняться неравномерностью динамики численности населения трудоспособного возраста. Все указанные факторы требуют принятия более интенсивных и последовательных мер в области демографической политики.

В этой связи новая демографическая программа В. В. Путина вселяет надежду на стабилизацию в предстоящее десятилетие численности населения России как самой крупной страны – члена ЕАЭС. С нашей точки зрения, в данном документе очень правильно сделан акцент на экономическую поддержку рождаемости, помощь многодетным семьям и семьям со скромными доходами, создание дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребенка. Однако управление воспроизводством населения должно включать также формирование новых социальных стереотипов относительно оптимального числа детей в семье, возраста вступления в брак, рождения первого ребенка.

Необходимо искать новые подходы к использованию потенциала пожилых людей, согласовывать миграционную и социальную политику, в том числе в отношении высококвалифицированных специалистов, предусмотреть условия для их временной миграции с учетом взаимных выгод.

На качестве населения Армении, Казахстана, Кыргызстана отрицательно сказывается миграционная убыль, основные причины которой чаще всего кроются в отсутствии на родине необходимых условий для работы, и низкий уровень жизни. По мнению экспертов, при сохранении социально-политической и социально-экономической ситуации в странах ЕАЭС объемы и существующий вектор миграции останутся на прежнем уровне.

Человеческий капитал, интегрально выраженный индексом человеческого развития ООН, в боль-

шинстве стран – членов ЕАЭС довольно высок. В последние годы наблюдается его рост в Армении, России и Казахстане. В Беларуси и Кыргызстане его количественные характеристики сохранились. По методике ООН все государства – участники ЕАЭС, за исключением Кыргызстана, входят в группу стран с высоким уровнем названного индекса (в Кыргызстане – средний уровень).

В ЕАЭС отмечается высокий образовательный уровень населения, тенденция к усилению международной интеграции в сфере образования. Однако при этом сокращается численность обучающихся и выпускников в системе высшего профессионального образования, также становится меньше выпускников в секторе среднего профессионального образования, что в долгосрочной перспективе формирует риск дефицита квалифицированных кадров. Относительно стабильные, но невысокие расходы на развитие сферы образования (в 2010–2018 гг. – от 3,2 до 7,2 % консолидированного бюджета) могут гарантировать в государствах – членах ЕАЭС только консервативный вариант ее развития.

Развитие науки в ЕАЭС в 2012–2016 гг. характеризуется сохранением доли персонала, работающего в науке, в общей численности занятого населения, что свидетельствует об ориентации на инновационный сценарий развития, а также невысокими (по сравнению с другими интеграционными объединениями) затратами на научные исследования и разработки (в странах – членах ЕАЭС они не превышали 1,1 % от ВВП). Все это отрицательно влияет на развитие научного потенциала, формирует тенденцию, препятствующую структурным изменениям в национальных экономиках, связанным с перспективами наукоемкого сектора, и негативно скажется на конкурентоспособности ЕАЭС в целом и каждой страны – члена объединения.

Несмотря на то что продолжительность жизни населения в ЕАЭС в последние годы растет, можно утверждать, что существуют некоторые достижения в сфере здоровья людей, однако данный показатель, являющийся важнейшей характеристикой человеческого потенциала и концентрированно выражающий состояние здоровья населения, в государствах – членах ЕАЭС ниже, нежели в развитых странах. Резерв его улучшения – повышение расходов на здравоохранение.

Интеграционный эффект в ЕАЭС может быть значительно усилен, если этот процесс будет опираться на поддержку большинства населения. В последние годы, по данным исследования Банка ЕАЭС, к сожалению, отмечалось снижение ее уровня во всех государствах – членах ЕАЭС, кроме Кыргызстана³⁰ (рис. 4).

³⁰ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46 [Электронный ресурс] // Центр интеграционных исследований Европейского банка развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

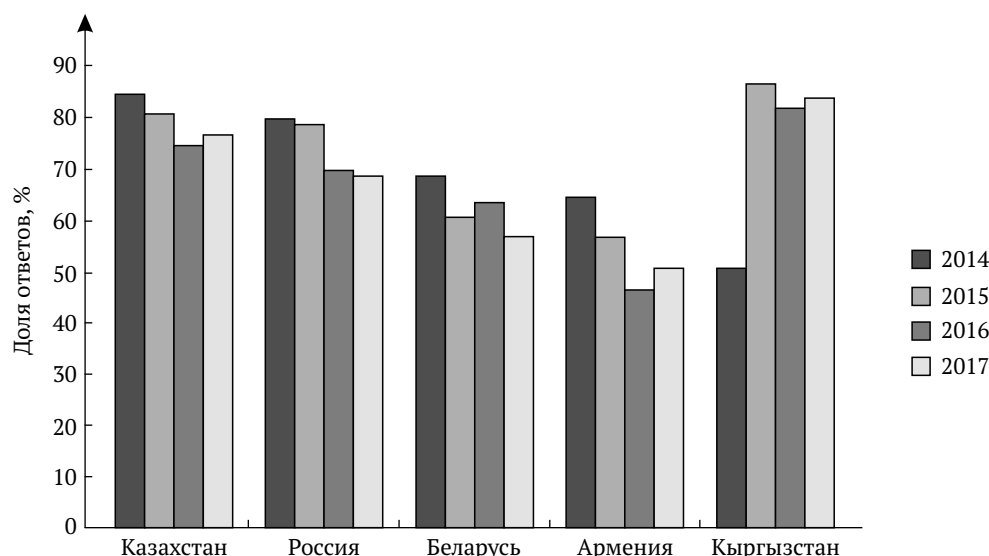

Рис. 4. Доля ответов «безусловно положительно» и «скорее положительно» на вопрос об отношении к созданию ЕАЭС среди опрошенных в странах – участницах союза в 2014–2017 гг., %

Fig. 4. Percentage of answers «absolutely positive» and «rather positive» to the question of the EAUE among the respondents in the member states in 2014–2017, %

Создание общественной ткани ЕАЭС невозможно без участия человека и сообществ, в которые он включен. Социальная база объединения, как средство становления и сохранения нового интеграционного объединения, должна постоянно воспроизводиться во всей ее многомерности. Необходимо развивать всю систему социальных отношений, консолидируя народы и элиты государств – членов ЕАЭС. Следует признать, что отношение населения к интеграционным процессам и народам стран – членов ЕАЭС характеризуется в том числе и внеэкономическим содержанием, значительно влияющим на результативность развития союза. Позитивное настроение людей стимулирует процесс модернизации, способствует стабильности социально-политической ситуации в каждой из стран, предупреждению потенциально дезинтегрирующих ЕАЭС рисков, обеспечивает повышение эффективности интеграционных процессов.

Сегодня все чаще признается необходимость включения в стратегию построения нового интеграционного объединения социально-гуманитарной составляющей в силу нацеленности на формирование наряду с единым экономическим единого социально-гуманитарного пространства. На повестке дня стоит системная работа с населением государств – членов ЕАЭС по воспроизводству консистентной солидарности во всех структурных элементах общества, позитивного отношения к идее интеграции, этнокомплементарных связей, эмпатии, толерантности, сходных интересов, норм и ценностей, разделения символов с другими членами общества, совокупности идей, побуждающих к конкретным позитивным действиям в интересах ЕАЭС.

Приходит понимание, что в противном случае существует опасность выстраивания конструкции, альтернативной интеграции государств – членов ЕАЭС, отражающей взгляды маргинальных групп, которая может быть использована для дезинтеграции общественно-политического дискурса. Соперничающие группы транслируют в публичное пространство различные трактовки событий, и механизмы объединения будут давать сбой, не смогут действовать эффективно.

Потребность в социально-гуманитарном взаимодействии государств – членов ЕАЭС усиливается вследствие ослабления в последние 25–30 лет вертикального и горизонтального векторов консолидации народов, снижения эффективности микро-социальной солидарности, возникающей внутри сообществ и между ними, слабой вертикальной и горизонтальной интегрированности элит объединения, несогласованности, внутренней противоречивости их действий, ухода из жизни поколений – носителей общей истории народов СССР, утраты интереса со стороны населения стран – членов ЕАЭС к общему советскому прошлому, вхождения в жизнь новых поколений, которые не помнят СССР, не знают русского языка и не осознают необходимости интеграции. Наблюдается также форсированное формирование новой идентичности, краеугольным камнем которой является подчеркнуто декларируемый суверенитет новых государств.

Однако системные шаги в названном направлении пока так и не сделаны. Существуют отдельные инициативы или декларации о намерениях, не решающие этих задач. Сегодня власть в государствах – членах ЕАЭС не в полной мере использо-

вала свой потенциал для укрепления солидарности населения стран, входящих в состав союза, а наднациональная власть такого ресурса не имеет.

Социальное взаимодействие и социально-гуманитарное сотрудничество государств – членов ЕАЭС практически не акцентированы в нормативных актах, законах, договорах между странами – участниками объединения. В Положении о Евразийской экономической комиссии социальная и гуманитарная сферы деятельности вообще не предусмотрены. Естественно, эти вопросы не рассматривались на заседаниях ни Высшего Евразийского экономического совета, ни Евразийского межправительственного совета. Социально-гуманитарные проблемы интеграции остаются за пределами внимания и руководителей союза, и специалистов.

Важнейшим ресурсом объединения народов стран – членов ЕАЭС является сохранение общего культурно-исторического пространства, общей социальной памяти, традиций, поддержка русского языка – всего того, что способствует широкой и глубокой рефлексии интеграционных процессов, взаимопониманию различных социальных субъектов и обеспечивает связь поколений, включая деятельность человека, сообщества и систем общественного устройства.

Следует отметить особую роль лидеров стран – членов ЕАЭС, а также управленческой элиты и бизнес-элиты в расширении поддержки союза. Важно работать над обновлением и консолидацией элит, их ориентацией на идеи евразийской интеграции, особенно в молодежной среде, где принятие этой идеи слабее, нежели в старших возрастных группах, содействовать детям лидеров стран – членов ЕАЭС получить образование в России.

Необходимо формирование двойной идентичности, основанной на собственно национальном и общеевразийском самосознании, понимании людьми своей исторически определенной функции в жизни органического целого – Евразии. Двойная идентичность является важнейшим условием жизнеспособности евразийской идеи, эффективности наднациональных институтов ЕАЭС, показателем успешности интеграционных процессов, результатом осознания индивидом себя как части союза, что придает легитимность процессу евразийской интеграции. Она свидетельствует о готовности руководствоваться общими интересами всех участников, а не интересами отдельного государства, а также о взаимопонимании между евразийскими нациями.

Конечно, ожидать быстрого результата в формировании двойной идентичности сложно. По данным «Евробарометра», в Европейском союзе, функционирующем с 1993 г., «чистыми» европейцами ощущают себя всего 4 % опрошенных, европейцами и представителями определенной нации – 8 %,

представителями определенной нации и европейцами – 45 %, исключительно жителями своей страны – 41 %.

Конструирование социальной базы интеграционного процесса требует использования конкретных практик, средств, ресурсов. Очень важно задействовать определенные способы социализационного процесса, интериоризации символического комплекса евразийской интеграции: поддержания идеологии евразийства, морально-этических норм, ритуалов, ценностей, практик, объектов и событий, обладающих интеграционным потенциалом.

Для возрождения общего образовательного пространства, воспитания новых поколений в духе сотрудничества следует подумать о важнейшей составляющей евразийского интеграционного процесса – общих системах среднего образования, профессиональной подготовки кадров для единого рынка труда. Учитывая новые возможности ЕАЭС и векторы движения рабочей силы в союзе, в рамках социальной политики важно проводить дополнительные мероприятия в целях улучшения знания русского языка, усилить внимание к билингвальной языковой подготовке соответствующих исполнительных структур. Идеальным инструментом здесь могут стать совместные образовательные проекты, потенциал которых сегодня не используется или используется очень плохо. Результаты этих проектов будут полезны в долгосрочной перспективе и в политике, и в экономике.

Для развития горизонтальных связей между обществами, сообществами, группами, укрепления ядра общей культуры народов, сохранения общей социальной памяти необходимы социальные программы многостороннего сотрудничества с учетом всего комплекса проблем, возможных направлений с применением всего комплекса механизмов, которые будут оцениваться по единым для всех стран ЕАЭС показателям социальной эффективности интеграции. Нельзя признать удовлетворительной сложившуюся практику сотрудничества на пространстве ЕАЭС в сфере культуры, науки. Она имеет явные недочеты.

Социальная база процессов евразийской интеграции может быть выстроена только в ходе взаимодействия. К совместной деятельности во всех вышеперечисленных сферах необходимо привлекать все возрастные группы населения, особенно средние когорты, которые наиболее критично оценивают результаты интеграционных процессов в ЕАЭС.

Важнейший инструмент конструирования социальной базы – единая для всех стран программа медийной поддержки проекта евразийской интеграции. Новые медиа принципиально меняют социальную память, восприятие социальной реальности.

ЕАЭС нуждается в поддержке научно-экспертного сообщества. Его мнение представляется крайне значимым для обеспечения полноты информации, поступающей из разных источников, при принятии решений регуляторами. Экспертное со-

общество собирает и анализирует факты, которые по разным причинам не озвучиваются в официальной среде, формирует нерешенные вопросы. Велика роль экспертного сообщества в восприятии населением проблем интеграции.

Библиографические ссылки

1. Кротов МИ, Мунтиян ВИ. Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы. *Управленческое консультирование*. 2015;11:33–47.
2. Зиновьев ВП, Троицкий ЕФ. Евразийская экономическая интеграция: эволюция, проблемы и перспективы. *Русич*. 2016;4:236–251.

References

1. Krotov MI, Muntiyani VI. Eurasian Economic Union: history, features, prospects. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11:33–47. Russian.
2. Zinoviev VP, Troitsky EF. [Eurasian economic integration: evolution, problems and prospects]. *Rusich*. 2016;4:236–251. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.01.2020.
Received by editorial board 10.01.2020.

УДК 316.75

«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КАРКАС» ИДЕОЛОГИИ БУДУЩЕГО В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

А. Я. САРНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предпринимается попытка выявить и провести сравнительный анализ ключевых идеологических концепций современности с позиции их значимости для развития западной социальной теории, прежде всего философии и социологии техники. На материале футурологии и прогностики показаны особенности ведущих концепций, объединенных общим «концептуальным каркасом» представлений о будущем развитии общества на основе технического прогресса, которые можно сгруппировать в три направления: ретрофутуризм, акселерационизм и техномистицизм. В такой перспективе ретрофутуризм представляет собой взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным настоящим, акселерационизм ориентирован на прорыв из настоящего в будущее, а техномистицизм пытается представить будущее как новую версию прошлого.

Ключевые слова: социальная теория; идеология; моделирование будущего; ретрофутуризм; акселерационизм; техномистицизм.

«CONCEPTUAL FRAMEWORK» OF IDEOLOGY OF THE FUTURE IN FOREIGN SOCIAL THEORY

A. J. SARNA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article attempts to identify and comparatively analyze the key ideological concepts of our time from the standpoint of their significance for the development of Western social theory, primarily the philosophy and sociology of technology. The

Образец цитирования:

Сарна АЯ. «Концептуальный каркас» идеологии будущего в зарубежной социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:44–52.

For citation:

Sarna AJ. «Conceptual framework» of ideology of the future in foreign social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:44–52. Russian.

Автор:

Александр Янисович Сарна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Aliaksandr J. Sarna, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
alsar.05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5701-7573>

material of futurology and forecasting shows the features of leading concepts, united by a common «conceptual framework» of ideas about the future development of society based on technological progress, which can be grouped into three areas which are retro-futurism, accelerationism and techno-mysticism. In such a perspective, retrofuturism is a look from the past to the future that has become relevant to the present, accelerationism is focused on a breakthrough from the present to the future, and techno-mysticism is trying to present the future as a new version of the past.

Keywords: social theory; ideology; modeling of the future; retro-futurism; accelerationism; techno-mysticism.

С точки зрения современной социальной теории социокультурное символическое пространство, его политические и идеологические структуры организованы вокруг базовых семантических единиц, в роли которых выступают концепты (имена, понятия, образы), используемые как минимальные структурные элементы для формирования более крупных смысловых конструкций (текстов и нарративов). Они задействуются в конкретном социально-культурном контексте, что позволяет также опознать в них своеобразные маркеры или кодификаторы различных дискурсов, определяющих специфику функционирования тех или иных языковых средств и использование различных коммуникативных ходов в зависимости от общественно-политической ситуации. Ключевые понятия и категории лежат в основе деятельности любого политического и социального института как некоторое ограниченное количество номинаций, исторически сложившихся, оформившихся и закрепившихся в качестве смысловых универсалий: *власть, закон, справедливость, свобода, равенство, независимость* и др. Они обеспечивают единство базовых мировоззренческих представлений всех членов данного сообщества, помогают им выразить себя, достичь взаимопонимания с другими, понять и объяснить окружающий мир, найти свое место в нем. Вместе с тем прийти к общей и однозначной трактовке данных концептов достаточно сложно, поскольку они обладают большой генеративной силой, позволяющей им сконцентрировать вокруг себя обширную смысловую область, для описания которой необходимо составить достаточно объемный словарь [1].

Составление такого рода словаря является весьма важной задачей, поскольку во многом именно от его удачной разработки и соответствующего использования зависят надежность и гибкость общественных взаимосвязей, согласованность и эффективность функционирования социальной системы, возможность ее дальнейшего развития и совершенствования. При этом возникают значительные трудности, поскольку каждый из базовых концептов обладает сложной семантической структурой. Так, Ю. Степанов, отождествляя концепт с понятием в логическом смысле, выделяет «три компонента, или три «слоя», концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осоз-

наваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [2, с. 47]. Он отмечает, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры. В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения. <...> В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. <...> При этом во всех таких случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами. Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений» [2, с. 48].

В силу того, что многомерная и полисемантическая структура концепта ориентирована на разные социальные слои и группы, которые рассматривают и интерпретируют его под разными углами зрения и в различных ракурсах, он всегда будет провоцировать столь же отличающиеся друг от друга, иногда откровенно противоречивые версии его восприятия, понимания и употребления. Вследствие этого каждый концепт обладает целым «шлейфом» сопутствующих истолкований и интерпретаций, казалось бы, совершенно избыточных, но исторически обусловленных и социально закрепленных. Можно выделить несколько предметных областей в соответствии с тем, какие способы объективации концепта предлагаются и применяются в социальной практике. В результате необходимо привлечь еще ряд понятий, соотносимых с концептом и используемых в различных социальных сферах при реализации общественно-политических проектов. Прежде всего в своем статусе универсализированного понятия концепт может применяться в речи политиков как номинативная единица политического дискурса для легитимации представлений о сложившемся социальном порядке и для обоснования политических действий. При этом он может быть соотнесен с *перцептом*, т. е. со зрительным образом, который представлен в качестве определенного знака и используется для визуализации кон-

цепта с целью его прояснить, закрепить и включить в систему средств массовых коммуникаций. Будучи использованным в качестве центрального элемента в структуре визуального сообщения, растиражированным и распространенным посредством СМИ, перцепт может быть гораздо легче усвоен массовой аудиторией и использован для формирования общественного мнения.

На этом уровне функционирования концепт может быть представлен уже как *конструкт* – стереотипное, клишированное представление о концепте в массовом сознании, сложившееся на основе уже имеющихся ассоциаций и интерпретаций. Если же рассматривать концепт как базовую единицу комплекса идей, на основе которых выстраивается ценностно-мотивационная система представлений, служащих основой для целеполагания и выбора методов политической деятельности, то в этом ракурсе можно говорить уже об использовании его как *идеологемы*. Таким образом, в качестве инструмента социальной регуляции и конструирования коллективных представлений концепт может быть задействован в сфере политики, он может послужить основой для закрепления соответствующего образа-перцепта в качестве конструкта массового сознания, а также использоваться для создания доминантной идеологемы в рамках какой-либо идеологической доктрины. Именно в рамках последней постоянно предпринимаются усилия для того, чтобы остановить процесс бесконечных интерпретаций, связанных с коннотациями того или иного концепта, вследствие чего и предлагаются попытки разработать словарь, в котором бы отображалось и фиксировалось конечное число значений данного понятия.

Для этого практика использования базовых конструктов и идеологем ограничивается рамками некоторого предустановленного «концептуального каркаса». Он указывает на зависимость форм презентации знаний, применяемых представителями различных социальных групп и сообществ, от совокупности *концептов и понятий*, посредством которых эти знания выражены в языке, используемом данными речевыми коллективами. Роль языка становится очень важной, поскольку, осмысливая результаты своего взаимодействия с окружающим миром, человек использует определенные лингвистические средства для фиксации различных свойств и сторон тех объектов, которые находятся в зоне его внимания. Выбор каких-то конкретных средств языка задает характер и направленность *описаний и объяснений*, посредством которых строится знание о мире. Любой язык так или иначе системно организован, за счет чего в рамках одного или нескольких схожих «концептуальных каркасов» можно обнаружить некоторые исходные понятия и связанные с ними концепты, определяющие способ *понимания* особенностей тех объектов, с ко-

торыми субъекты взаимодействуют в процессе своей жизнедеятельности, а также способы подобного взаимодействия [3].

Зачастую манипуляции с языком как инструментом описания и понимания реальности становятся основой для конструирования социальных утопий, которые ставят своей целью монополизировать право на истину и тем самым выиграть борьбу за единственно правильную и политически корректную интерпретацию концептов, легитимирующую их дальнейшее использование в самых разных типах социальных практик. Включаясь в систему образов и понятий, используемых для пропаганды тех или иных идей, концепт как «воображаемое социальное значение» (К. Касториadis) начинает функционировать на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений и идеологических доктрин. В таком случае «концепт является составной частью мифа, поэтому, если мы желаем заняться расшифровкой мифов, нам надо научиться давать названия концептам» [4, с. 85], рассматривая их как связующее звено между политикой, идеологией и мифотворчеством.

Рассмотрим особенности такого рода взаимосвязи на материале современной западной социальной теории, в которой концептуальной основой представлений о возможном развитии общества является критическое переосмысление роли научно-технической революции (НТР) и научно-технического прогресса (НТП) в целом. Понятия НТР и НТП переосмысливаются как идеологические конструкты, которые базируются на доминанте технократического разума, т. е. дискурсивных практик, формирующих мировоззренческие приоритеты и ориентиры при выборе сценариев социального развития. Инженерно-техническая модель прогресса выступает в роли идеологической утопии, которая в современных условиях замещает архаичский миф о золотом веке в прошлом, перенося его в отдаленное, но вполне достижимое (по мнению его адептов) будущее. Альтернативой понимания технологии как идеологии являются сценарии катастрофического развития событий в случае исключения гуманитарного фактора из рассматриваемой перспективы.

Однако, как нам представляется, многообразие возможных вариантов развития человечества не может сводиться только к двум полярным точкам зрения: позитивной и негативной. Чтобы выявить реальную сложность возможностей концептуализации и сравнительного анализа моделей будущего, необходимо сопоставить модальности восприятия таких категорий, как *сущее и должное, возможное и невозможное, идеальное и реальное* с тремя ключевыми модусами темпоральности, представленными в классической триаде *прошлое – настоящее – буду-*

щее. Тогда возникают три возможных варианта – три версии будущего – в рамках современной идеологии техники: ретрофутуризм, представляющий взгляд из прошлого в будущее, ставшее актуальным настоящим; акселерационизм, ориентированный на прорыв из настоящего в будущее; техномистицизм, в котором будущее предстает как новая версия прошлого. Рассмотрим их более подробно.

Ретрофутуризм можно обозначить как совокупность представлений о будущем развитии человеческой цивилизации, выразившихся в возможности создания различных концепций, гипотез и научных исследований на основе знаний и достижений, которые считаются актуальными, достоверными и действенными для осмысления грядущего на момент их реализации, но воспринимаются как архаичные в ретроспективной оценке. Подобные попытки создания образов будущего предпринимались постоянно, начиная с религиозной эсхатологии (учения о конце света) в восточных (индуизм, буддизм, джайнизм, иудаизм, ислам) и западных (христианство) традициях, домарксистской философии истории с ее концепциями прогресса, регресса и циклического развития общества, а также социальных утопий от Платона и Лао Цзы до А. Сен-Симона, Ж.-Б. Фурье и Р. Оуэна. Марксистская идеология претендовала на научное обоснование своих социально-экономических идей, но также разделила участь утопических проектов, воплотившихся в виде научного коммунизма и диалектического материализма.

С появлением во второй половине XIX в. ранней футурологии возникает жанр размышлений о будущем, представленный работами Г. Уэллса, К. Циолковского, Ф. Джиббса, Э. Говарда, Дж. Голдейна, А. Лоу и др. В них образ будущего развития человечества складывается не на основе мировоззренческих спекуляций или абстрактных размышлений, предсказаний и пророчеств, но становится предметом научного исследования, которое направлено на изучение не прошлого или наблюдаемых в данный момент явлений и процессов, а их перспектив. Такой подход особенно характерен для В. А. Базарова-Руднева, Дж. Бернала, Н. Винера и Р. Юнгка, с именами которых связывают появление научной прогностики – проведения исследований для получения знаний о вероятном/возможном состоянии общества или его различных сфер в будущем [5].

С середины 1950-х гг. американские ученые из *RAND Corporation* и других исследовательских центров США выявляют основные тренды и перспективы ожидаемого состояния социума в Америке и во всем мире на основе технологии научного прогнозирования. Она включает в себя экстраполяцию в будущее тенденций, закономерности развития которых уже хорошо известны, в прогнозные сце-

нарии, позволяющие формулировать и сравнивать друг с другом вероятностные или желательные перспективы изменений, а также коллективный опрос экспертов в разных сферах с дальнейшим обобщением их мнений и оценок. Французские исследователи во главе с Б. де Жувенелем и Ж. Фурастье смогли показать неизбежное возникновение эффекта Эдипа как самореализации или нейтрализации прогноза по мере его осуществления, что делает бессмысленными попытки предсказаний и требует проблемно-целевого подхода для оценки возможных последствий намеченных решений и повышения их эффективности. К примеру, концепция трансформации общества в рамках НТР в основном строится на научно-технических достижениях в сфере информационно-коммуникационных технологий, где, по мнению американского исследователя киберкультуры М. Дери, процессы ускоренного развития информационной среды и виртуализации социальных практик в интернете приближаются к рубежу второй космической скорости, которая нужна уже не только для отрыва от земной поверхности, но и для ухода в открытый космос. Это и есть «скорость убегания», преодоления гравитационной силы традиционной культуры и социальных ритуалов, притяжение которых ослабевает с каждым годом по мере перехода к новым форматам цифровой культуры и киберпространства.

М. Дери считает, что свое головокружительное ускорение послевоенная культура получила с появлением и распространением компьютера, который сыграл роль «информационного двигателя», перенесшего человечество из эры фабричного капитализма в постиндустриальную эру транснациональных корпораций. Орудия промышленного производства уступили место информационной экономике и креативным индустриям, выпускающим продукцию на основе краткосрочного спроса (голливудские блокбастеры, телепрограммы, хай-тек-овые тематические парки, быстротечные мегатренды и финансовые транзакции). Такого рода инновации стимулировали появление и развитие новой технокультуры, сумевшей освободиться от инерции традиций и перейти от эры пара и дизеля к космической эпохе. Но эта революция стимулирует движение не только в космическое пространство, но и внутрь, на уровень нанотехнологий и микромира – от незыблемой эпохи харда к призрачной эре софта, где микросхемы слишком миниатюрны, а коды слишком сложны, чтобы это осознать, хотя именно они все больше берут под свой контроль мир, прежде принадлежавший человеку. В итоге, по мнению М. Дери, подобный кибероптимизм вполне оправдан в случае оценки нарастания сложности в развитии киберпространства, однако он не срабатывает для выяснения перспектив общественных отношений вне техносферы [6].

После появления получивших всемирную известность работ Ф. Полака, Дж. Макгейла, О. Флехтгейма, И. Галтунга, Г. Кана, Д. Белла, А. Тоффлера, Д. Медоуза, Дж. Нейсбита сформировались целые отрасли современной футурологии, которые берут за основу идею НТР в постиндустриальную эпоху и работают с инструментами научного прогноза, что позволяет сделать шаг от глобального прогнозирования к выстраиванию сценариев альтернативного развития нашей цивилизации [7]. К сожалению, большинство таких сценариев не учитывает эффект Эдипа и в той или иной степени попадает в ловушку собственных представлений о будущем, сформированных на основе прошлого опыта. Тщетные попытки конкретизировать изображения предстоящих перемен и предстоящих событий, нарисовать четкий образ будущего неизбежно приводят к созданию очередной утопии или антиутопии, поскольку картина грядущего постоянно складывается из элементов прошлого и настоящего, подкрашенных фантазией ее создателя [8]. Так возникают яркие футуристические образы в винтажной рекламе и кино, научной фантастике и художественной литературе, которые постфактум свидетельствуют в большей степени о своем времени, чем о возможностях предсказания будущего, что с позиций свершившегося настоящего воспринимается лишь как ностальгические воспоминания о прошлом.

Вероятно, сама проблема возможности и правомерности концептуализации глобальных грядущих изменений связана с затруднением в различении концепта и перцепта времени, где логические рассуждения и прогностические модели сливаются с идеологическими конструктами и утопическими фантазиями. «Фантазм “настоящего будущего” преследует радикальную мысль на протяжении как минимум двухсот лет, и всякий раз оказывается, что будущее, на которое возлагались надежды, было заражено и подпорчено прошлым, – и всякий раз нам предлагают новое будущее со стопроцентной гарантией темпоральной чистоты, с абсолютной непорочностью и устойчивостью к соблазнам. Но всегда выходит, что “так поступают все будущие”: новое будущее, как и его предшественник, вступает – ладно бы в кровосмесительный союз – в скучный законный брак с прошлым, коллапсирует в повторение одного и того же, уже давно бывшего и вот уже у входа толпятся новые претенденты на роль “настоящего будущего”, которое не обманет... Будущее постоянно проигрывает прошлому и коллапсирует в него не потому, что не было “настоящим”, а потому, что любое будущее всегда уже заражено прошлым, предотвращение же подобного коллапса требует поддержки инстанции, внешней по отношению ко времени как таковому. Собственными силами будущее справиться не может» [9, с. 143–144].

Поиски этой внешней вневременной инстанции осуществляются в другой идеологической концепции, выстраиваемой вокруг устремления к будущему – акселерационизме. Это одна из наиболее влиятельных современных идеологий левого толка, оформившаяся вокруг высказанной К. Марксом в «Капитале» идеи о неизбежном революционном итоге развития капиталистической формации во главе с буржуазией как результате постоянного усовершенствования орудий производства и, как следствие, производственных и общественных отношений в целом. Развивая это мнение, британские философы А. Уильямс и Н. Шричек в опубликованном летом 2013 г. труде «Манифест акселерационистской политики» провозгласили необходимость ускоренного технологического и политико-экономического развития на основе научно-технического прогресса, что приведет, по их мнению, к коренной трансформации всего уклада капитализма и выходу за его пределы [10]. Философ-постмарксист А. Аванесян подчеркивает, что в основе любой акселерационистской мысли лежит требование противопоставить внутренним противоречиям капитализма их же обострение: интенсификация кризисных феноменов в современном неолиберализме по модели двойной негации могла бы привести к их снятию и даже социальному взрыву [11]. В таком случае ориентированная на будущее политика ускорения, как утверждают авторы манифеста, делает возможными поистине прогрессивные мысль и действие, открывая новый взгляд на развитие социально-политических систем.

В свою очередь, возражения против упомянутых идей гласили, что, во-первых, там, где манифест предъявляет конкретные требования (формирование интеллектуальной инфраструктуры, радикальная реформа медиа и т. д.), он отходит от предпосылок акселерационизма и становится ближе к модели гегемонии А. Грамши; во-вторых, под вопросом остается реальная возможность победить капитализм его собственным оружием в виде нарастающей динамики и ускорения. Также возникают сомнения в силе воздействия и содержании политики акселерационизма, поскольку считается, что власть капитала никоим образом не зависит от стабильности [11]. При этом в качестве отправного тезиса авторами «Манифеста акселерационистской политики» констатируется необратимое наступление гегемонии нематериального труда. Поэтому дальнейшие рассуждения можно свести к тому, полагает А. Негри, что двигателем революции и источником собственного освобождения может выступить только класс, занимающийся умственным трудом, т. е. креативный класс, и лишь он способен освободить технологии и производительные силы от гнета капитала. Для этого требуется перераспределение информатизированного основного ка-

питала и освоение субъектами труда самых передовых технологий, используемых капитализмом в контексте развития информационно-коммуникационных технологий [12].

По мнению акселерационистов, государство и корпорации XXI в. располагают средствами, позволяющими осуществлять символическое принуждение, не обращаясь к прямому насилию, но контролируя язык, восприятие, воображение и разум. Противостоять политике информационной эксплуатации возможно через использование нового языка и тренированного сознания интеллектуалов и креативного класса, способного преодолеть отчуждение от продуктов своего творчества, которое ему навязывают господствующие технократы. Художники и гражданские активисты должны воспитывать и защищать публичную сферу и публичный дискурс так же, как богатство и разнообразие способов культурного самовыражения. Ведь рост могущественных медиаолигополий приводит к однообразию и коммерциализации контента, а информационный госконтроль и отказ признать электронные сети ареной выражения общественного мнения создает угрозу для широкого культурного участия, художественного эксперимента и творчества. Защита наследия будущего должна опираться на соответствующие технические, законодательные, научные и финансовые меры.

Для обеспечения общественных потребностей в высококачественной, содержательной и доступной информации креативный класс интеллектуалов обрабатывает информацию, касающуюся развития и возможных действий в инфосфере, выявляет индоктринацию и пропаганду, защищая гражданское право на свободу выбора, мнения и самовыражения, на коммуникацию и неприкосновенность частной жизни. Тесное взаимодействие и сотрудничество между активистами, художниками и учеными, по мнению сторонников «Манифеста акселерационистской политики», может обеспечить экспериментальное поле разнообразной электронной культуры, предусматривая расширение некоммерческих, общественно значимых электронных сетей и цифровых культурных узлов, тем самым стимулируя развитие публичного пространства в целом.

Однако идеализировать протестный или хотя бы критический потенциал креативного класса не стоит, поскольку он уже успел превратиться в прекариат, готовый встраиваться в сложившуюся систему, но не менять ее. Об этом предупреждает голландский теоретик медиаискусства П. Гилен, анализирующий современные тенденции и особенности художественных практик на мировой арт-сцене, оформившейся за последние 20 лет под влиянием новейших информационно-коммуника-

ционных технологий, цифровой культуры и электронных социальных сетей. Следуя идеям Х. Энциенсбергера и П. Вирно, Л. Болтански и Э. Кьяпелло, П. Гилен указывает на то, что в нынешнем мире горизонтальных и по большей части внеинституциональных связей современному искусству отведена особая роль. В условиях постфордистской глобализации культуры, искусства и политики оно сформировалось в парадигме неолиберализма и готово обслуживать его всепроникающую криптоидеологию, преподносимую как единственный реалистичный выбор для людей творческих профессий.

П. Гилен считает, что представители креативного класса обрели свое место в социальной системе и оформились как прекариат, или «художественное множество», лишенное единства и целей, стабильного финансового положения и социального статуса, но способное создавать моду на свободный образ жизни, независимость во взглядах и проектную деятельность как универсальную бизнес-модель. В глобализованном мире искусства с гипермобильностью людей, денег, товаров и информации художники и кураторы отказались от музеев и биеннале как институций, обеспечивающих единственное место (сцену) для самовыражения в пользу виртуальной среды и социальных сетей. Поэтому влияние «репрессивного либерализма» распространилось на художественную автономию и связи, выстраивая стратегии биополитического принуждения и контроля за счет организации процессов нематериального труда и объединения искусства, этики и демократии [13].

Альтернативной стратегией можно считать борьбу за экономические и трудовые права креативных сообществ, повышение их политического самосознания и включения в практики арт-активизма. В условиях набирающей все большую популярность монолитной парадигмы рыночного капитализма П. Гилен считает необходимым сформировать автономное интеллектуальное пространство и образовательную среду, где основным критерием оценки могли бы стать отдача от приложенных усилий и самоорганизация представителей художественного сообщества. В схожем ключе выступает и А. Негри, который упрекает «Манифест акселерационистской политики» в излишне оптимистической оценке возможностей развития техносоциальных систем, однако видит значительный потенциал в дальнейшей разработке идеи социальной кооперации и создании организаций нового типа, избегающих модели диктатуры пролетариата или горизонтально-сетевой демократии. Такие меры означают создание интеллектуальной инфраструктуры, каналов коммуникации и классовых институтов, способных конструировать образы будущего, не впадая при этом в футуристические иллюзии [12].

Далее обратимся к техномистицизму, который выступает как одно из концептуальных направлений современной цифровой идеологии и связан с древнейшими мифопоэтическими и религиозно-философскими традициями на основе представлений о глубинном духовном единстве информационно-коммуникационных технологий и техники и человека путем объединяющих их сверхъестественных сил. В рамках техномистицизма считается, что новейшие информационные технологии и новые медиа (особенно компьютеры, интернет и виртуальная реальность) позволяют выявить скрытые в человеке сверхчувственные способности, стимулируя видения, озарения, инсайты и даже, в более радикальной версии, ясновидение, экстрасенсорiku, левитацию и прочее, в обычном состоянии никак себя не проявляющие, но раскрывающиеся в полной мере лишь под воздействием интенсивного обмена информацией и энергетическими импульсами с различными техническими устройствами [14].

Отдельными версиями техномистицизма выступают техношаманизм, кибергностицизм, цифровой оккультизм, модифицированные варианты *new age*, трансперсональной психологии и т. п. Канонический корпус текстов техномистицизма, претендующих в глазах их адептов на статус едва ли не сакральных, сложился на основе работы У. Берроуза «Электронная революция», Э. Дэвиса «Техногнозис», К. Беккера «Словарь тактической реальности», Дж. Зерзана «Первобытный человек будущего», А. Уилсона «Прометей восставший» и др. Особую роль в становлении и развитии идей техномистицизма сыграли контркультурные движения хиппи и битников, концептуальные откровения психоделической революции 1960-х гг., киберпанк 1980-х гг. и научной фантастики в целом, которая в поисках новых возможностей обратилась к творческим ресурсам жанра фэнтези и почерпнула из него множество сюжетов и образов, объединив идеи магии с новейшими технологиями, что нашло отражение в творчестве таких писателей – представителей новой волны, как Р. Желязны, Ф. Дик, С. Дилэни, Ф. Саберхаген, Г. Гаррисон, в художественных кинофильмах «Трон», «Бегущий по лезвию бритвы», «Матрица», «Газонокосильщик», «Экзистенция», «Нирвана», «Клетка», «Начало» и др.

Идейно-концептуальные противоречия между архаическими религиозно-мифологическими представлениями и научным познанием, лежащим в основе технического прогресса, снимаются в техномистицизме за счет трансформации идей о метафизической сущности и природе человека в рамках синергетики, трансперсональной психологии и футурологии, осуществивших синтез научных, религиозных и философских взглядов. В таком ра-

курсе развитие технологий, начиная с телеграфа, телефона и телевидения, неизбежно ведет к техносинтезу человека и машины, пробуждая в нем способности к телепатии, телекинезу, телепортации в некоем отдаленном будущем, в «точке Омега» (Т. де Шарден), где творческий потенциал ноосферы под влиянием человеческого разума объединится с органическими силами природы, чтобы проявить себя в полной мере, открыв возможности перехода в новое эволюционное состояние – от человека к сверхчеловеку.

Представители техномистицизма, такие как американский исследователь и медиакритик Э. Дэвис, считают, что информационные технологии по своей природе являются технокультурными гибридами. Это специально созданные устройства и механизмы, которые придумываются, изготавливаются и используются с определенной целью, но осуществляют нечто такое, что не имеет отношения к принципам техники. Они преодолевают свой предметный статус просто потому, что позволяют кодировать и транслировать такие бестелесные реальности, как разум и смысл. При этом материальная и техническая структура медиа накладывается на процесс коммуникации формальные ограничения, а ее непосредственность бросает им вызов, поскольку коммуникативный акт происходит между сознаниями, упакованными в «конверт» информационных потоков, передающих смыслы, образы и информацию. Создавая новый интерфейс между Я, Другим и внешним миром, медиатеchnологии сами становятся «строительными блоками» и элементами системы интерпретации мира, что позволяет считать их фундаментом процесса социального конструирования реальности [15].

По мнению техномистиков, наиболее значимые социальные конструкции исторически воплощались в области религиозного воображения – анимистическом мире природной магии, ритуализованных социальных нарративах и мифологиях, этических началах мировых религий и т. д. Духовные представления и практики неизбежно находили свое отображение и в средствах коммуникации в их историческом развитии от иероглифов и печатной книги до радио и компьютерных сетей. При этом психологическая динамика техномистицизма предстает в ключевом и вполне традиционном различии между духом и душой, которые реализуются в истории технологий как два метода передачи информации – аналоговый и цифровой.

Это можно проиллюстрировать на примере технологии записи и воспроизведения звука посредством виниловой грампластинки и компакт-диска. Пластинки испещрены непрерывными физическими дорожками, которые имитируют и репрезентируют звуковые волны, вибрирующие в воз-

духе. В то же время компакт-диски «нарезают» эти волны на отдельные биты и семплируют их. Эти цифровые единицы данных представлены в виде крошечных канавок, которые считываются и выстраиваются в последовательный ряд в стереопроекторе. Аналоговый ряд соответствует мелодии души – теплой, волнообразной, полной «потертостей и царапин» материальной истории. Цифровой же мир воплощает холодную «матрицу духа» – мерцающую, абстрактную, представляющую собой, скорее, абстрактный код, нежели телесную реальность. «Аналоговая душа» задействует отношения между вещами, цифровой дух «делит мир на прах и информацию» [15, с. 19]. На основе этого противопоставления адепты техномистицизма прослеживают его главные течения от древнейшей истории до современных технологий, утверждая, что киберкультуру подсознательно питают

образы и импульсы, глубоко укорененные в духовной практике.

Таким образом, указанные версии будущего в представленных идеологических концепциях строятся как возможные модификации традиционных представлений о будущем с точки зрения его взаимосвязей с прошлым и настоящим. Техника и технологическое развитие становятся отправной точкой для выявления особенностей будущего в ретрофутуризме, призывов к преодолению настоящего в акселерационизме, а также реанимации архаических воззрений в техномистицизме. Какое из данных направлений окажется наиболее востребованным в дальнейшем, предсказать трудно, особенно с учетом курьезности любых предсказаний. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что необходимо комплексно понимать представленные идеи в их взаимном дополнении друг друга.

Библиографические ссылки

1. Макаренко ВП. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. Москва: Праксис; 2005. 368 с.
2. Степанов ЮС. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект; 2001. 991 с.
3. Гусев СС, Голдберг ФИ, Симонов АИ. Концептуальный каркас [Интернет; процитировано 22 января 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/concepts/7133>.
4. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989. 616 с.
5. Бестужев-Лада ИВ. Обязательное предисловие. В: Бестужев-Лада ИВ. *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи*. Москва: Academia; 2000. с. 6–22.
6. Дери М. *Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков*. Екатеринбург: Ультра.Культура; 2008. 478 с.
7. Иноземцев ВЛ. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. В: Иноземцев ВЛ, редактор. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia; 1999. с. 3–64.
8. Гуревич ПС. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса. В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1988. с. 3–30.
9. Реgev Й. Diss-on-Land. *Логос*. 2018;28(2):139–158.
10. Уильямс А, Шричак Н. Манифест акселерационистской политики. *Логос*. 2018;28(2):7–20.
11. Аванесян А. Назад из будущего: ориентации акселерации. *Логос*. 2018;28(2):1–6.
12. Negri A. Reflections on the manifesto. In: Mackay R, Avanessian A, editors. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 363–378.
13. Гилен П. *Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 288 с.
14. Беккер К. *Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль*. Москва: Ультра. Культура; 2004. 212 с.
15. Дэвис Э. *Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху*. Москва: Ультра.Культура; 2008. 480 с.

References

1. Makarenko VP. *Politicheskaya kontseptologiya: obzor povestki dnya* [Political conceptology: review of the agenda]. Moscow: Praxis; 2005. 368 p. Russian.
2. Stepanov YuS. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii projekt; 2001. 991 p. Russian.
3. Gusev SS, Goldberg FI, Simonov AI. Conceptual framework [Internet; cited 2020 January 22]. Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7133>. Russian.
4. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; 1989. 616 p. Russian.
5. Bestuzhev-Lada IV. [Mandatory preface]. In: Bestuzhev-Lada IV. *Vpered! XXI vek: perspektivy, prognozy, futurologi* [Ahead of the 21st century: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow: Academia; 2000. p. 6–22. Russian.
6. Dery M. *Escape velocity: cyberculture at the end of the century*. New-York: Grove Press; 1996. Russian edition: Dery M. *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov* [Escape velocity: cyber culture and the end of the century]. Ekaterinburg: Ultra.Kul'tura; 2008. 478 p. Russian.
7. Inozemtsev VL. [Prospects for postindustrial theory in a changing world]. In: Inozemtsev VL, editor. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New postindustrial wave in the West]. Moscow: Academia; 1999. p. 3–64. Russian.
8. Gurevich PS. [Patterns and social prospects of scientific and technological progress]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress; 1988. p. 3–30. Russian.
9. Regev J. [Diss-on-Land]. *Logos*. 2018;28(2):139–158.

10. Williams A, Srnicek N. #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 347–362.
Russian edition: Williams A, Srnicek N. [Manifest of accelerationism]. *Logos*. 2018;28(2):7–20. Russian.
11. Avanesyan A. [Back from the future: acceleration orientations]. *Logos*. 2018;28(2):1–6. Russian.
12. Negri A. Reflections on the manifesto. In: Mackay K, Avanesian A, editors. *#ACCELERATE: the accelerationist reader*. Falmouth: Urbanomic; 2014. p. 363–378.
13. Gilen P. *Bormotanie khudozhestvennogo mnozhestva. Global'noe iskusstvo, politika i postfordizm* [Mumble of art set. Global art, politics and postfordism]. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 288 p. Russian.
14. Bekker K. *Slovar' takticheskoi real'nosti. Kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyi kontrol'* [Dictionary of tactical reality. Cultural intelligentsia and social control]. Moscow: Ul'tra.Kul'tura; 2004. 212 p. Russian.
15. Davis E. *TechGnosis: myth, magic, and mysticism in the age of information*. New-York: Harmony Books; 1998.
Russian edition: Davis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [TechGnosis: myth, magic, and mysticism in the age of information]. Moscow: Ultra.Kultura; 2008. 480 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2020.
Received by editorial board 27.01.2020.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ИМИТАЦИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т. П. МЕЛЬНИКОВА¹⁾

¹⁾Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность феномена социальной имитации, конкретизируется понятие «социальная имитация» с учетом социально-позитивных и социально-негативных аспектов феномена и моделей включенности индивидов в процесс социальных трансформаций. Рассматриваются виды, формы и методы социальной имитации, отдельное внимание уделяется сущности и деструктивным проявлениям имитации-симуляции (симулякр), причинам возникновения и негативным последствиям распространенности симулятивных социальных практик в контексте их влияния на состояние национальной безопасности, а также направлениям научной проработки данной проблемы в рамках социальной психологии и политической социологии.

Ключевые слова: модели социального участия; социальная имитация; имитация-симуляция; симулякр; симулятивные социальные практики и национальная безопасность.

THE SOCIAL IMITATION PHENOMEN AS A FACTOR AFFECTING THE STATE OF NATIONAL SECURITY

T. P. MELNIKOVA^a

^aNational Security Institute of the Republic of Belarus,
2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The article reveals the essence of the phenomenon of social imitation, a concrete notion of «social imitation» taking into account the socio-positive and socio-negative aspects of the phenomenon and models for inclusion of individuals in the process of social transformation; examine the types, forms and methods of social simulation, special attention is paid to the essence and destructive manifestations of simulation-simulation (simulacrum), the causes and negative consequences of the prevalence of simulation of social practices in the context of their impact on state security, as well as areas of scientific study of this problem in the framework of social psychology and political sociology.

Keywords: social participation models; social simulation; simulation-simulation; simulacrum; simulated social practices; national security.

Введение

Современные реалии характеризуются интенсивными и динамичными трансформациями во-
енно-политической и социально-экономической

архитектуры мироустройства, кардинальными из-
менениями во всех сферах общественных отно-
шений. Национальная безопасность и реализация

Образец цитирования:

Мельникова Т.П. Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:53–59.

For citation:

Melnikova T.P. The social imitation phenomenon as a factor affecting the state of national security. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:53–59. Russian.

Автор:

Татьяна Петровна Мельникова – кандидат психологических наук, доцент; профессор специальной кафедры.

Author:

Tatiana P. Melnikova, PhD (psychology); professor at the special department.
melnik0v4.t@yandex.by

национальных интересов государств напрямую зависят от наличия концептуальных ценностных ориентиров и стратегий долгосрочного развития, обеспеченных соответствующими человеческими ресурсами [1]. При этом для стран, объективно ограниченных в выборе иных конкурентных преимуществ, именно роль человеческого потенциала и эффективных социальных практик приобретает особое значение. К числу таких стран на данном историческом этапе относится и Республика Беларусь.

Известный российский философ, культуролог и социолог Ю. М. Резник обосновал в своих работах существование двух моделей причастности индивида к реализации социальных трансформаций, изменений в жизни общества и человека: первая модель (по сути, формальная) – *социальное участие* – реализуется, когда человек включается в социальные преобразования небескорыстно, с расчетом на получение тех или иных социальных выгод и гарантий собственной безопасности; вторая модель (неформальная) – *социальное служение* – реализуется, когда воспроизводящий ее человек ориентирован на общее благо и стремится воплотить в жизнь инновационные социальные перспективы, актуализируя свой личностный потенциал и способствуя актуализации потенциала других членов общества. Ю. М. Резник отмечает, что обе эти модели воплотимы в жизнь только тогда, когда человек относится к делам общества точно так же, как к своим собственным. Он также подчеркивает, что современный человек имеет возможность выбрать наиболее предпочтительную для себя модель личностной включенности в процесс разворачивающихся социальных изменений [2].

Конструктивный характер и позитивный эффект модели *социального служения* не вызывают сомнений в случае, если оно направлено на реализацию позитивных социальных тенденций и именно на

общее благо, а не на исключительное благо отдельных групп (в противном случае речь может идти о деформации модели служения в сторону деструктивного фанатизма). Вызывает настороженность вариант реализации данной модели, описываемый в народе метким, но ненаучным определением «инициативный дурак», когда мотивация служения и жажда позитивных изменений в совокупности с личностными амбициями побуждают человека к деятельности, не соответствующей его интеллектуальным способностям и иным объективным ресурсам. Проблема усугубляется и тем, что сам индивид может не осознавать реальных границ своих компетенций; немалый класс такого рода ситуаций хорошо описывается известным в социальной психологии законом Даннинга – Крюгера об иллюзии сверхкомпетентности у начинающих специалистов и молодых руководителей.

Ресурсность модели *социального участия* в процессе социальных трансформаций, на наш взгляд, еще более неоднозначна и также нуждается в уточнении. Кроме того, очевидно, что какая-то часть общества всегда пожелает остаться в стороне от происходящих изменений и не включаться в соответствующую социальную активность, насколько это возможно в реальном обществе (тогда речь идет о некой третьей модели *социального присутствия*, которую можно условно описать формулой «меня это не касается, мне это не интересно»), а иногда и явно отвергать нежелательные трансформации или даже им противодействовать, т. е. не выберет ни одну из указанных Ю. М. Резником моделей.

В настоящей статье предпринята попытка отчасти раскрыть указанные неоднозначности существующих моделей в контексте их влияния на национальную безопасность через феномен *социальной имитации*.

Теоретические основы

В общеупотребительном смысле *имитация* – подделка, копия какого-либо реального предмета, процесса, события. В словаре С. И. Ожегова термин *имитировать* означает «воспроизводить с возможной точностью, подражать кому или чему-нибудь» [3, с. 213]. Соответственно, *социальная имитация*, по сути, есть копирование, подражание, воспроизведение тех или иных моделей поведения и социальных отношений. Вместе с тем в прикладном аспекте проблем социальной и политической психологии, политической социологии, культурологии и иных смежных наук представляет интерес не столько «точность имитации», сколько смысл, цель, мотивация и эффект соответствующей имитационной активности.

Социальная имитация представляет собой феномен, встроенный во всякую реально существующую систему общественных отношений, как

неотъемлемая подсистема культуры любого общества. В своем повседневном существовании люди часто имитируют социальные роли, участвуя в межличностном взаимодействии как непосредственно (З. Т. Голенкова), так и опосредованно, с помощью интернета (Е. А. Сайкин) или средств массовой информации. Данный феномен проник практически во все значимые сферы жизни человека и общества, укрепился в них (В. П. Бабинцев, Ю. Г. Волков, Е. В. Красавина, Ж. Т. Тощенко, Б. С. Шалютин, В. В. Шалин, Е. Н. Ивахненко, С. Г. Кара-Мурза, М. Н. Леонтьев, З. Г. Оскотский, Ю. И. Исакова, М. Ю. Алексеев, С. А. Денисов, М. В. Зимин, В. А. Виняр и др.). Примерами таких сфер являются политика и экономика, государственное управление и администрирование, наука и философия, образование и религия, повседневное существование людей, их социальная идентичность и непо-

средственное социально-ролевое взаимодействие [4–6].

В сферах прикладного, технологического знания имитация, в том числе социальная, используется как способ моделирования определенных процессов и систем, т. е. выступает как *метод познания*. В социогуманитарной сфере социальная имитация может рассматриваться, во-первых, как *метод социализации* человека через научение в процессе освоения паттернов поведения и деятельности по принципу «делай, как я»; во-вторых, как *метод адаптации*, когда транслируемые извне идеалы, ценности и способы поведения не отвечают внутренним убеждениям индивида, и он вынужден прибегать к имитации надлежащих форм поведения и деятельности в целях безопасности, самосохранения и реализации личных интересов.

В контексте различных направлений индивидуальной активности и конкретных социальных практик социальная имитация может иметь как созидательный, так и разрушительный характер. Различают два основных вида социальной имитации: *имитация-подражание* и *имитация-симуляция* (симулякр).

Понятие *имитации-подражания* используется в социологии и социальной психологии прежде всего в рамках функционализма (Э. Дюркгейм) и наделяется вполне позитивным и конструктивным смыслом как основной механизм социализации, освоения и глубинной интериоризации индивидом норм и ценностей сообщества. Налагая на поведение индивида клише типовых социальных ролей, сообщество побуждает его посредством подражания научиться соответствию ролевым требованиям и тем самым постепенно вводит его в социальную среду – социализирует. *Имитация-подражание* рассматривается также как основной механизм, обеспечивающий усвоение и воспроизведение индивидом элементов социальной культуры, необходимых для самосохранения системы (Т. Парсонс). Такое воспроизводство ценностных образцов, принятых на уровне *социального консенсуса*, является системообразующим и стабилизирующим процессом в обществе, определяющим структуру, качество и содержание общественной жизни. Индивид, перенимая через подражание ценностные ориентации, являющиеся базовыми для *коллективной легитимации* социальной системы и закрепленные в соответствующих сакральных символах национальной культуры, способен к оптимальному ролевому функционированию внутри данной системы [7; 8]. И в этом смысле *имитация-подражание* как

социальная практика обладает позитивным и конструктивным ресурсом социальных изменений, реализуясь как в модели *социального служения*, так и в модели *социального участия*, и даже в модели пассивного *социального присутствия*.

В свою очередь, *имитация-симуляция* часто практикуется как механизм социальной адаптации в ситуациях общей девальвации базовых ценностных установок общества, когда воспроизводство в поведении усвоенных в ходе социализации нормативных образцов поведения, по сути, уже не является необходимым условием успешного социального развития. Однако в силу культурной инерции оно сохраняется как внешнее ритуальное оформление повседневных социальных практик. В этом случае социальная имитация выступает в качестве условной ролевой игры, когда успех и общественное признание зависят уже не от реальных результатов деятельности, а от того, насколько субъекту, формально исполняющему социальные и/или профессиональные роли (и понимая при этом функциональную бесполезность соответствующих социальных ритуалов), удастся войти в роль и абстрагироваться от истинных индивидуальных ценностей и предпочтений, а также от глубинных сакрально-символических ценностей социума. В социологии для обозначения такого рода социальной активности существует понятие *симулякр*, которое трактуется как виртуальная инстанция, *пустой знак*, отделившийся от обозначаемого смысла, *копия копий*, лишь формально воспроизводящая оригинал (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делез, И. Гоффман и др.) [9]. Данный вид социальной имитации можно определить как процесс симулятивной деятельности, создание замещающих или воображаемых социальных конструктов, критерием которых выступает эффектность, но не эффективность с точки зрения полезности для общественного развития (Ю. Г. Волков, В. А. Евдокимов) [4; 10]. Примерами соответствующих социальных практик-симулякров могут быть оценки результативности деятельности не по факту и качеству решения реальных задач и проблем, а по всевозможным рейтингам, многочисленным отчетам, количеству проведенных мероприятий, реорганизаций, организационно-штатных изменений и т. п. Глобальная цифровизация и виртуализация социальных процессов, массовое внедрение информационных технологий во все сферы жизни современного общества создают дополнительные возможности для все более активного распространения имитаций-симулякров в социальных практиках.

Результаты и обсуждение

Таким образом, социальная имитация может рассматриваться: 1) как воспроизводство формы и содержания ролевого поведения в относительном единстве со смысловым содержанием деятель-

ности (*имитация-подражание*); 2) как воспроизводство ролевой формы, отчужденной от содержания (*имитация-симулякр*). Второе значение позволяет выделить особую форму симулятивного поведе-

ния – своего рода социальную мимику, практикуемую в целях адаптации к ролевым требованиям и нормам, которые воспринимаются акторами как чисто внешние, дистанцированные от их личности, однако выполнение этих требований необходимо им для достижения и сохранения общей социальной успешности и иных личных выгод. Это делает психологически оправданным расхождение эгоистических целей индивида и коллективных целей системы, когда актер считает вполне возможным действовать, игнорируя цели общества или даже в ущерб им [6].

Отмечено существование прямой связи между обилием кризисных явлений в современном мире и тем, что многие сферы общественной жизни перенасыщены имитационностью (И. А. Вальдман). При этом и социальные кризисы, и связанные с ними конфликты сами нередко становятся объектами имитации. Как социальные институты, так и отдельные личности, выступающие в роли субъектов социально-имитационных практик, зачастую ориентированы на манипулирование сознанием людей. Например, те или иные социальные акторы могут целенаправленно конструировать и внедрять в массовое сознание образ врага или злободневной проблемы, в результате чего люди вступают в воображаемую (виртуальную) борьбу, затрачивая на это свои силы и время, отвлекаясь от реальных проблем. Внедряющиеся в общественное и индивидуальное сознание симулятивные образы постепенно вытесняют базовые образы и модели, содержание которых соответствует подлинному положению вещей, что, в свою очередь, обеспечивает повышение манипулятивной эффективности социально-имитационных практик [7].

Среди средств социальной имитации наиболее распространены следующие:

1) *демагогия*, которая проявляется в бездоказательных и безответственных утверждениях, умышленном искажении сути процессов или подмене их сущности суррогатами-симулякрами для достижения политических целей и личных выгод;

2) *провокация*, используемая для дискредитации противостоящих лиц/систем, для привлечения внимания к должностным лицам и политическим силам, теряющим авторитет и влияние, но желающим реабилитироваться, возвыситься, получить возможных сторонников, иные преимущества в политической борьбе; специфические приемы: скандалы, заговоры, имитация нарушений, покушений и других действий, которые могут привести к компрометации, дестабилизации, маргинализации, радикализации, иным негативным последствиям;

3) *фальсификация*, которая проявляется в преднамеренном искажении информации, сущности происходящих в обществе процессов и событий для оправдания политических целей и личных/групповых выгод (фальсификация истории и др.), а также в псевдоактивности «для галочки» в целях

демонстрации лояльности, компетентности, заинтересованности, мотивированности и т. п.;

4) *плагиат*, сущность которого заключается в имитации авторства и ситуационно выгодной идентичности, клонировании и компиляции текстов, приписывании себе чужих заслуг и результатов социально полезной деятельности;

5) *профанация*, проявляющаяся как непочтительное отношение к достойным и достойному, опозорение и дискредитация идей, событий или процессов (профанация воинских подвигов, научных достижений, трудовых заслуг и т. п.), извращение, сознательное искажение идей, в том числе скандальное подражание без учета этнической и ситуационной специфики, национального менталитета;

6) *манипуляция*, связанная с попытками отвлечь население, конкретных лиц/групп от насущных проблем мнимо важными и мнимо неотложными делами; проявляется в замене реальных дел показательными мероприятиями, направлении общественного внимания на вопросы, которые не решают проблем сообщества;

7) *иллюзия*, которая строится на несбыточных социальных чаяниях, надеждах общества (иллюзия направленности реформ на улучшение жизни определенных групп или слоев населения и т. п.), что в политической жизни олицетворяют многочисленные обещания и прогнозы, мало чем подкрепленные и отвлекающие людей от повседневных забот;

8) *перформанс*, чаще проявляющийся как личностный вариант имитации, когда индивид, стремясь соответствовать критериям социальных ожиданий и выглядеть лучше, чем есть на самом деле, сознательно конструирует представление о себе с целью отвлечь или поразить аудиторию, заслужить признание, добиться успеха, иных личных выгод [5; 11].

Среди причин, порождающих социальную имитацию, часто называют желание политических и экономических сил сохранить и удержать власть и контроль, обеспечить свое влияние на общественную жизнь при отсутствии четких целей, стратегии развития и морального авторитета, при низком уровне обратной связи с различными слоями населения и др. Распространенность в обществе социальной имитации способствует росту коррупции, неверия в социальную справедливость и недоверия к правящим элитам, социальной апатии и аномии, росту социальной неудовлетворенности при иллюзии стабильности, архаизации общества на фоне модернизирующихся соседей, проявлениям вассального подчинения в социальных отношениях, размыванию границ между добром и злом, нравственным и безнравственным, распространению массовой псевдокультуры, духовной опустошенности, отстраненно-ироничному или равнодушно-циничному восприятию действительности, душев-

ной отчужденности в повседневных отношениях, потребительском отношении к духовной культуре и социуму.

В опубликованных исследованиях в качестве одной из главных причин возникновения имитационных феноменов указывается реализация стратегий социального развития, игнорирующих национальные и социокультурные особенности модернизирующихся сообществ. Отмечается, что волюнтаристский тип управления в модернизирующемся обществе, игнорирующий зависимость развития от исходных условий и ставящий цели, превышающие реальные возможности управляемой системы, порождает многочисленные имитации-симуляции практически во всех сферах (в политике, экономике, образовании, СМИ и др.). При этом социальная имитация выступает как *средство адаптации* к явно завышенным требованиям и утопическим целям развития системы, а расхождение ценностей и идеалов, официально декларируемых и характерных для повседневной жизни общества, приводит к разделению жизни людей на внешнюю, открытую для посторонних (демонстрация-имитация лояльности к системе, карьерный рост, получение наград, званий, почестей и т. п.), и скрытую, предназначенную только для своего круга (рост неудовлетворенности, недоверия, циничного и потребительского отношения к системе, интерес к неофициальным информационным каналам, альтернативным системам и т. п.). Данное явление, в свою очередь, получило название *имитационная личность* [9; 12; 13].

Наиболее общим признаком *имитационной личности* выступает ее идентификация с группой лиц, придерживающихся подобных или схожих имитационных практик (например, попав в группу профессионалов, избегающих симулятивной активности, такая личность сначала будет пытаться использовать привычные для нее симулятивные модели поведения, а не добившись успеха, станет искать поддержки и признания у других групп или лиц, признающих и успешно реализующих имитационные практики) [12]. Имитационная активность проявляется в широком использовании казуистики, декларативности или демонстрации преданности, при том что человек говорит то, что от него хотят услышать, а не то, что думает на самом деле. Карьеристы, бюрократы, формалисты, волюнтаристы, демагоги и другие «любители» неконструктивных форм социальной имитации симулируют активность ради дела, но используют дело в личных целях. Такие формы социальной имитации представляют особую опасность для сохранения и развития всякой общности как целостности, способствуют отклонению развития общественных отношений от нравственных ориентиров, идеалов, принципов и норм, зачастую являясь вестниками предкризисных ситуаций, поэтому могут рассма-

триваться как формы *социальной деформации*. Они, по сути, содействуют торможению общественного прогресса, нейтрализации истинных социальных инноваций и с этой точки зрения представляют собой один из вариантов проявления *социальной инерции* [14–16].

Очевидно, что *имитация-симулякр* как форма симулятивной активности имитационной личности зачастую реализуется в упомянутой выше модели *социального участия*, когда индивид включается в соответствующую социально значимую деятельность и участвует в процессе социальных трансформаций (позитивный аспект реализации модели), но лишь до тех пор, пока видит в этом личную выгоду; ущемлять свои интересы ради интересов сообщества либо участвовать в деятельности системы, не приносящей личных выгод, он не станет, более того, с большой вероятностью будет искать выгоды, включаясь в деятельность альтернативных сообществ и иных систем (негативный аспект реализации модели). Иными словами, модель социального участия, помимо позитивного ресурса для реализации социальных трансформаций, обладает негативным ресурсом потенциального предательства интересов сообщества и трансформирующейся системы в целом. Причем размытость нравственных ценностей, ослабление способности к критическому мышлению и наличие соответствующей личностной мотивации делает этот негативный ресурс даже более выраженным, чем в модели *нейтрального социального присутствия*.

Как отмечает В. А. Евдокимов, индивиды и сообщества, зараженные «вирусом» имитационно-симулятивных практик, становятся легко управляемыми, поскольку утрачивают способность и желание глубоко анализировать окружающую действительность, проверять достоверность информации и объективно ее интерпретировать, сопоставлять различные мнения, устанавливать причинно-следственные связи событий, осознавать противоречивый характер общественных процессов [4, с. 71]. При этом они все глубже вовлекаются в существование, близкое к механическому потреблению, в рамках которого их природные способности и потребности искажаются, а массовая культура в ее наиболее примитивных вариантах начинает восприниматься как единственно приемлемая. Их подверженность деструктивному внешнему информационному влиянию резко усиливается, также растет позитивное принятие имитационно-симулятивных практик и готовность участвовать в их реализации. Вместе с тем обычно это не мешает (а часто и помогает) людям, сжившимся с представлениями такого рода, быть в целом социально успешными и хорошо ориентироваться в доступных им фрагментах социокультурного пространства [7], что может достаточно длительное время создавать иллюзию стабильности и благополучия

в обществе, постепенно размывая его устои и истинные ценности, ослабляя человеческий потенциал и социальные скрепы государства. Соответствующие деструктивные процессы носят латентный характер, постепенно и неуклонно снижая качество человеческих ресурсов государства, что при отсутствии адекватной системы социологического

мониторинга и эффективного управления формирующимися рисками и угрозами может привести к серьезным деформациям во многих сферах жизни общества (политической, экономической, информационной, научной, образовательной и др.), негативно сказываясь на состоянии национальной безопасности в целом.

Заключение

Изложенное позволяет сделать ряд выводов:

1. И модель социального служения, и модель социального участия индивидов (по Резнику) в процессах инновационного развития и социальных трансформаций в модернизирующемся государстве обладают не только позитивным ресурсом, но определенным негативным потенциалом, который актуализируется в случае поощрения элитами и широкого распространения в обществе имитационно-симулятивных социальных практик. Реализация неконструктивных вариантов поведения в рамках указанных моделей может привести к более негативным социальным последствиям, чем использование модели пассивного социального присутствия.

2. В силу внешней убедительности, а нередко и определенной социальной желательности имитационно-симулятивных социальных практик и моделей поведения (в том числе из-за сопутствующих вторичных выгод для их объектов) соответствующие процессы в обществе, негативно влияющие на состояние национальной безопасности модернизирующегося государства, носят зачастую скрытый характер протекания и потому особенно опасны.

3. Распространенность социальной имитации в современном обществе требует внесения коррективов в социально-психологическую и социо-

логическую трактовку сущности и содержания общественного сознания и поведения, поскольку используемые индикаторы могут не фиксировать реальность и не отражать объективно происходящие процессы, не раскрывать истинный характер изучаемых мнений, отношений и видов деятельности. Соответственно, уровень понимания глубинных, латентных причин происходящего в мире и обществе, степень раскрытия механизмов изменений, логики действий основных политических сил и социальных институтов серьезно ограничиваются устаревшим аппаратом познания. Все это требует существенной корректировки представлений об индикаторах и показателях, при помощи которых мы измеряем общественное сознание и оцениваем эффективность любой деятельности.

4. С учетом изложенного для современной социальной психологии и политической социологии актуальной является задача концептуализации понятия *социальная имитация* с перспективой его дальнейшей социологической операционализации. В прикладном аспекте важное значение имеет диагностика различных видов, форм и способов социальной имитации, выявление причин их возникновения и существования в различных социальных группах, мониторинг их последствий в разных сферах и эффективности мер воздействия.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Интернет]. 2010 [протитировано 3 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>.
2. Резник ЮМ. Человек и его социальные практики. В: Киселева МС, редактор. *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*. Выпуск 2. Москва: ИФ РАН; 2008. с. 84–102.
3. Ожегов СИ. Имитация. В: Шведова НЮ, редактор. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык. 1986. 797 с.
4. Евдокимов ВА. Инновации в политике: эффект имитации и имитация эффекта. *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2014;5:70–73.
5. Тощенко ЖТ. Новые лики деятельности: имитация. *Социологические исследования*. 2012;12:23–36.
6. Шалин ВВ. Имитация жизни – апокалипсис XXI века или новый социальный порядок. В: Шалин ВВ, редактор. *Имитация как принцип интолерантного поведения*. Краснодар: КубГАУ; 2013. с. 5–13.
7. Закирова ТВ. Социокультурные функции социальной имитации. *Теория и практика общественного развития*. 2015;12:353–356.
8. Красавина ЕВ. Формы социальной адаптации: имитация-подражание и имитация-симулякр. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2012;4:93–103.
9. Мухамеджанова НМ. Социальная имитация: сущность и предпосылки возникновения. *Манускрипт*. 2019;12(10):171–174. DOI: 1030853/manuscript.2019.10.33.
10. Волков ЮГ. *Креативность: творчество против имитации*. Москва: Альфа-М; 2013. 432 с.
11. Платов ВЯ. *Демагогия – в помощь руководителю. 120 демагогических приемов: идентификация, противодействие, использование*. Полиевктова ЕВ, редактор. Москва: Экономика; 2014. 175 с.
12. Волков ЮГ. *Имитационная личность в контексте социального*. Ростов-на-Дону: Антей; 2012. 31 с.

13. Закирова ТВ. *Социальная имитация как феномен современной культуры* [диссертация]. Челябинск: Челябинский государственный университет; 2015. 19 с.
14. Левыкин ИТ. Социальная деформация. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. С. 223.
15. Писаренко ИЯ, Титаренко ЛГ. Социальная инерция. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. с. 226–229.
16. Шавель СА. Социальная активность. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. с. 220–221.

References

1. On approval of the national security Concept of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus No. 575 of November 9. *National legal Internet-portal of the Republic of Belarus* [Internet]. 2010 [cited 2020 March 3]. Available from: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. Russian.
2. Reznik YuM. [Man and his social practices]. Kisileva MS, editor. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Vypusk 2* [Man yesterday and today: interdisciplinary research. Volume 2]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 2008. p. 84–102. Russian.
3. Ozhegov SI. [Simulation]. In: Shvedova NYu, editor. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 797 p. Russian.
4. Evdokimov VA. Innovations in politics: the effect of imitation and imitation of the effect. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2014;5:70–73. Russian.
5. Toshchenko ZhT. [New faces of activity: imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012;12:23–36. Russian.
6. Shalin VV. [Imitation of life – the Apocalypse of the XXI century or the new social order]. In: Shalin VV, editor. *Imitatsiya kak printsip intolerantnogo povedeniya* [Imitation as a principle of intolerant behavior]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2013. p. 5–13. Russian.
7. Zakirova TV. Sociocultural functions of social simulation. *Theory and Practice of Social Development*. 2015;12:353–356. Russian.
8. Krasavina EV. [Forms of social adaptation: imitation-imitation and imitation-simulacrum]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2012;4:93–103. Russian.
9. Mukhamedzhanova NM. Social imitation: essence and prerequisites of origin. *Manuscript*. 2019;12(10):171–174. Russian. DOI: 1030853/manuscript.2019.10.33.
10. Volkov YuG. *Kreativnost': tvorchestvo protiv imitatsii* [Creativity: creativity against imitation]. Moscow: Alfa-M; 2013. 432 p. Russian.
11. Platov VYa. *Demagogiya – v pomoshch' rukovoditelyu. 120 demagogicheskikh priemov: identifikatsiya, protivodeistvie, ispol'zovanie* [Demagogy – to help the head. 120 demagogic techniques: identification, counteraction, use]. Polievktova EV, editor. Moscow: Ekonomika; 2014. 175 p. Russian.
12. Volkov YuG. *Imitatsionnaya lichnost' v kontekste sotsial'nogo* [Imitative personality in the context of social]. Rostov-on-Don: Antei; 2012. 31 p. Russian.
13. Zakirova TV. *Sotsial'naya imitatsiya kak fenomen sovremennoi kul'tury* [Social imitation as a phenomenon of modern culture] [dissertation abstract]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2015. 19 p. Russian.
14. Levykin IT. [Social deformation]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 223. Russian.
15. Pisarenko IYa, Titarenko LG. [Social inertia]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 226–229. Russian.
16. Shavel SA. [Social activity]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 220–221. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Ю. В. НОВАК^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь

²⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируется феномен исторической политики в социально-философском аспекте. Историческая политика воздействует на сферу исторической науки и образования, дополняет принципы научной работы ценностными ориентирами принципов государственной деятельности, представленными в основах государственной идеологии. Историческая политика может находиться как в конфронтации, так и в соответствии с историческим знанием. Идеология и наука имеют разные цели, и это расхождение является той естественной границей влияния идеологии на сферу исторического познания, нарушая которую, она становится чуждой науке.

Ключевые слова: историческая политика; историческое образование; идеология; идентичность; ценностные ориентиры.

HISTORICAL POLITICS AS A SUBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yu. V. NAVAK^{a, b}

^aBelarusian State Agrarian Technical University, 99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220023, Belarus

^bNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article analyzes the historical policy in the socio-philosophical aspect. Historical policy intends to influence the sphere of historical science and education by adding the principles of state activity presented in the foundations of state ideology to the principles of scientific activity as value guidelines. Historical policy can either confront historical knowledge or conform to it. Ideology and science diverge from each other in their goals, and this divergence creates the natural boundary of the state historical policy influence. By breaking this boundary ideology will be seen as alien to science.

Keywords: historical politics; historical education; identity; ideology; value orientations.

В качестве концепта историческая политика вошла в поле социально-гуманитарных наук не так давно. Первыми проявили к ней научный интерес профессиональные историки ФРГ в 1980-х гг. Здесь историческая политика получила свое прочтение как «морально-политический поворот», инициированный Г. Колем в целях утверждения более пози-

тивного характера немецкого патриотизма, который до того времени базировался исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Это привело к «спору историков» и актуализации вопроса о проработке прошлого (критической работе над памятью о прошлом) и о причинах возникновения нацизма и мере его

Образец цитирования:

Новак ЮВ. Историческая политика как предмет социально-философского анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:60–66.

For citation:

Navak YuV. Historical politics as a subject of socio-philosophical analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:60–66. Russian.

Автор:

Юлия Валентиновна Новак – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾, аспирантка кафедры философии и методологии университетского образования²⁾. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. Ф. Берков.

Author:

Yulia V. Navak, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^a and postgraduate student at the department of philosophy and methodology of university education^b.
novak-77@inbox.ru

ответственности за Вторую мировую войну. С этого момента за исторической политикой закрепляется функция выработки и популяризации определенной интерпретации истории, выбранной в качестве правильной по политическим мотивам [1, с. 8].

Не обошли вниманием этот вопрос и польские исследователи, которые рассматривали историческую политику как средство воспитания здорового патриотизма, делая смысловой акцент на противостояние «искажениям» истории как внутри страны, так и за рубежом. Польский историк Р. Траба назвал данное явление новой исторической политикой, главным принципом которой является отказ от «критического патриотизма», ориентированного на создание единого европейского пространства для диалога (например, дискуссия в начале 2000-х гг. о массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 г.) и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «Патриотизм завтрашнего дня» [2, с. 43–44]. Подобное явление наблюдается в странах Балтии и некоторых посткоммунистических странах Восточной Европы, столкнувшихся с необходимостью выстраивания своей независимости и национальной идентичности на принципиально новой системе ценностей, противостоящей ранее господствовавшей коммунистической идеологии. При этом перед малыми государствами, помимо всего прочего, с помощью соответствующей исторической политики более рельефно очерчивается проблема отстаивания своего места в историческом процессе в результате открывшихся новых перспектив современного политического дискурса, предоставляющего малым государствам возможность не только быть объектами политической активности великих держав, но и выступать активными участниками исторического процесса [3, с. 109].

Активно интересуются темой исторической политики как новой формой взаимодействия истории, исторической памяти и государства российские исследователи А. И. Миллер, А. Р. Дюков, украинский историк Г. В. Касьянов [4–7]. Зарубежному опыту осуществления исторической политики посвящают свои работы О. Н. Борох и А. В. Ломанов, Ю. Шерер, М. В. Кирчанов, А. В. Астров [3; 8–11]. Немецкий взгляд на белорусскую историческую политику представлен в работе Р. Линднера [12]. В целом же можно сказать, что интерес к исторической политике лишь набирает обороты и в обозримой перспективе даст прирост соответствующих научных публикаций по этой теме.

Задачей данной статьи является анализ феномена исторической политики в социально-философском аспекте. При этом мы опираемся на су-

ществующее в научной литературе определение исторической политики как системы «целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [13, с. 10]. Наш подход предполагает рассмотрение исторической политики и как объекта, и как субъекта этой деятельности с акцентированием следующих взаимосвязанных вопросов: 1) влияние государственной политики на сферы научного познания и образования; 2) границы этого влияния в обозначенных сферах. Рассмотрим данные явления на примере сложившегося соотношения сфер исторического познания и исторического образования в Республике Беларусь на современном этапе.

Как любое молодое независимое государство, Республика Беларусь нуждается в собственной легитимации, которая зачастую осуществляется за счет активной государственной политики, проводимой как в общественной, так и в духовной сфере. История стала объектом пристального внимания нашего государства, что подтверждается разработкой государственными деятелями совместно с учеными проекта исторической политики. Кроме того, историческая политика непосредственно связана со сферой гражданского и патриотического воспитания, а также с созданием национально-культурной идентичности и формированием национального самосознания¹.

Историческая политика является попыткой политических сил представить обществу определенную интерпретацию исторического прошлого с целью убедить общество в правильности такой интерпретации [1, с. 9]. Удовлетворительным результатом подобного рода усилий может считаться усвоение исторической интерпретации на уровне индивидуального сознания человека в качестве основы его национальной идентичности. Общественной площадкой для осуществления данного проекта выступает в первую очередь сфера образования, которая, по сути, ориентирована на воспроизводство общества как такового, его основных атрибутов посредством процесса социализации, обучения и воспитания [14, с. 114].

Относительно преподавания истории Беларуси в современной школе (как средней, так и высшей) стоит отметить довольно частую смену взглядов на прошлое белорусов. Так, в период с 1991 по 2010 г. школьные учебники по истории Беларуси переписи-

¹Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З : ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. № 231-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 18.09.2019).

сывались трижды [16]. Возникает вопрос: чем обусловлена такая нестабильность в интерпретации исторического материала? Этот вопрос является традиционным для исторической науки, но выходит за ее рамки и становится предметом социально-философской рефлексии. К нему обращались неокантианцы, неопозитивисты, представители герменевтики и др.

Специалист в области современной социальной философии Т. Островская, разрабатывающая проблему национальной идентичности, пытается искать решение, опираясь на идеи герменевтика П. Рикёра и последователя исторической школы «Анналов» М. Ферро. Исследователь отмечает, что, по Рикёру, способность человека вспоминать и описывать свое прошлое – одна из фундаментальных характеристик его бытия, и при использовании схемы П. Рикёра «взаимоотношения между идентичностью, образованием и историческим прошлым могут быть описаны посредством метафоры герменевтического круга, то есть определенные представления об историческом прошлом закладываются в основание национальной идентичности, а образование выступает своего рода медиумом. И тогда сохранение исторического прошлого невозможно без перманентной трансляции средствами образования и последующей его интериоризации индивидами» [15]. Далее Т. Островская в своих рассуждениях опирается на идеи М. Ферро и формулирует мысль о том, что «двигателем, который запускает процесс циркуляции смыслов в рамках данного герменевтического круга, является поле властных отношений» [15]. Так, М. Ферро посвящает данной теме свою работу «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [16]. Книга насыщена богатым фактическим материалом, в ней дана убедительная иллюстрация разнообразных, иногда противоречивых подходов при освещении одних и тех же явлений, событий и процессов даже в отдельно взятой стране. В качестве подтверждения можно взять хотя бы сообщение М. Ферро о ситуации из польской практики исторического воспитания молодежи. Он пишет: «В Польше... та история, что совсем недавно преподавалась в школе, заметно отличается от той, которую рассказывали дома. Русские играли в этих историях не совсем одинаковую роль. <...> Мы обнаруживаем здесь столкновение коллективной памяти с официальной историографией» [16, с. 9]. М. Ферро предпринимает попытку своего рода классификации основных исторических моделей, выделяя институциональную историю, контристорию и коллективную память людей. Две первые модели он именует «историей историков», отмечая, что коллективная память не зависит от ученой традиции и распространяется иными способами. То, что М. Ферро обозначает термином «институциональ-

ная история», П. Рикёр в своих работах называет «практикуемая память», «навязанная память». Он пишет: «На деле практикуемая память – это, если иметь в виду институциональный план, память, которой обучили; принудительное запоминание, таким образом, действует в интересах воспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности» [17, с. 125].

Т. Островская заключает, что «смена власти неизбежно приводит к изменению исторической перспективы, которая, в свою очередь, отражается в форме и способах преподнесения исторического прошлого подрастающему поколению. При этом всегда существует опасность злоупотребления “властью над историей”, что может негативно сказаться и на процессах формирования идентичности» [15]. Согласно позиции П. Рикёра, коллективная память, естественная память в гораздо меньшей степени подвергается манипуляциям, нежели практикуемая память, так как сама идеология, действуя на различных операциональных уровнях, выполняет несхожие функции. Для коллективной памяти это интеграция с помощью символических средств культуры (средств нарратива) в целях конституирования и сохранения первичной культурной идентичности. Для практикуемой памяти, институциональной истории идеология выполняет функцию легитимации иерархической структуры власти и порядка (структуры *господство – подчинение*), и именно здесь «приводятся в действие ресурсы манипуляции, предлагаемые рассказом» [17, с. 125]. Даже наиболее примитивная форма власти, основанная на доминанте физического насилия, нуждается в подобного рода нарративной легитимации. «Даже тиран нуждается в риторике, софисте, которые возвещали бы о его замыслах по соблазнению или устрашению», – пишет П. Рикёр [17, с. 125]. Для иллюстрации того, как образование выполняет функцию легитимации власти и как проявляет себя идеология в пространстве коллективной памяти и практикуемой памяти, можно привести пример из книги М. Ферро, где он рассматривает причины введения французскими колонизаторами школьного образования для черного населения Западной Африки. Просветительская цель здесь далеко не единственная, она дополняется желанием противостоять антифранцузской истории марабутов и гриотов, представителей касты сказителей-певцов, по сути выступавших в роли хранителей и распространителей устной исторической традиции. Будучи носителями естественной памяти, они изображали победы и колониальные завоевания французов как преходящие и случайные, что шло вразрез с официальной исторической концепцией, в соответствии с которой статус французского присутствия на черном континенте квалифицировался как естественный закономерный процесс [16, с. 37].

В продолжение философской линии продуктивной традиции объяснения истории, заложенной в произведениях Гегеля, в дальнейшем в рамках марксизма формулируется материалистическое ее понимание. В методологическом плане представляется ценным следующее высказывание К. Маркса: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [18, с. 732]. В нем, как нам представляется, находится ключ к решению вопроса об отмеченном выше обилии существующих правд о многих событиях и процессах в нашей историографии. Обнадёживает тот факт, что способность к самокритике, хотя и реализуется крайне редко, тем не менее принципиально достижима, а вместе с ней для исторического знания открывается перспектива быть истинным знанием, объективно отражающим реалии социальной жизни: создается возможность быть знанием научным.

Таким образом, мы видим, как история и дискуссии о ее сути сближают сферы интересов государства и образования. Этой мысли созвучны выводы, представленные в коллективной публикации в журнале «Беларуская думка» [13]. Там вопрос об отношении государства к историческому образованию рассматривается через обращение к процессам формирования и сохранения идентичности нации, и вместе с тем акцентируется внимание на том, что, «в отличие от зарубежных стран, значение исторической политики как инструмента стратегии выстраивания и формирования национальной идентичности в Беларуси недооценивается. В обществе имеется очевидный запрос на более отчетливое понимание истории белорусской государственности как одной из основ развития современной национальной идеи и государства в целом» [13, с. 10]. Бесспорно и то, что формирование основ национально-культурной идентичности на уровне личности – это прерогатива сферы образования и воспитания, поле деятельности конкретных педагогов в конкретной педагогической ситуации, действие на микроуровне процесса обучения, на уровне работы и взаимодействия с индивидуальным сознанием обучаемого. Ведь именно здесь возможна интериоризация определенной исторической модели, вырабатываемой и предлагаемой в рамках исторической политики, т. е. возможно принятие внешнего по отношению к обучаемому исторического знания как своего, как знания, к которому индивидуальное существование обучаемого имеет непосредственное отношение. Как пишет Т. Островская, «проекты идентичности могут сколько угодно конструироваться, но пока они не усвоены индивидом (в нашем случае школьником), они не становятся значимыми смыслами, а оста-

ются лишь проектами» [15]. Таким образом, государство, с одной стороны, и сфера образования, с другой, заинтересованы в осуществлении одного большого проекта, а именно в формировании и сохранении национально-культурной идентичности белорусов.

Важен еще один аспект рассматриваемой проблемы. Речь идет о вполне возможных перекосах, возникающих при непосредственном осуществлении исторической политики в сфере образования, тем более что в советском прошлом такие идеологические перекосы наблюдались в качестве системного явления не только в сфере исторического образования, но и в исторической науке. Представители современной белорусской исторической науки осознают эту опасность, и потому вполне своевременно предупреждение о том, что «проведению исторической политики в Беларуси не должна быть присуща явная спешка или возвращение к догматизму. Сохранение исторического наследия не должно ни в коем случае иметь националистических тенденций и перерастать в борьбу с научным инакомыслием. К тому же очень важно не допускать в экспертной среде, и особенно в белорусском обществе, “войны памяти”, которую нам пытаются навязать различные внешние и внутренние деструктивные силы» [13, с. 10]. Предложено принять следующие меры по активизации исторической политики: 1) уточнение и закрепление концептов по основным и наиболее проблемным вопросам истории, составляющим фундамент белорусской государственности; 2) всемерная популяризация закреплённых концептов через тематические историко-культурные мероприятия учреждений науки и образования, музеев; 3) освещение в СМИ отечественной и всемирной истории; 4) систематическое проведение международных круглых столов, семинаров, конференций по дискуссионным вопросам истории с привлечением авторитетных ученых сопредельных стран.

Очевидно, эти мероприятия в большей степени затрагивают именно сферу исторической науки и лишь косвенно – историческое образование. Кроме того, ученые предлагают обсудить вопрос о создании как минимум двух структур: научного или общественного коллегиального органа по исторической политике (его функции в статье четко не сформулированы) и координационного совета по историческим наукам, одной из центральных задач которого видится определение приоритетных тем исследований в области истории [13, с. 10]. Любая государственная политика, какой бы сферы общественной практики она ни касалась, направлена, по своей сути, на то, чтобы сделать для себя эту сферу более предсказуемой, управляемой, организованной именно по тем правилам и принципам, которые будут обеспечивать реализацию государственных интересов. Не исключение в этом

смысле и предлагаемый проект исторической политики, ратующий за точность и своеобразную «чистоту линий» в наиболее проблемных темах исторической науки, касающихся белорусской государственности. И достигается это за счет того, что историческая наука добавляет к принципам научной работы в качестве ценностного ориентира принципы государственной деятельности. М. Ферро, высказываясь по вопросу идеологического влияния на историческую науку и образование, был еще более категоричен, утверждая, что «истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба» [16, с. 9–10]. И эти функции (или, как их называет автор, «миссии») историческое знание выполняет независимо от обстоятельств времени и места, меняя только форму и средства осуществления. Далее М. Ферро пишет, что «история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не более чем “фиговым листком” идеологии» [16, с. 10]. И здесь мы подошли вплотную ко второму пункту нашего обсуждения, а именно к вопросу о границах государственного влияния в сфере исторического познания и исторического образования.

Государство, поддерживая какое-либо мероприятие, разрабатывая новую государственную политику, будет ожидать дивидендов от своего «вложения». Не исключение в этом плане и рассмотренный нами выше проект исторической политики. Вопрос в том, каких именно дивидендов ожидает от исторической науки белорусское государство и насколько сама историческая наука обладает потенциалом вернуть их государству. При этом непременно должно осуществляться основное предназначение государственной исторической политики, т. е. «воспрепятствование попыткам искажения и интерпретации исторических фактов и событий в ущерб национальному самосознанию, авторитету нации (народа), а также формирование оптимальных подходов к историческому прошлому и обеспечение их позитивного восприятия обществом» [13, с. 3]. В целом задачи исторической политики согласуются с основными положениями идеологии белорусского государства, прописанными в учебниках с соответствующим названием, и даже практически повторяют их. Значит, разговор о границах влияния государства на историческую науку и образование подразумевает определение границ влияния идеологии на эту сферу.

Вопросы идеологии, ее воздействия на науку и образование активно разрабатываются исследователями всего постсоветского пространства, в том числе и белорусскими гуманитариями. Так, В. Ф. Берков, говоря о функциях идеологии, отмечает: «Сплачивая представителей той или иной социальной группы, обеспечивая их солидарность, идеология служит своеобразной матрицей выдви-

жения, оправдания, реализации, осуждения, отвержения определенных мотивов и целей деятельности» [19, с. 97]. Далее речь идет о двух основных видах влияния идеологии на науку: 1) воздействие на цели, задачи и результаты научного исследования; 2) воздействие на средства ее развития, т. е. на ее методологию. Возможны следующие варианты влияния первого рода: а) соответствие научному отображению действительности; б) игнорирование достижений науки, ее целей и возможностей и, как следствие, отрыв от действительности и приобретение догматического облика; в) уход науки от непосредственного контакта с идеологией (явление, характерное прежде всего для фундаментальных исследований); г) наложение идеологического запрета на достижения науки; д) насилие над наукой, превращение идеологии в преграду развития последней или вынуждения идти по ложному пути.

По-видимому, в данном перечне наиболее оптимальным для науки выглядит первый вариант, но реально состояться сможет, скорее всего, третий, причем его реализация возможна только при стабильных социально-политических условиях, не предполагающих кардинальных изменений в общественном развитии. Открытый и динамичный характер современной жизни по самой своей сути ориентирован на инициирование новых социальных проектов, мероприятий и программ деятельности, что, конечно же, отразится на целях и задачах государственной идеологии, а значит, будет меняться и корректироваться и статус государственной идеологии в рамках науки и образования.

Что же касается взаимоотношений идеологии и науки на методологическом уровне, то, к сожалению, рамки данной статьи не позволяют детально остановиться на этом актуальном для современной науки вопросе.

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно утверждать, что понятие исторической политики интересует не только историков и политологов, но и становится предметом социально-философского анализа через обращение к таким темам, как формирование идентичности, выбор новых ценностных ориентаций, а также через актуализацию темы влияния идеологии на сферу исторического знания и образования. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать ряд выводов.

1. Историческая политика, будучи изначально ориентированной на формирование национального историко-государственного мировоззрения, призвана оказать воздействие на сферу исторической науки и образования, дополнить принципы научной работы ценностными ориентирами государственной деятельности, которые представлены в основах идеологии государства. Это также значит, что разговор о границах влияния государства на историческую науку и образование может вестись

в понятиях определения границ влияния идеологии на сферу исторического познания и образования в целом.

2. Идеология и наука обычно отличаются по своим стратегическим целям, и именно это расхождение будет той естественной границей влияния идеологии на сферу исторического познания, нарушая которую, идеология будет восприниматься наукой как чуждая ей. Цель науки – истина, цель образования – успешная социализация обучаемых согласно государственным интересам, цель идеологии – достижение и легитимация власти различными способами (воспитание лояльного по отношению к действующим государственным структурам гражданства с помощью системы образования, увеличение своего присутствия в стратегических для успешного развития общества сферах и т. д.). Можно допустить, что, будучи провозглашенной и реализованной, историческая политика увеличит влияние идеологической составляющей в структуре исторического знания и образования, что далеко не всегда положительно сказывается на развитии исторической науки. Это связано с некоторыми свойствами самой идеологии, слабой стороной которой является внутреннее сопротивление любой критике, в том числе и самокритике.

3. Историческая наука и историческая политика могут находиться в отношении соответствия в своем интересе к формированию мировоззрения и идентичности отдельной личности, социальной группы и нации в целом, и на этом фундаменте выстраивать плодотворное сотрудничество. Однако наука в этом интересе будет ориентироваться на совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху, государственная же идеология, в первую очередь будет блюсти национальный интерес и беспокоиться о сохранении либо созидании положи-

тельного образа государства как для собственных граждан, так и для мирового сообщества. Полная деидеологизация сферы науки, особенно истории, которая зачастую в сфере образования выполняет, по словам М. Ферро, «функции борьбы и врачевания» [16, с. 10], вряд ли возможна, но и усиление идеологического влияния на науку должно быть оправдано реальными потребностями социокультурной и политической обстановки и нуждами самой науки.

4. Сфера исторического образования гораздо более пластична в отношении воздействия на нее государственной политики, нежели наука. Однако именно наука наполняет образование содержанием и важными мировоззренческими смыслами. Транслируя эти смыслы юным гражданам Республики Беларусь, сфера образования непосредственно участвует в процессе формирования их национальной и культурной идентичности. Историческая же политика задает историческому образованию общую стратегию видения, определенную интерпретацию прошлого, предлагая свой набор приоритетных ценностей для конкретного общества в данный период с дальнейшей перспективой воспроизводства этих ценностей в будущем в сознании и мировоззрении людей.

В заключение можно обратиться к приведенной выше мысли К. Маркса, которая как нельзя кстати отражает всю сложность обсуждаемой темы [18, с. 732]. Автор, объясняя, почему и как видоизменяется конкретная историческая модель, одновременно побуждает поставить вопрос: есть ли (были ли) страны, которые честно признаются (признавались) в своих исторических ошибках и нелицеприятных действиях, и каковы условия, необходимые для самой возможности осуществления исторической самокритики? Эта перспективная тема для исследований, безусловно, найдет своих приверженцев.

Библиографические ссылки

1. Миллер А. Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009;3–4:6–23.
2. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64.
3. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории. *Pro et contra*. 2009;3–4:109–124.
4. Миллер АИ. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия. *Полития*. 2019;3:87–102.
5. Миллер АИ, Ефременко ДВ, редакторы. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва: Нестор-История; 2018. 224 с.
6. Дюков АР. Историческая политика или историческая память. *Международная жизнь*. 2010;1:133–148.
7. Касьянов ГВ. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. *Историческая экспертиза*. 2016;2:28–57.
8. Борох О, Ломанов А. Китай: возвращение Небесного повеления. *Pro et contra*. 2009;3–4:65–88.
9. Кирчанов МВ. «Проработка прошлого» по-британски: особенности политики памяти в Англии и Шотландии. *Историческая экспертиза*. 2017;4:96–109.
10. Кирчанов МВ. Исторический ревизионизм в Болгарии: проблема истории национального возрождения и политическая ответственность интеллектуалов. *Историческая экспертиза*. 2019;2:57–69.
11. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108.
12. Лінднэр Р. *Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст.* Баршчэўскі Л, перакладчык; Сагановіч Г, рэдактар. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг; 2003. 540 с.
13. Коваленя А, Арчаков В, Данилович В, Баньковский А. К вопросу об исторической политике. *Беларуская думка*. 2019;8:3–11.

14. Мацкевич В. Образование. *Образовательная политика*. 2010;1–2:114–120.
15. Островская Т. Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик [Интернет]. 2010 [протитировано 18 сентября 2019 г.]. Доступно по: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/557612-1-genealogiya-istoricheskoy-pamyati-belorusov-kontekste-obrazovatelnih-praktik-tatyana-ostrovskaya-ne-nuzhno-sebya-obmani.php/>.
16. Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Лебедева Е, переводчик. Москва: Высшая школа; 1992. 351 с.
17. Рикёр П. *Память, история, забвение*. Мачульская ОИ, Вдовина ИС, Тавризян ГМ, Блауберг ИИ, переводчики; Комиссарова ЛБ, редактор. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2004. 728 с.
18. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12*. Москва: Издательство политической литературы; 1958. 880 с.
19. Берков ВФ. Воздействие идеологии на науку. *Социология*. 2015;2:97–102.

References

1. Miller A. Russia: power and history. *Pro et contra*. 2009;3–4:6–23. Russian.
2. Traba R. Polish debates about history in the 21st century. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64. Russian.
3. Astrov A. Estonia: a political struggle for a place in history. *Pro et Contra*. 2009;3–4:109–124. Russian.
4. Miller AI. Growth of the significance institutional factor in politics of memory – causes and implications. *Politiya*. 2019;3:87–102. Russian.
5. Miller AI, Efremenko DV, editors. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow: Nestor-Istoriya; 2018. 224 p. Russian.
6. Dyukov AR. [Historical politics or historical memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2010;1:133–148. Russian.
7. Kas'yanov GV. Historical policy and the «memorial» laws in Ukraine: the beginning of the 21st century. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;2:28–57. Russian.
8. Boroh O, Lomanov A. China: return of the will of heaven. *Pro et contra*. 2009;3–4:65–88. Russian.
9. Kyrchanoff MV. Defunct politics of memory in England and Scotland: British-Eastern European parallels and deferred historical politics. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2017;4:96–109. Russian.
10. Kirchanov MV. The historical revisionism in Bulgaria: problems of national revival history and political responsibility of intellectuals. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2019;2:52–69. Russian.
11. Sherrer Yu. Germany and France: processing of the past. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108. Russian.
12. Lindner R. *Gistoryki i wlada: nacyjatvorchy pracjes i gistarychnaja palityka w Belarusi XIX–XX stst.* [Historians and power: national process and historical policy in Belarus 19th–21st centuries]. Barshcheuski L, translator; Sahanovich H, editor. Saint Petersburg: Newski prascjag; 2005. 540 p. Belarusian.
13. Kovalenja A, Archakov V, Danilovich V, Ban'kovskij A. [To the question of historical politics]. *Belaruskaja dumka*. 2019;8:3–11. Russian.
14. Mackevich V. [Education]. *Obrazovatel'naya politika*. 2010;1–2:114–120. Russian.
15. Ostrovskaja T. Genealogy of the historical memory of Belarusians in the context of educational practices [Internet]. 2010 [cited 2019 September 18]. Available from: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/557612-1-genealogiya-istoricheskoy-pamyati-belorusov-kontekste-obrazovatelnih-praktik-tatyana-ostrovskaya-ne-nuzhno-sebya-obmani.php/>. Russian.
16. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How to teach history to children in different countries of the world]. Lebedeva E, translator. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 351 p. Russian.
17. Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Machul'skaja OI, Vdovina IS, Tavrizian GM, Blauberger II, translators; Komissarova LB, editor. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury; 2004. 728 p. Russian.
18. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Works. Volume 12]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1958. 880 p. Russian.
19. Berkov VF. Ideology's impact on science. *Sociology*. 2015;2:97–102. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2020.
Received by editorial board 02.02.2020.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 323.1

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В БЕЛАРУСИ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены вопросы национально-языковой политики в современной Республике Беларусь и их влияние на идентичность белорусов. Проанализировано, как изменялось представление о родном языке в белорусском обществе в течение последних 100 лет. Сделан вывод о том, что модель этноязыковой нации, положенная в основу государственного строительства со времен БССР, не отвечает современным культурным и языковым реалиям Беларуси.

Ключевые слова: язык; национальная политика; перепись населения.

LANGUAGE PROBLEM AS A FACTOR OF POTENTIAL POLITICAL INSTABILITY IN BELARUS

V. V. SHIMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The issues of national and language policy in the modern Republic of Belarus and their impact on the identity of Belarusian people are considered. It is analyzed how the idea of native language in the Belarusian society has changed over the past 100 years. It is concluded that the model of an ethnolinguistic nation, which has been the basis of state building since the time of the BSSR, does not meet the modern cultural and linguistic realities of Belarus.

Keywords: language; national policy; population census.

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:67–70.

For citation:

Shimov VV. Language problem as a factor of potential political instability in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:67–70. Russian.

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
vs.shimoff@gmail.com

Осенью 2019 г. в Беларуси состоялась очередная перепись населения. Она стала третьей в истории суверенного существования страны – две предыдущие прошли в 1999 и 2009 гг. соответственно. Вокруг переписи кипели нешуточные страсти. В частности, националистическими СМИ и ресурсами была развернута активная агитация за то, чтобы в качестве родного граждане республики указывали не русский, а белорусский язык.

Это неслучайно. Ведь данные переписи 2009 г. зафиксировали существенное снижение востребованности белорусского языка среди этнических белорусов. Во-первых, заметно сократилось число

граждан, определяющих белорусский язык как родной: в 1999 г. белорусский назвали родным 85,6 % людей, идентифицирующих себя как белорусы, в 2009 г. – только 60,8 %. Особенностью языковой ситуации в Беларуси как в 1999 г., так и в 2009 г. был значительный разрыв между числом людей, заявляющих белорусский язык как родной и реально использующих его в повседневном бытовом обиходе (прежде всего в кругу семьи). Так, в 1999 г. заявили, что разговаривают дома по-белорусски 41,3 % белорусов (по-русски – 58,6 %). К 2009 г. доля разговаривающих дома по-белорусски упала до 26 %; доля использующих русский язык возросла до 69,7 %¹.

**Распределение населения
Республики Беларусь по родному языку, %**
**Mother tongue distribution
of the population of the Republic of Belarus, %**

Язык	Год	
	1999	2009
Белорусский как родной	85,6	60,8
Русский как родной	14,3	37
Белорусский как разговорный дома	41,3	26
Русский как разговорный дома	58,6	69,7

Таким образом, зафиксировано значительное сокращение численности людей, не только номинально идентифицирующих белорусский язык как родной, но и практикующих белорусскоязычие в быту. Сокращение доли людей, называющих белорусский язык родным, представляется вполне объяснимым фактом и свидетельствует о крайне неустойчивых и поверхностных представлениях о самом понятии «родной язык». В 1999 г., очевидно, еще сказывались последствия периода белорусизации начала 1990-х гг., когда государственная политика была ориентирована на формирование установки, утверждающей, что родным языком белоруса может быть только белорусский. Снятие идеологического пресса государства в языковом вопросе привело к тому, что к 2009 г. многие русскоязычные белорусы предпочли в качестве родного указать реальный язык повседневного обихода, т. е. русский.

А вот резкое сокращение (с 41 до 26 %) доли употребления белорусского языка в быту вызывает вопросы. Как представляется, 10 лет – недостаточный срок, чтобы привести к столь существенным сдвигам в языковой практике, особенно на уровне домашнего обихода. Отчасти это может быть объяснено естественной убылью старшего поколения сельских жителей, преимущественно использовав-

ших разговорный белорусский язык. Однако здесь наблюдается не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиг в восприятии языка. Важным языковым сегментом в Республике Беларусь является трасянка – сельское и отчасти городское (преимущественно среди людей рабочих специальностей) просторечие, включающее многие белорусские диалектные особенности, но отличное от литературного белорусского языка. Переписи не отражают это явление, поскольку носители «трасянки» предпочитают относить ее либо к русскому, либо к белорусскому языку. Как представляется, значительная доля респондентов, заявивших в 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно трасянку; к 2009 г. многие из них уже заявили, что общаются дома на русском, понимая под этим все ту же трасянку. Причины этого сдвига описаны нами выше: инерция белорусизаторских установок в 1999 г. обуславливала определение трасянки как белорусского языка; к 2009 г. ослабление «идеологического эха» белорусизации и высокий престиж русского языка побуждали идентифицировать трасянку уже в ином качестве.

Кроме того, следует учитывать, что в советское время родным было принято считать язык своей этнической группы, независимо от того, владел или нет человек этим языком в своей повседневной

¹Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Население по национальности и родному языку [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

жизни. В 2009 г. вопрос о родном языке был переформулирован в соответствии с международными нормами, согласно которым родным считается первый усвоенный в детстве язык. Очевидно, такая формулировка также сыграла свою роль в резком падении числа респондентов, назвавших белорусский язык родным. В ходе нынешней переписи она была сохранена.

Нельзя забывать, что переписи населения в значительной мере являются не столько инструментом объективного отражения социальной реальности, сколько ее конструирования. Они отражают идеологические установки и запросы государства и даже отдельных переписчиков, поэтому их результаты следует оценивать критически. Так, первая организованная перепись населения на территории Беларуси состоялась в 1897 г. в составе Российской империи. Она зафиксировала, что основным языком населения являлся белорусский, правда, интерпретировала его как диалектную разновидность русского языка, наравне с великорусскими и малорусскими диалектами. Советская перепись 1926 г. проходила в атмосфере «коренизации» и «борьбы с русским великодержавным шовинизмом» и исходила из того, что белорусы и украинцы являются отдельными народами, а переписчики нередко «корректировали» ответы респондентов в идеологически «правильном» ключе, если те вдруг называли себя русскими или малороссами. В частности, в инструкции для переписчиков 1926 г. утверждалось: «Для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом “русский” определяют свою народность представители трех этих народностей, необходимо, чтобы лица, называющие при переписи свою народность “русский”, точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской они себя причисляют; записи “русский” и “великоросс” считаются тождественными»².

В целом налицо тенденция, когда понятие «родной язык» все больше ассоциируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с титульным языком нации. Формула «белорусский язык – родной язык белорусов» перестает быть актуальной: многие русскоязычные белорусы, с раннего детства использующие русский язык в качестве основного средства общения, именно его, а не титульный белорусский, указывают в качестве родного.

Если тенденция сохранится, то новая перепись может обнаружить еще большее количество бело-

русов, называющих русский язык родным. Языковой вопрос остается открытым и потенциально конфликтным для Беларуси. Белорусский национальный миф является этническим и языковым, он основан на убеждении, что белорусская нация как политическая общность зиждется на особой культуре и языке. Без языка нет нации – это символ веры белорусского национализма.

В рамках белорусского национального мифа преобладание русского языка в бытовом обиходе, а также сам его статус государственного языка (наравне с белорусским) видятся как ненормальное, противоестественное состояние, а итоги референдума 1995 г., когда граждане высказались за предоставление русскому и белорусскому языку равного статуса, воспринимаются как результат «манкуртизации» белорусов, забвения ими своих национальных корней. Соответственно, миссия националистов – это возрождение подлинной в их понимании национальной культуры и идентичности, основанной исключительно на белорусском языке.

Следует отметить, что государственная языковая политика строится, по сути, на той же этнической концепции. Русский и белорусский языки по Конституции имеют абсолютно равный статус, поэтому неправильно говорить, что русский в Беларуси – второй государственный. Законы не определяют, какой язык первый, а какой второй и что из этого следует. Однако по факту действительно обеспечивается символический приоритет белорусского как титульного и национального. Это выражается в ряде таких «мелочей», как абсолютное преобладание белорусского языка на уличных указателях и дорожных знаках, латинская транслитерация имен и фамилий в паспортах по умолчанию с белорусского (Uladzimir вместо Vladimir, Dzianis вместо Denis, Sidarau вместо Sidorov и т. п.), отсутствие русского языка на национальной валюте и т. п. Объявления в транспорте делают преимущественно на белорусском (в последнее время – с добавлением английского, но без русского). Еще одна новация – транслитерация топонимов и названий улиц на русский с белорусского языка. В результате в русскоязычном обиходе появляются такие курьезы, как улица Гаспадарчая (Хозяйственная), Першамайская (Первомайская), Перамоги (Победы), Будавников (Строителей) и т. п.³ Весь этот комплекс мер зачастую называют «мягкой белорусизацией», которая заключается в повышении символического статуса белорусского языка и расширении его присутствия в общественной жизни, но без открытых ограничений в отношении русского.

²Пояснительные замечания и инструкционные указания. Всесоюзная перепись населения 1926 г. // [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv04.php> (дата обращения 27.02.2020).

³Закон Республики Беларусь о наименованиях географических объектов. Статья 17. Язык наименований географических объектов // [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_naimenovaniyah_geograficheskikh_ob_ektov/17.htm (дата обращения 11.12.2019).

Однако белорусские националисты считают все эти меры недостаточными, указывая на то, что пока русский язык остается в Беларуси государственным, он все равно будет «глушить» и вытеснять белорусский. Своя логика в этом есть. Действительно, исторический опыт показывает: «малые» языки, оказавшиеся в тени «больших», как правило, ассимилируются последними, особенно в случае их близкого родства. Именно поэтому практически все малые нации, отделившиеся от империй, проводили последовательную политику административной дискриминации и вытеснения бывшего «имперского» языка, нередко с депортациями и геноцидом его носителей. Так, становление чешской нации сопровождалось ограничениями и притеснениями немецкоязычного населения, что дало повод Гитлеру для вторжения в Чехословакию. Итогом стала тотальная депортация судетских немцев. По тем же причинам прибалтийские государства сначала избавились от немецких элит, а сегодня ограничивают права русскоязычного населения. Понятна с этой точки зрения и жесткая языковая политика Украины, где в русском языке и культуре видят опасного конкурента. В этом свете показательно признание заместителя министра информации Украины Д. Золотухина, что, несмотря на все жесткие меры по ограничению русскоязычного контента, сегодня русскоязычная массовая культура (в частности, музыкальная) однозначно выигрывает по сравнению с украинской [1]. «Малым» языкам действительно сложно конкурировать с «большими» без создания для них тепличных условий со стороны государства, что так или иначе предполагает ограничения и дискриминацию в отношении языка-конкурента, но даже это далеко не всегда помогает.

В случае с Беларусью и Украиной ситуация усложняется тем, что само обособление местных диалектов в отдельные литературные языки имеет спорный и неочевидный характер. Если в случае с чехами или коренным населением Прибалтики глубокое этноязыковое отличие от доминирующих имперских элит было очевидно, то в царской

России белорусское и украинское население причислялось к «господствующему» русскому этносу, а сам дискурс об угнетении белорусов и украинцев со стороны русских было весьма проблемно обособлять. Близость белорусских и украинских диалектов к русскому литературному языку, а также общая литературная традиция, восходящая к временам Древней Руси, делали сомнительной необходимость национально-языкового обособления этих территорий от России, и местным националистам приходилось действовать в постоянном противоборстве со сторонниками идеи общерусского единства. Ситуация изменилась после Октябрьской революции, когда доктрина триединого русского народа была объявлена «шовинистической», а вся культурная и гуманитарная сфера в Беларуси и в Украине была отдана в руки националистически настроенной интеллигенции.

Несмотря на это, успехи национально-языкового строительства оказались скромными. Если в Украине украинский язык и идентичность все-таки удалось внедрить в повседневный обиход и сознание жителей преимущественно аграрных центральных и западных областей, то в Беларуси, пережившей масштабную индустриализацию и урбанизацию, белорусский язык так и не вышел за рамки узкой прослойки гуманитарной интеллигенции, а население, мигрируя в города, стихийно перестраивалось с сельских говоров на русский литературный язык.

Сложные социальные процессы, однако, так и не были осмыслены. В основе национальной политики Республики Беларусь по-прежнему лежит советская этноязыковая схема, полностью противоречащая реалиям русскоязычного городского общества. Национальное ассоциируется исключительно с белорусским языком, создавая у русскоязычных граждан своего рода комплекс вины за использование якобы «чужого» языка и забвение «национальных корней». В перспективе это чревато серьезным обострением и политизацией национально-языкового вопроса, а также дестабилизацией в республике общественно-политической обстановки.

Библиографические ссылки

1. Глуховський М. Російський YouTube – тиха окупація. *Главком* [Интернет]. 2019 [процитовано 11 декабря 2019 г.]. Доступно по: <https://glavcom.ua/country/culture/tiha-okupaciya-rosiyskiy-youtube-zbroya-masovogo-urazhennya-618429.html>.

References

1. Gluhovs'kij M. [Russian YouTube is quiet occupation]. *Glavcom* [Internet]. 2019 [cited 2019 December 11]. Available from: <https://glavcom.ua/country/culture/tiha-okupaciya-rosiyskiy-youtube-zbroya-masovogo-urazhennya-618429.html>. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2020.
Received by editorial board 28.02.2020.

ПРОГНОЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПЕРЕХОДА НА ЛАТИНСКИЙ АЛФАВИТ В КАЗАХСТАНЕ

А. Ш. БАХТОВАРШОЕВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Киев, Украина

Названы возможные последствия перехода с кириллического алфавита на латинский в Республике Казахстан. Результат проведенного анализа свидетельствует о том, что в ближайшей перспективе это действие является не только совершенно бесполезным, но и полностью регрессивным. В итоге Республика Казахстан может отстать в своем развитии на 20–25 лет по сравнению с другими странами.

Ключевые слова: казахский алфавит; кириллица; латиница; транслитератор; транслит; модернизация языка; орфография; программы для перевода и транслитерации; преобразование речи в текст; преобразование текста в речь.

PROGNOSIS OF POSSIBLE CONSEQUENCES OF PASSING TO THE ROMAN ALPHABET IN KAZAKHSTAN

A. Sh. BAKHTOVARSHOEV^a

^aIndependent researcher, Kyiv, Ukraine

The possible consequences of the transition from the Cyrillic alphabet to Latin in the Republic of Kazakhstan are named. The result of the analysis indicates that in the near future, switching to another alphabet is not only completely useless, but also completely regressive. As a result, the Republic of Kazakhstan may lag behind in its development by 20–25 years compared to other countries.

Keywords: the Kazakh alphabet; Cyrillic alphabet; Roman alphabet; transformer of text from one alphabet in other; translit; modernisation of language; orthography; programs for translation and transliteration; transformation of speech to text; transformation of text in speech.

С 2025 г. Республика Казахстан намерена перейти на латиницу. Об этом говорится в послании Президента Н. А. Назарбаева «Стратегия “Казахстан-2050”». В данной статье прогнозируются возможные последствия этого решения.

В пользу перехода на латиницу приводятся следующие аргументы: «...это создаст условия для нашей интеграции в мир, лучшего изучения нашими

детьми английского языка и языка интернета, и самое главное – это даст толчок модернизации казахского языка»¹.

Проанализируем каждую часть данного утверждения. На наш взгляд, для интеграции в мир необходимо: а) содействовать росту собственной экономики; б) создавать высококачественную транспортную инфраструктуру; в) развивать науку до мирового

¹ Назарбаев А. Н. Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 11.04.17).

Образец цитирования:

Бахтоваршоев АШ. Прогноз возможных последствий перехода на латинский алфавит в Казахстане. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:71–77.

For citation:

Bakhtovarshoev ASh. Prognosis of possible consequences of passing to the Roman alphabet in Kazakhstan. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:71–77. Russian.

Автор:

Алигавхар Шохайдарович Бахтоваршоев – кандидат физико-математических наук; независимый исследователь.

Author:

Aligavhar Sh. Bakhtovarshoev, PhD (physics and mathematics); independent researcher.
aligavhar.bakh@gmail.com

уровня, разрабатывать новые технологии; г) обеспечивать получение качественного образования.

В послании «Стратегия “Казахстан-2050”» содержится призыв к лучшему изучению детьми английского языка. Почему именно английского? Известно, что английский язык используется достаточно широко, но это не доказывает, что необходимо изучать исключительно его. Более взвешенным был бы следующий подход: а) изучать иностранные языки; б) развивать информационные технологии с применением родного языка (при этом очень важно разработать программу автоматической правки казахского текста, создавать транслитераторы с казахского на другие языки, а также универсальные и эффективные преобразователи казахской речи в текст и текста в речь); в) создавать электронные словари, переводчики и энциклопедии. Удачное и своевременное решение последних двух задач может существенно облегчить использование казахского языка и, безусловно, будет способствовать возрастанию его популярности. Еще один важный момент – всемерная поддержка деятельности творческих людей в республике, независимо от того, носителями какого языка они являются. Любое выдающееся произведение в современных условиях может быть очень быстро и качественно либо переведено (если это книга), либо дублировано (если это фильм) на казахский язык или с него.

В послании президент призывает к модернизации казахского языка. В связи с этим возникают некоторые вопросы. Имеет ли латинская графика безусловное превосходство над кириллицей? Чем плох существующий алфавит, в чем его недостатки и как можно их исправить? Отражены ли в нем все фонемы казахского языка? Кто (или что) мешает сейчас руководству запустить процесс модернизации языка?

Постараемся ответить на перечисленные вопросы. По нашему мнению, латиница менее удобна, чем кириллица, поскольку в обычном английском алфавите 26 букв, в русском – 33, а в казахском – 42. Возможности обычного английского алфавита меньше русского примерно на 27 %, а по сравнению с казахским – на 62 %. Данные факты в буквальном смысле закреплены в нескольких миллионах экземпляров (!) стандартных клавиатур на соответствующих устройствах в Казахстане. Если рассмотреть задачу глубже, можно увидеть, что возможности расширенных латиницы и кириллицы примерно одинаковы. Таким образом, ни один алфавит не имеет безусловного, принципиального превосходства над другим, хотя в данном случае

с психологической точки зрения для граждан Казахстана кириллица предпочтительнее, так как она для них привычна и воспринимается ими легко. При этом перевес в возможностях передачи фонетики почти на 2/3 по сравнению с латиницей дает кириллице преимущества для маневрирования при модернизации алфавита.

Существующий казахский алфавит, состоящий из 42 букв, по нашему мнению, не совсем адекватно передает звуки казахского языка, а также имеет лишние буквы, которые на практике почти не используются.

При этом анализ ситуации показывает, что имеются сравнительно легкие пути корректировки алфавита. Например, в статье К. Максима «Нужно ли менять казахский алфавит?» утверждается: «Наиболее бесспорным представляется целесообразность исключения из казахского алфавита букв Ъ и Ь. <...> Вот что пишет по этому поводу Калтай Прманов... “...буквы Ъ и Ь без всякого ущерба для казахской письменности можно было сразу же изъять из алфавита как противоречащие законам казахской орфографии и разрушающие ее. А русские слова с этими буквами не менее просто можно было изъять из казахского языка или же изменить их написание, приспособив к законам казахской орфоэпии и орфографии, как это делает народ”»². Лучший вариант. Любые (!) заимствования должны писаться и произноситься по правилам казахского языка. Только тогда «носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова»³. Так, русское слово *ноль*, которое не соответствует правилам казахского произношения и письма, народ давно переделал на свой (народный!) лад: *нөл* (*нёл*).

Буква *h* – мягкий вариант буквы *x* – встречается только в арабо-персидских заимствованиях, и таковых в казахском языке всего около десятка (например, *каһар*, *гауһар*, *шаһар*. В живой же речи буква *h* произносится как *x*: *кахар*, *гаухар*, *шахар*. Совершенно очевидно, что буква *h* – лишняя.

Исходя из этих же соображений, можно исключить из алфавита и букву *щ*. Казахский язык прекрасно обойдется без нее, смягчая при необходимости букву *ш* гласными. Например, слово *борщ* произносится в быту по-казахски как *борш*, *щётка* превращается в *шётке*.

Буква *э* в заимствованных словах произносится в живой казахской речи как *е* (*экскаватор*, *элемент*, *экология*), т. е. нужно всего лишь привести теорию (алфавит) в соответствие с практикой, заменив *э* на *е*⁴.

Статистика подтверждает, что буквы *ё*, *н*, *й*, *h*, *э*, *ь* практически не используются, их можно удалить

²Максим К. Нужно ли менять казахский алфавит? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/78257-nuzhno-li-menjat-kazakhskijj-alfavit.html> (дата обращения: 29.02.2020).

³Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_773 (дата обращения: 07.02.2017).

⁴Максим К. Нужно ли менять казахский алфавит? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/78257-nuzhno-li-menjat-kazakhskijj-alfavit.html> (дата обращения: 29.02.2020).

из алфавита без ущерба для казахского языка [1]. Остается еще серьезная проблема с буквой *ы*, которая произносится в казахском языке совсем не так, как в русском⁵. Чтобы помочь иноязычным гражданам страны освоить казахский язык, что важно для многонационального Казахстана, можно действовать следующим образом. Частотность употребления буквы *ы* мала (не превосходит 0,53 %), поэтому ее можно заменить, например, на *i'* (*i* с апострофом) или какой-нибудь другой диграф с небольшой частотой, например, на *ii* или *iэ*, при этом алфавит уменьшится на одну букву. Выражение типа *i'*, *ii*, *iэ* следует воспринимать как условный знак для обозначения фонемы [i:], например: *сын, туралы, шылау* = *ci'n, туралі', ші'лау*; *сіін, тураліі, шіілау*; *сіэн, тураліэ, шіэлау*. Для последних двух случаев требуется экспериментальная проверка их пригодности. Применение апострофа может существенно облегчить модернизацию языка, во-первых, тем, что он в настоящее время пока не ассоциируется с конкретной казахской буквой *и*, во-вторых, его легко встроить в любую раскладку клавиатуры. Ясно, что по этому вопросу должны высказаться специалисты в области филологии, педагогики, информатики и психологии.

В итоге получим модернизированный алфавит, состоящий из 35 букв, который намного проще разместить на стандартной клавиатуре. Следует также отметить, что в мире фактически нет алфавита, орфография которого точно соответствовала бы звуковому составу языка, ибо «орфография большинства языков является исторической орфографией, а не чисто фонетической записью» [2, с. 24].

При анализе вышеизложенного возникают вопросы. Почему нельзя идти вперед по естественному пути сокращения и упрощения алфавита? Кто (или что) мешает сейчас руководству дать толчок изменению алфавита на его собственной основе? Ведь, в конце концов, с психологической, экономической, исторической точек зрения к откорректированному алфавиту привыкнуть намного проще, чем к полностью замененному. Модернизация не отменяет алфавит и тем самым позволяет избежать отрицательных последствий его радикальной замены, хотя она также является достаточно серьезным испытанием. Модернизация алфавита должна быть проведена специалистами поэтапно по заранее подготовленным планам с четким временным графиком.

Какие негативные последствия перехода на латиницу могут быть? Опыт таких стран, как Турция, Азербайджан, Молдова, Туркменистан, Узбекистан показывает следующее.

Турция осуществила переход на новый алфавит в 1930-х гг. на фонетической основе, т. е. на деле изъяли из немецкого алфавита две буквы и добавили в него четыре новые, искусственно созданные, которые, естественно, отсутствовали в исходном немецком алфавите. В итоге алфавит с 29 буквами не стал тождественно равным ни немецкому, ни английскому. В дальнейшем ни английские, ни немецкие печатные машинки нельзя было массово использовать. Для типографской печати этот факт не имел большого значения, но когда непосредственно нельзя пользоваться готовым массовым устройством, это становится трудно разрешимой проблемой для не очень развитой страны. Объем информации, по нынешним меркам, был не очень большим, тем не менее полностью в новый формат она не была преобразована по причине отсутствия материальной базы. В результате перехода на латинский алфавит Турция утратила часть своего духовного и культурного наследия, поскольку его нельзя было непосредственно использовать. Этот, казалось бы, незначительный факт внес свой вклад в общий негативный процесс реформирования страны, в результате чего она попала в колониальную зависимость. Проблемы, возникшие после неудачного перехода на латинский алфавит, до сих пор, по истечении примерно 80 (!) лет, еще не полностью преодолены.

Резкое изменение алфавита имеет некоторые пока не исследованные последствия. Психологический дискомфорт, который испытывают миллионы людей вследствие потери одной из массовых форм общения, необходимо учитывать и вырабатывать способы его преодоления. Большинство людей внезапно оказываются как будто в чужой стране, и им предстоит волей-неволей привыкнуть к ней. То, что даже модернизация алфавита может привести к психологическому дискомфорту, подчеркивал Е. Жирнов в статье «О латинизации русского алфавита»: «...оказалось, что прислушиваться к декрету Совнаркома о новой орфографии (от 10 октября 1918 г. – А. Б.) никто в стране не собирается. “На декрет, – писал Луначарский, – можно сказать, никто даже ухом не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту. Я помню, как после выхода в свет номера “Правды”, напечатанной по новой орфографии, один доктор прибежал ко мне и заявил: “Рабочие не хотят читать “Правды” в этом виде, все смеются и возмущаются”. Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром»⁶. Только страхом расправы

⁵ Основы фонетики [Электронный ресурс]. URL: http://kazakhtili.blogspot.com/2010/04/blog-post_18.html (дата обращения: 11.04.2017).

⁶ Жирнов Е. О латинизации русского алфавита [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2010. № 2. URL: <http://kommersant.ru/doc/1301421> (дата обращения: 11.04.2017).

«железной рукой» сопротивление модернизированному (!) алфавиту было преодолено. А что же можно сказать, когда радикально меняется вся письменность? Приведенный пример показывает, что язык является достаточно консервативной и инертной системой, такой, что иногда даже проведение однозначно полезных для него преобразований требует огромных усилий. Дело в том, что страновой объем информации за год может быть очень большим: например, для Казахстана он равен $4,5 \cdot 10^{15}$ байт, если принять, что численность населения составляет 18 млн человек⁷. Здесь главным образом имеется в виду цифровая информация, та, которая хранится на электронных носителях. Примерно 95 % произведенной информации является, по сути, хаотической, т. е. неструктурированной, тем не менее преобразование такого гигантского объема данных за короткое время практически невозможно. Если учитывать, что количество информации каждые 1,5 года в среднем удваивается, то это обстоятельство еще более усложняет условия перехода на другую письменность.

Азербайджан лишился своего духовного и культурного наследия, накопленного в течение тысячелетия. Ошибка руководства Азербайджана, которое в наше время решило изменить алфавит, обошлась ему намного дороже, чем ошибка руководства Турции, поскольку количество необработанной информации в случае с Азербайджаном несравнимо с тем, которое было 100 лет назад в Турции. Молдова также лишилась своего духовного наследия и, по сути, попала под внешнее управление. Кажется, Туркменистан как будто почти ничего из культурного наследия не имел, если столь резко поменял свой алфавит. Узбекистан находится в сложной ситуации, и чем дальше она будет затягиваться, тем более губительными окажутся последствия. Руководству не хватает политической воли признать свой провал в этом вопросе и планомерно вернуться к кириллице. При этом очень важно провести подготовительную работу по возврату кириллицы. Далее следует запустить обратный процесс по заранее определенному специалистами плану с четким временным графиком, рассчитанному примерно на 15 лет. При таком подходе все полезное, изданное или сделанное за эти три десятилетия не потеряется и будет легко преобразовано в подходящую форму.

Если же провести модернизацию казахского языка, то придется создать хотя бы два варианта новых транслитераторов (один – с нынешней латиницы на предыдущий алфавит, другой – с прежнего алфавита на международную латиницу), естествен-

но, и обратные транслитераторы. Необходимо будет также переделать существующие программы, преобразующие устную речь в текст и текст в речь. Они для казахского языка уже есть, хотя не совсем совершенные (например, программа «Изет», разработанная И. Телешовым в 2009 г. для преобразования казахской речи в текст). К внедрению и усовершенствованию таких программ можно и нужно подключить Академию наук Республики Казахстан.

Таким образом, если принять во внимание все изложенное, в результате перехода на латиницу Казахстан может отстать в своем развитии на 20–25 лет по сравнению с другими странами. Почему на 20–25 лет? Чтобы новое поколение полностью овладело алфавитом, должно пройти 10–12 лет. Еще лет 5 уйдет на высшее образование и до 5 лет уйдет на привыкание, адаптацию к практической работе в новых условиях. Непрерывно в течение всего промежутка времени должен подвергаться преобразованию огромный объем информации. Это необходимо для того, чтобы она была пригодной к использованию для решения ежедневных текущих задач. Кажется, еще никто не оценил примерную стоимость таких затрат, хотя и это также очень важно.

Среднему поколению потребуется примерно 5 лет или больше, чтобы овладеть латиницей, а представители старшего поколения окажутся в основной своей массе безграмотными. Взрослый человек или даже подросток может практически мгновенно усвоить, уразуметь, понять содержание небольшого текстового материала на родном языке – это факт, но навык, выработанный годами, в новых условиях окажется утраченным. Культуролог Мурат Ауэзов пишет, что «на привыкание [к латинице] нужно буквально три часа, а затем латинский текст читается совершенно легко. Поэтому даже для людей старшего поколения это не составит большого труда»⁸. Может быть, М. Ауэзов знает несколько иностранных языков, использующих латиницу, или имеет навык мгновенного восприятия текста, т. е. обучен так называемому симультанному восприятию текста, который также является результатом достаточно длительного специального обучения, чего не имеет абсолютное большинство населения. В общем случае фраза «на привыкание нужно буквально три часа» резко расходится с действительностью и является абсолютно алогичной.

Итого – минимум 20–25 лет. Еще 5 лет потребуется для устранения непредвиденных обстоятельств, которые обычно неочевидны в начале столь масштабного мероприятия. Получается, минимум 25 лет, на практике, вероятно, больше. За это время Казахстан рискует упасть в такую рассе-

⁷ Информационный взрыв [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационный_взрыв (дата обращения: 18.01.19).

⁸ Тулеева Ж. Трудности перевода [Электронный ресурс] // Central Asia Monitor. 2013. URL: <https://camonitor.kz/8417-.html> (дата обращения: 11.04.17).

лину, из которой может не выбраться никогда. Цена перехода на другой алфавит на современном этапе неизмеримо выше, чем это было столетие назад.

Данный прогноз резко расходится с прогнозом Министерства образования и науки Республики Казахстан (далее – МОН РК), опубликованным в прессе: «Если будет принято политическое решение о необходимости перехода на латиницу, то этот процесс должен быть долгосрочным и охватить примерно 12–15 лет и более, с учетом перевода всей художественной и научной литературы», – отмечается в заключении экспертов министерства. При этом, по предварительным оценкам, общие затраты на обучение экономически активного населения страны при переходе на латиницу составят 35,8 миллиарда тенге (около 300 миллионов долларов)⁹. Заметим, что МОН РК указывает затраты на обучение только «экономически активного населения», по сути, пока учитываются расходы на обучение 1/3 или 1/4 части населения. Проведенный нами анализ показывает, что и срок в 12–15 лет, и указанная сумма совсем не соответствуют масштабу данного преобразования, т. е. они далеки от реальности.

Сам же процесс перехода на другой алфавит в узком смысле, т. е. транслитерация, или, как говорят, транслит, стал в настоящее время очень легко осуществимым. В интернете имеется много действующих кирилло-латинских (и латино-кириллических) транслитераторов, часть из которых распространяются бесплатно. Остается лишь создать аналогичные сервисы для казахского языка. Кроме того, практически на всех крупных ресурсах можно найти транслитератор, в частности, на сайтах www.itranslit.com, www.mail.ru и т. п. Зайдя на такие ресурсы, можно практически мгновенно получить результат транслитерации, например, части послания «Стратегия “Казахстан-2050”»¹⁰:

Otvetsstvennaya yazykovaya politika yavlyayetsya odnim iz glavnykh konsolidiruyushih faktorov kazahskoi natsii. Kazahskii yazyk – eto nash duhovnyi sterzhen'. Nasha zadacha – razvivat' ego, aktivno ispol'zuya vo vseh sferah. My dolzhny ostavit' v nasledstvo nashim potomkam sovremennyy yazyk, v kotorom k opytu mnogih pokolenii nashih predkov byl by garmonichno dobavlen i nash zametnyi sled... Gosudarstvo, so svoei storony, mnogoe delaet dlya ukrepleniya pozitsii gosudarstvennogo yazyka. Neobhodimo prodolzhit' realizatsiyu kompleksa mer po populyarizatsii kazahskogo yazyka.

Результат получен с помощью простейших операций: копировать – вставить. Следовательно, лю-

бой желающий может получить интересующий материал в удобной для него форме. Вопрос лишь в том, чтобы всемерно развивать эти технологии, адаптировать их к своему языку или создать новые. При этом вовсе не требуется отказываться от своего привычного алфавита или менять его радикально. Процедура транслитерации позволяет более трезво и реалистично подойти к вопросу смены алфавита.

По нашему мнению, язык не может выступать в качестве духовного стержня. Кроме того, он никак не может быть решающим элементом для объединения и солидарности общества. Духовность определяется материальной основой, она задает социуму цель, ориентированную на всестороннее развитие каждого или на конкуренцию со всеми и получение максимальной прибыли отдельным индивидуумом за счет всех остальных.

Может быть, затеянная кампания является частью некоторой операции по манипуляции сознанием, проводимой в Республике Казахстан. Об этом, например, заявляет председатель Союза мусульман Казахстана Мурат Телибеков: «Подобные технологии широко используются во всем мире. Чтобы обществом легко было управлять, необходимо держать его в постоянном напряжении: вбрасывать в него сумасбродные проекты, создавать мнимые угрозы, держать на полуголодном пайке»¹¹. Ну что ж, полностью нельзя исключить и такой вариант.

Кампания по изменению алфавита может быть и результатом действия определенного круга лиц, так называемых пантюркистов, связанных с действующей властью. Результат их работы может проявить себя с неожиданной стороны лет через 10. Казахстан является многонациональным государством, и очевидно, что в будущем смена алфавита объективно будет способствовать расколу общества. Вследствие изменения алфавита появится барьер между казахским и неказахским населением. При неблагоприятных условиях, когда к этому расколу добавится экономический кризис, а вероятность его наступления велика, общество может потерять свою устойчивость. Если к этому процессу присоединятся внешние силы, то развал может наступить совершенно внезапно. Это не входит в круг вопросов, обсуждаемых в настоящей статье и, скорее всего, является областью исследований для политологов, социологов и психиатров.

Еще один аспект проблемы освещает материал «Предварительной аналитической справки» Комитета по науке МОН РК¹².

⁹Казахстан сможет отказаться от кириллицы только через 15 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2007/07/23/years/> (дата обращения: 02.03.2020).

¹⁰Назарбаев А. Н. Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 11.04.2017).

¹¹Тукеева Ж. Трудности перевода [Электронный ресурс] // Central Asia Monitor. URL: <https://camonitor.kz/8417-.html> (дата обращения: 11.04.2017).

¹²Переход на латиницу - правильный шаг, отвечающий национальным интересам государства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4886195-ardak-kapyshev.html> (дата обращения: 10.02.19).

Оказывается, решающим аргументом в пользу перевода казахской письменности на латинскую графику «является укрепление национальной идентичности казахского народа. <...> ...перевод казахской письменности на латинскую графику означает смену советской (колониальной) идентичности, которая во многом еще доминирует в национальном сознании, на суверенную (казахскую) идентичность»¹³.

Авторы справки не разъясняют смысл термина «идентичность» и используют его часто совершенно не к месту, поэтому изложим эти два предложения по-другому. Итак, решающим аргументом в пользу перевода казахской письменности на латинскую графику *...является укрепление национальной общности (одинаковости) казахского народа, а также перевод казахской письменности на латинскую графику означает смену советской (колониальной) общности (одинаковости), которая во многом еще доминирует в национальном сознании, на независимую (казахскую) общность (одинаковость)*.

Если принимать первое предложение как истинное, то отсюда мы должны сделать вывод: у казахского народа совершенно неоднородный язык, поликультура, разные обычаи, религиозный хаос, неодинаковый уклад жизни, раз на повестке дня стоит вопрос об укреплении общности. Ясно, что практика это никак не подтверждает. Может быть, у некоторой небольшой части общества все еще сохранились элементы советской этической нормы, и сомнительно, что в казахском обществе продолжают действовать установки времен Советского Союза, о чем пишут в своей справке специалисты из Комитета по науке МОН РК. Социальный разлад обусловлен регрессом, формированием такого общества, которое основано на антагонизме, и смена алфавита не может его устранить. Она только усилит хаос и временно укрепит власть плутократии.

Второе предложение, по сути, является насаждением казахского национализма вместо советской общности, которую составители справки совершенно безосновательно называют колониальной. Достаточно поставить вопрос о том, чьей колонией была Республика Казахстан в советское время. Очевидно, чтобы ответить на него, надо найти метрополию, а это невозможно, ибо ее нет. Комитет по науке МОН РК, как обслуживающий филиал казахского учреждения господствующего класса, с сожалением констатирует, что дух советской коллективной общности все еще доминирует в нацио-

нальном сознании. Народ Казахстана должен найти выход из нынешней предтупиковой ситуации, созданной действующим руководством и поощренной «доброжелателями» извне. Руководство маскирует свои крайние националистические цели и говорит исключительно о сохранении «национальной идентичности» и защите «национальных интересов». Исторический опыт показывает, что насаждение национализма в многонациональном государстве может иметь катастрофические последствия.

Аргумент о том, что латиница распространена в мире больше, чем другой алфавит, совершенно неубедителен. Если даже допустить, что латиница используется в 75 %, или даже в 90 % государств мира, это не может служить основанием для отказа от своего алфавита. Кроме того, малое количество букв в латинском алфавите даже для английского языка является до сих пор непреодолимой проблемой: для передачи звуков речи используется более трех десятков (!) сочетаний букв. Для того чтобы применять информацию на другом языке, на современном этапе развития цифровых технологий достаточно создать соответствующие автоматические средства преобразования одного алфавита в другой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов. Недалек тот день, когда появятся сервисные приложения в мобильных устройствах (телефонах и пр.), не говоря уже о компьютерах, которые будут способны в режиме реального времени выполнить перевод с одного языка на другой. При этом каждый будет видеть и/или слышать переводимый текст на входе и на выходе, т. е. по желанию можно либо прочесть, либо прослушать переводимый или переведенный текст. Следовательно, появляется возможность использовать или преобразовывать текст по своему усмотрению. И, скорее всего, она будет осуществлена в ближайшем будущем, так как все необходимые действующие в реальности компоненты этого приложения (или преобразователя) уже существуют. Сегодня в интернете есть транслитераторы и достаточно хорошие переводчики на многие языки, и их разработка набирает обороты, задействуя все больше и больше языков. Такой ход развития событий, т. е. появление массовых устройств для перевода и транслитерации, а также программ, преобразующих устную речь в текст и текст в речь, однозначно указывает на то, что переход на другой алфавит на государственном уровне является не только совершенно бесполезным, но и полностью регрессивным.

Библиографические ссылки

1. Зельманский ОБ, Абишев ХС. Исследование статистических закономерностей казахского языка для синтеза речеподобных помех. В: Осипов АН, редактор. *Международная научно-техническая конференция, приуроченная к 50-летию МРТИ – БГУИР; 18–19 марта 2014 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: БГУИР; 2014. с. 340–341.

2. Дирингер Д. *Алфавит*. Дунаевская ИМ, Зограф ГА, Перельмутер ИА, переводчики; Дьяконов ИМ, редактор. Москва: Издательство иностранной литературы; 1963. 659 с.

¹³Переход на латиницу – правильный шаг, отвечающий национальным интересам государства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4886195-ardak-kapyshev.html> (дата обращения: 10.02.19).

References

1. Zel'manskij OB, Abishev HS. [The study of the statistical laws of the Kazakh language for the synthesis of speech-like interference]. In: Osipov AN, editor. *Mezhdunarodnaya nauchno-tehnicheskaya konferentsiya, priurochennaya k 50-letiyu MRTI – BGUIR; 18–19 marta 2014 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [International scientific and technical conference dedicated to the 50th anniversary MPTI – BSUIR; 2014 March 18–19; Minsk, Belarus. Volume 1]. Minsk: Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics; 2014. p. 340–341. Russian.
2. Diringier D. *Alfavit* [Alphabet]. Dunaevskaja IM, Zograf GA, Perel'muter IA, translators; D'jakonov IM, editor. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1963. 659 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2019.
Received by editorial board 15.10.2019.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Предыдущая статья была посвящена попыткам концептуализации любви в западноевропейской культуре рубежа XII–XIII вв. Однако любая концептуализация, как известно, воспринимается незавершенной, если не дополняется выводимыми из нее прикладными аппликациями. И действительно, теоретики Овидианского возрождения предпринимают вполне конкретные усилия в этом направлении: из стремления к концептуализации любви естественным образом вытекают и попытки ее кодификации, создания сводов правил и инструкций – того, что мы назвали бы сегодня своего рода учебниками любви. Чему же они представляли влюбленных? Какие модели поведения предписывали им?

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

НАУКА СТРАСТИ НЕЖНОЙ: ПОПЫТКИ КОДИФИКАЦИИ ЛЮБВИ В ОВИДИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются предпринятые в рамках Овидианского возрождения попытки создания сводов правил, регулирующих и регламентирующих поведение человека в пространстве любовных отношений. Выявляются особенности любовных кодексов рубежа XII–XIII вв.

Ключевые слова: рыцарский этикет; любовный кодекс; суды любви; правила любовной переписки; идея индивида; внутренний мир; женщина как субъект.

Образец цитирования:

Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки кодификации любви в овидианской традиции Средневековья. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;1:78–92.

For citation:

Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to codify love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;1:78–92. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

THE SCIENCE OF TENDER PASSION: ATTEMPTS TO CODIFY LOVE IN THE OVIDIAN TRADITION OF THE MIDDLE AGES

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is dedicated to the attempts made within the framework of the Ovidian Renaissance to create codes of practice that regulate and adjust human behavior in the space of love relationships. The features of love codes of the turn of the 12th–13th centuries are revealed.

Keywords: knightly etiquette; love code; law courts of love; rules of love correspondence; idea of an individual; inner world; woman as a subject.

Важнейшей характеристикой посвященных любви ученых трактатов рубежа XII–XIII вв. («О любви» Андрея Капеллана и «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья) является то, что они представляют собой результат не только теоретических размышлений, но и вытекающих из них практических советов, касающихся поведения пребывающих в любви или же только ищущих ее. Определяя цель своего труда, Андрей Капеллан ставит эту задачу эксплицитно и весьма конкретно: «...просветить... словами и наставить рукописаниями» [1, с. 383]. Таким образом, вопрос о прикладном значении и эвристическом потенциале в отношении этих работ не возник бы и у самого строгого ревнителя практичности.

Содержание названных трактатов позволяет говорить о том, что речь в них идет не только и даже, возможно, не столько о концептуализации любви как абстрактного феномена, сколько о кодификации поведения в любовной сфере – о разработке кодексов, сводов правил, норм и требований, которыми должно руководствоваться при вступлении на территорию любви.

Это, собственно, неудивительно: мы ведь продолжаем находиться в традиции подражания Овидию, а его «Любовные элегии» исследователи нередко тоже называют дидактическими [2]. Неудивительно это и еще по одной причине: о любви заговорили, она фактически легитимирована мощной и яркой традицией Овидианского возрождения [3]. Соответственно, необходима регуляция поведения человека в этой сфере, причем регуляция, отличная от сложившейся морали средневековой аскезы: уже нельзя просто сказать, что нельзя, – уже явно можно, но как именно?

В силу этого жанровая принадлежность названных трактатов лучше всего может быть определена как руководство – попытка предложить своды пра-

вил поведения в любовных отношениях (кодификация) на базе некоторого теоретизирования о том, что есть любовь (концептуализация). И если для нас равно интересны и кодификация, и концептуализация (для удовлетворения академического интереса, т. е. адекватного понимания трактовки любви в рассматриваемый период), то для живущих на этом временном отрезке важнее, безусловно, первая (для удовлетворения гораздо более глубоких и интимных интересов, т. е., собственно, для выбора адекватного образа жизни).

Внимание Овидианского возрождения к любви венчается своего рода рациональным итогом – систематическими трактатами прикладной направленности. П. Зюмтор говорит о дидактической тенденции в истолковании любви Овидианским возрождением [4, с. 489–498]; М. Л. Гаспаров называет текст Андрея Капеллана учебником [5, с. 571]. Он действительно адресован некому Вальтеру – юному адепту любовного чувства, который «назвался... новобранцем любви, свежую ее стрелой раненным в сердце, не умеющим еще уздой направлять коня ее и не знающим найти исцеления» [1, с. 383]. Потому трактат содержит советы, наставления и предостережения, полностью соответствуя исторически сложившейся (начиная от «Никомаховой этики» Аристотеля) жанровой традиции¹.

И, что и требуется от учебника, автор включает в свой текст и теоретические основоположения, и своего рода практикум: так, Андрей Капеллан полагает, что «надлежит рассмотреть, что есть любовь, и откуда ее название, и каково ее действие, и меж кем может быть любовь, и как достигается любовь, удерживается, умножается, умалется, кончается, и о знаках ответной любви, и что делать одному из любовников², когда другой нарушил верность» [1, с. 383]. Следует признать, что расширить проблемное поле было бы затруднительно...

¹Нельзя не умилиться трогательной саморекламе Андрея Капеллана, осуществляющего своего рода *promotion* предлагаемого читателю трактата: непосредственно в тексте содержится пассаж о том, что для преуспевания в любовных делах необходимо знание об «истинной любви», каковое и «представлено в Капеллановом учении» [1, с. 392].

²Напомним широкую трактовку этого понятия в культуре Овидианского возрождения: *любовник/любовница* в культуре XII в. означает не субъекта адюльтера, но влюбленного как такового, в том числе и лишенного взаимности.

При очевидном прикладном предназначении трактаты Андрея Капеллана и Бонкомпаньо да Синья, как мы помним, содержат и глубокие рассуждения о любви как таковой, предпосланные рассмотрению вопросов практического свойства. Именно из этих теоретических постулатов и выводятся прикладные следствия, составляющие основу правил и регламентаций.

Так, например, важным моментом рассматриваемых любовных руководств является мысль о том, что любовь (даже взаимная и счастливая) предполагает не только радости, но и страдания. И Андрей Капеллан, и Бонкомпаньо да Синья связывают любовь с мучительным страхом: «...совершенная любовь рождает повсечасный страх» [6, с. 402]. Страх этот фактически всеобъемлющ: по оценке Андрея Капеллана, влюбленный страшится и своего возможного несоответствия ожиданиям избранницы, и могущей помешать его успеху бедности, и злых сплетен, и противодействия врагов, и зависти в случае взаимности и т. д. [1, с. 384]. В целом любовь хрупка, и даже взаимные отношения открыты всем ветрам и «пред малейшим замешательством устоять бессильны» [1, с. 384].

Из этих теоретических сентенций выводится прикладное правило: относиться к любви следует трепетно и держать ее должно в строжайшей тайне. Независимо от обстоятельств – свободны ли любящие, или же их любовь омрачается препятствиями (в виде замужества, например, о котором мы еще поговорим), – «любовь между любовниками уповательно блюдется в тайне» [1, с. 395]. Для этого есть не один резон. Прежде всего, согласно тексту Андрея Капеллана, «любовь разглашенная редко долговечна» [1, с. 400], что разъясняется достаточно подробно: «Такая любовь редко долговечна, ибо если она меж такими солюбовниками и удержится, то прежние утехи ей уже недоступны, ибо донесшаяся молва подозрительнейшим делает надзор за девицею, отнимает всякий случай к собеседованию, беспокойнее и бдительней становятся родственники, а оттого и все вокруг встает враждою на любовь. Меж такими солюбовниками любовь, не находя своих утех, прибывает до безмерности и заставляет любящих оплакивать великие свои страдания» [1, с. 386]. Но это даже не главное – важнее то, что «разглашенная любовь не украшает любовника, а лишь пятнает его честь дурной молвою и заставляет устыжаться за солюбовника» [1, с. 386].

Общее правило соблюдения тайны детально конкретизируется, распадаясь на четкие требования секретности применительно к различным аспектам любовных отношений. Так, подаренный перстень следует носить неидентифицируемым, т. е. «с камнем, обращенным внутрь» [1, с. 395]; в любовных письмах нельзя использовать прямые обращения («...ежели любовники пересылаются письмами, своих имен в них означать они не должны» [1, с. 395]); не нужно запечатывать письма фамильными печатями («...и печать свою не должны они прилагать к письмам, между ними пересылаемым, разве что если есть у них тайные печати» [1, с. 395]) и т. д. И главное: тайну следует соблюдать из принципа, не просто из соображений безопасности, потому как лишь безукоризненное соблюдение тайны гарантирует любящим успех и, более того, обеспечивает подлинность и истинность самой их любви. По формулировке Андрея Капеллана, «только так будет их любовь вовеки безущербною» [1, с. 395].

Интересно и отношение к разглашению любовной тайны *судами любви* – собраниями благородных дам, обсуждающими сложные случаи любовных отношений и выносящими свои вердикты относительно того, правильно ли поступил тот или иной влюбленный в неоднозначной ситуации³. Разглашение тайны любви оценивалось этими судействами вполне однозначно, например: «Некоторый рыцарь разгласил постыдным образом сокровенные тайны своей любви. На сей поступок все, ратующие в стане любви, стали взывать о суровейшем возмездии, да не станет безнаказанность столь великого вероломства примером для других. <...> ...Суд высоких дам единым гласом определил во веки веков быть тому рыцарю отказану в надеждах на любовь и быть ему от всякого схода рыцарей и дам в поношении и поругании. Ежели какая женщина посмеет преступить сей приговор высоких дам, ущедривши его своей любовью, то да будет и на ней вовеки та же вина и да будет она оттоле ненавистна всем достойным женщинам» [1, с. 394]. Как видим, прямо-таки тотальное поругание «во веки веков» и «вовсеки», никак не меньше. Даже в самих судах любви, согласно трактату Андрея Капеллана, «имена любовников должны быть скрыты от судящих, чтобы суд вершился над отвлеченным положением» [1, с. 395].

В обрисованном контексте нельзя не отметить один любопытный момент. Про тайные печати на

³Правда, мы знаем о существовании таких судов только из одного-единственного текста – именно из анализируемого трактата Андрея Капеллана «О любви». Их существование не подтверждается никакими иными историческими документами, но логика в возникновении этих судов была: правила любви, регулирующие поведение влюбленных, лишь формировались; должное и сущее в этой сфере только начинают осмысливаться и дистанцироваться (неслучайно размышления о сущности любви и практические руководства для влюбленных пока еще сливаются в едином тексте; кодексы моральных норм существуют лишь на уровне первых моделей, – вполне резонно, что Андрей Капеллан видит подобные суды как реализующие фактически пока только то, что сегодня мы назвали бы прецедентным правом).

письмах Андрей Капеллан говорит, что они должны быть ведомы только «солюбовникам» и «их наперсникам» [1, с. 395]. Как видим, соблюдение тайны не означает сохранение ее меж двумя влюбленными: наперсник – необходимый фигурант любовной интриги, и вовлеченность его в секреты не считается нарушением тайны любовной связи. Он обозначается Андреем Капелланом как «доверенный служением посланника» [1, с. 394]. Нечто подобное уже было: вспомним о роли стража в альбах. Что ж, это Средневековье: ни соцсети, ни мессенджеры не обеспечивают бесперебойной коммуникации между любящими, – должен же кто-то передавать любовные записочки и сообщать о времени и локации свидания! Так что наперсник – фигура скорее функциональная: не столько психологически артикулированный субъект, сколько необходимый посредник – своего рода *Skype* или *Viber*. Впрочем, и *Google* тоже: может лайфхак какой-нибудь присоветовать для успешной организации адюльтера...

Описываемые Андреем Капелланом решения судов любви это ярко демонстрируют, свидетельствуя о наличии четкого и строго соблюдаемого распределения ролей в любовной ситуации. Так, он описывает случай, когда «наперсник... попрали товарищескую верность, принял на себя звание любовника и стал пещись сам о себе, а... дама недостойным образом отвечала его коварству сочувствованием» [1, с. 394]. Приговор суда любви в таком случае предельно жесткий: «Онный коварный любовник, обретший себе даму, коварства его достойную и не погнушавшуюся столь дурного деяния, да услаждается злополучною их любовью, и она да услаждается по достоинству таким другом. Впредь однако же да будут они отлучены от чьей бы то ни было любви, и да не будет вхож ни тот, ни та в рыцарский сход или в дамский свет, ибо он попрали верность, свойственную рыцарскому сословию, а она попрали женский стыд, позорно преклонясь к любви наперсника» [1, с. 394]. Чем может сильнее наказать любое сообщество согрешившего своего члена, как не отторжением от себя? Ни много ни мало – исключение из партии!

Важнейшим правилом любовной сферы является также игнорирование супружеской верности. Собственно, сам тот факт, что кто-то из любящих состоит в браке (или даже оба сразу), не играет никакой роли для развития их отношений. Разве что секретность соблюсти несколько сложнее (однако не важнее, ибо важность тайны не только задана регламентом, но и диктуется строгостью родительского контроля над девицею). Андрей Капеллан формулирует базовый тезис так: «Супружество не есть причина к отказу в любви» [1, с. 400].

Исходя из этого принципа, описывается и соответствующая ситуация, рассматриваемая судом

любви: «Некоторая дама, узами достойнейшей любви связанная, вступив впоследствии в почтенное супружество, стала уклоняться от солюбовника и отказывать ему в обычных утехах. На сие недостойное поведение госпожа Эрменгарда Нарбоннская так возражает: “Не справедливо, будто последующее супружество исключает прежде бывшую любовь, разве что если женщина вовсе от любви отрекается и впредь совсем не намерена любить”» [1, с. 391]. Вот как все ладно да складно: и любовная связь «достойнейшая», и супружество при этом «почтенное» – живи да радуйся!

Такая парадоксальность аксиологии объясняется тем, что рубеж XII–XIII вв. – это время, на которое приходится то, что можно назвать третьей волной формирования рыцарского самосознания, и любовь в этом контексте рассматривается как пространство формирования рыцарской сословной морали (*вежества*), и в этом контексте сословная принадлежность оказывается важнее всего, в том числе и матримониального статуса (см. подробнее [7]). Как отмечает М. Л. Гаспаров, «любовь, прославляемая Андреем, – только внебрачная, лишь она служит сословным выражением куртуазного “вежества”, тогда как любовь супружеская или любовь чувственная для Андрея и его читателей безразличны, ибо и та, и другая внесословны и надсословны» [5, с. 572].

В трактат Андрея Капеллана входит сюжет о рыцаре, привязанном «любовью к даме, которая была любовью связана с другим», получившем от нее тем не менее «такую надежду на любовь: если ей случится потерять любовь того любовника, то, бесспорно, ущедрит она любовью своей названного рыцаря» [1, с. 394]. И когда «по малом времени сделалась та дама женой своего любовника», наш рыцарь «на сие стал требовать себе плода от обещанных щедрот» [1, с. 394]. Таким образом, заключение брака однозначно расценивается рыцарем (читай – Андреем Капелланом) как утрата любви, ведь именно из факта замужества дамы счел он возможным заключить, что ей случилось-таки *потерять любовь*.

В свете этого супружество не имеет к любви никакого отношения: оно и внутри себя ее не предполагает, и развитию ее вне брачных уз не препятствует. Любовь не противопоставляется браку, но трактуется как никак не связанная с ним: брак мыслится как нечто совершенно безразличное, не могущее влиять на сферу любовных отношений, а потому и учитывать его нет никакой нужды.

Любое поползновение влюбленных принять в расчет факт супружества, в котором он или она состоят, в судах любви понимания не находит. Так, например, если дама выходит замуж за одного из двух своих рыцарей и начинает отказывать во взаимности другому, то суд любви, куда обращается

обделенный, постановляет, «чтобы означенная дама предоставила рыцарю обещанную ему любовь» [1, с. 394].

В силу сказанного такой феномен, как *любовь-брак*, столь значимый для традиции северофранцузского рыцарского романа (см. подробнее [8]), вообще не фигурирует в контексте Овидианского возрождения. По формулировке Андрея Капеллана, в целом «не имеет любовь силы между состоящими в супружестве» [1, с. 394]. Соответственно, расцвести она может только вне рамок брачных отношений. А случиться это должно непременно, ибо именно на любовном поле вызревают рыцарские добродетели (см. подробнее [7]).

Наряду с этими основополагающими регулятивами поведения в любовной сфере Андрей Капеллан формулирует и множество иных, более конкретно-ситуативных норм – от содержательно-этических до формально-этикетных. Он вводит в свой трактат сюжет о британском рыцаре, добывшем для своей дамы свод правил любви не то у мифического Царя Любви, не то у столь же мифологизированного короля Артура [1, с. 396–400]. Вручение рыцарю этого текста сопровождается наставлением: «Сие есть грамота, в коей писаны правила любви, которые сам Царь Любви из собственных уст прорек любовникам; и тебе надлежит увезть ее с собою, дабы правила те пред всеми любовниками обнародовать» [1, с. 400].

Означенные правила трактуются как универсальные и подлежащие неукоснительному исполнению: дама, за чью любовь принял рыцарь «столь великие испытания», не оставила их втуне, но, «создав многолюдное собрание дам и рыцарей, огласила им она означенные правила любви, наказав блюсти их нерушимо по завету Царя Любви; а собрание во всей всецелости, внявши им, дало обет блюсти их во веки веков, да не сбудется над присягнувшими любовная казнь. И всякий, кто был зван к тому собранию, означенные правила запечатлел в писаниях своих и унес, чтобы во всех концах земного круга обнародовать их на благо всем любовникам» [1, с. 401].

С точки зрения статуса формулируемые Андреем Капелланом нормы представляют собой и регулятивы отношения к любви («Мужской пол к любви не вхож до полной зрелости» [1, с. 400]), и конкретные регламентации поведения. Последние могут как воплощать нравственный ригоризм («Истинный любовник во благо только то вменяет, что мнит быть по сердцу солюбовнику» [1, с. 401]), так и вызывать некоторые сомнения морального характера даже у современного гедониста («Одну женщину любить двоим, а двум женщинам одного отнюдь ничто не препятствует» [1, с. 401]).

При этом нельзя забывать, что верное понимание содержания сформулированных Андреем Капелланом правил возможно лишь при учете их контекстной адресации. Так, например, при истолковании регулятивного принципа «кто не ревнует, тот не любит» [1, с. 444] не следует забывать, что речь идет никак не о мужьях-рогоносцах (этот персонаж вообще выпадает из фокуса рассмотрения⁴), а об отношениях между самими влюбленными (в паре или возможном треугольнике).

Но и при соблюдении самого тщательного контекстно-сословного подхода к толкованию правил поведения влюбленного их содержание не всегда можно интерпретировать с исчерпывающей уверенностью. В этом плане отдельного комментария (и особого прочтения) заслуживает максима, задающая радикально новый (и весьма радикальный!) ракурс трактовки любви: «Любовь любви ни в чем не отказывает» [1, с. 401]. С одной стороны, нельзя не оценить силы тезиса: все-таки не забываем, что это формулируется в аскетичном Средневековье. Однако что, собственно, имеется в виду под выражением «ни в чем»? Каков масштаб возможных притязаний? Где граница и есть ли она вообще? И не сыграет ли раскованное воображение злую шутку с продвинутым читателем XXI в.? Или, что весьма возможно, воображение XII в. ни в чем не уступало нашему? Или его разворачивание вообще лежало в какой-то неочевидной для нас плоскости? А с другой стороны, дамы ведь постоянно отказывают кавалерам во взаимности, требуют подвигов, придумывают испытания... Как совместить это с правилом невозможности отказа?

Нельзя не обратить внимания также и на то обстоятельство, что наряду с правилами и предписаниями в трактате Андрея Капеллана к нормативным требованиям относятся и сугубо феноменологические описания поведения влюбленного – фактически данные наблюдений (или плоды горького авторского опыта), например: «Легким достижением обесценена бывает любовь, трудным – входит в цену» [1, с. 400]; «Новая любовь старую гонит» [1, с. 400]; «Если слабеет любовь, то быстро она гибнет и редко возрождается» [1, с. 400].

Подчас нормативным представляется у Андрея Капеллана и то, что, в общем-то, неподконтрольно, а потому не может быть вменено в обязанность влюбленному субъекту: «Всякое деяние любовника устремлено к мысли о солюбовнике» [1, с. 401]; «Истинные любовники воображением никогда друг друга не покидают» [1, с. 401]; «Любовник от солюбовника никакими утехами не насыщается» [1, с. 401]; «При внезапном явлении солюбовника сердце любовниково трепещет» [1, с. 400]. Вот если не трепещет, что делать? Подсудно ли это суду любви?

⁴Обратим внимание на этот момент в понимании ревности: в дальнейшем он получит в средневековой традиции интересное развитие.

В разряд правил попадают и чисто теоретические абстрактные суждения: «Любить может лишь тот, кем движет любовное влечение» [1, с. 400]; «Кто любит, того робость губит» [1, с. 400]. В этом ряду обращает на себя внимание следующий тезис: «Кого безмерное томит сладострастие, тот не умеет любить» [1, с. 401]. Этому положению Андрей Капеллан предписывает статус нормативного требования, фактически формулируя правило: *Слишком сладострастным быть не след.*

Это любопытно: как отметил в свое время Э. Жильсон, идеалы любви, прокламируемые в рамках Овидианского возрождения, были «более рафинированы, чем гривуазные идеи Овидия»⁵ [9, р. 214].

Иногда предлагаемые Андреем Капелланом нормы вообще выглядят неожиданно в контексте рассматриваемого периода. Например, на одном из судов любви «королеве был предъявлен вопрос, чья любовь предпочтительнее, молодого человека или пожилого. На сие дала она ответ удивительный по тонкости. Сказала она так: “По естественному... побуждению мужчины младших лет более склонны соединяться в страсти с женщинами старших лет, чем с молодыми сверстницами, а мужчины зрелых лет предпочитают принимать объятия и лобзания от младших женщин, чем от зрелых возрастом. Женщина же, напротив, будь она в молодых летах или зрелых, более ищет объятий и утех во младших мужчинах, нежели в пожилых. По сей причине рассмотрение предложенного вопроса есть забота скорее *естественноиспытательская*» (выделено мною. – М. М.) [1, с. 395]. Любопытная позиция в рамках средневековой схоластики⁶...

Но в большинстве своем сформулированные Андреем Капелланом регламентации предельно конкретны, например: «О скончавшемся любовнике пережившему любовнику памятовать двумя годами вдовства» [1, с. 400], – именно два года, ни меньше ни больше.

Многочисленные поведенческие правила представляют собой четко оговоренные предписания, которые касаются конкретных сфер жизни влюбленных – вплоть до сугубо бытовых и материально-финансовых.

Так, согласно трактату «О любви», «похвалы достойна женщина богатая, если, не взирая на богатство, ищет она солюбовника бедного, которому может и помочь от средств своих, ибо в любовниках обоого пола представляется всего похвальнее помогать солюбовнику в нужде от всей полноты своей. Однако же если женщина отягчена мраком бедности, то она вольней избирать любовь богатого, ибо если оба солюбовника захлестнуты волною

скудости, то любовь их, бесспорно, пребудет не-долговечною. Ибо всем честным людям бедность представляется постыдною, навевает им тревожные помыслы, гнетет их даже в сонном забытии, а этим обыкновенно и любовь понуждается к бегству» [1, с. 390].

Андрей Капеллан подробно оговаривает, «какие предметы прилично принимать солюбовнице от солюбовника»: «...платок, перевязь для волос, золотой или серебряный венец, заколку на грудь, зеркало, пояс, кошелек, кисть для пояса, гребень, нарукавники, перчатки, кольцо, ларец, образок, рукомойню, сосудцы, поднос, памятный значок... совокупно говоря, всякое невеликое подношение, уместное для ухода за собой, для наружной благовидности, или как напоминание о солюбовнике... лишь бы не могли за то заподозрить ее в корыстолюбии» [1, с. 395]. В целом «всегда любовь далека обителей корысти» [1, с. 400].

Довольно парадоксальным выглядит в этом контексте следующее рассуждение, не чуждое меркантильности: «Рыцарь принес... жалобу, что, приняв любовные дары... дама подала ему надежду на любовь, а затем беспричинно снова в ней отказывает» [1, с. 395]. И решение суда любви было в этом случае вынесено в парадигме справедливости не столько любовной, сколько имущественной: «Пусть та женщина или отвергнет подарки, поднесенные с любовным усмотрением, или отдарит их любовным снисхождением, или же претерпит, что причтут ее к продажным женщинам» [1, с. 395]. Как видим, постулируется требование равноценного и равного обмена (боюсь, что немножко натурального, но, слава богу, не открыто товарно-денежного, хотя со стороны кавалера дары и подносились не бескорыстно, но с дальним прицелом – *с любовным усмотрением*).

И, что самое важное, по прочтении компендиума правил любви, предложенных Андреем Капелланом, нельзя не задаться чисто практическим вопросом: что для него значит *любить* – *состоять* в любви или *искать* таковой и жаждать? Создается впечатление, что различие это, столь принципиальное для иных традиций, для Андрея Капеллана вообще несущественно: рыцарь уже ступил на эту стезю выработки сословного благородства (см. подробнее [7]), а коль начал игру, то ты уже игрок (т. е. любовник), неважно, успешный с точки зрения взаимности или нет. Именно кавалер (соискатель любви⁷) и находится в фокусе внимания Андрея Капеллана (как, впрочем, и Бонкомпаньо да Синья): интересен не столько результат, сколько процесс. Вот уж воистину: главное не победа, главное – участие!

⁵Здесь и далее перевод мой. – М. М.

⁶Уместно вспомнить в этом контексте и анатомически конкретную деталь одного из писем, приводимых Бонкомпаньо да Синья: «Пламя любви объяло *предсердие* мое» (выделено мною. – М. М.) [6, с. 402]. Культура предчувствует возникновение новейшей европейской науки?

⁷Мы попытаемся на протяжении этой статьи уточнить суть данного соискательства.

Таким образом, по своему статусу правила очень различны, более того, это даже не всегда правила: подчас и не поймешь, как трактовать высказываемые Андреем Капелланом требования, предъявляемые к влюбленному. Например, «истинный любовник ничьих не возжелает объятий, кроме солюбвных ему» [1, с. 400]. То есть *не должен желать* (нельзя восхотеть, само желание запретно) или в принципе *не может* желать (другие просто не любви ему, объективно находятся вне его вожделений)?

Как уразуметь ригористический тезис о том, что «без довольных оснований никто любви лишен быть не должен» [1, с. 400]? Каким же это образом может быть реализовано? Как совместить данный принцип с требованием благородства и даже сословной принадлежности – простолюдины же, как мы помним, вообще вне игры (см. подробнее [7])? Кроме того, это с очевидностью противоречит идее возрастного ценза (говорилось же Андреем Капелланом о необходимой зрелости мужского пола).

Да, многое еще не отстроено, не продумано в полном объеме...

Что ж, мы имеем дело со становлением теории... Концептуализация представлений о любви идет и через описания ее атрибутивных признаков (критериев ее наличия), и через кодификацию поведения влюбленного, т. е. фактически через описание сущего и должного, которые еще не дифференцируются с достаточной определенностью: линия демаркации именно здесь и намечается, прямо на наших глазах.

Подвидом поведения влюбленного (как мы помним, соискателя взаимности) является эпистолярное поведение, поскольку любовные письма – важный инструмент успешного соискательства. Потому «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья также носит прикладной характер, но сфера его применения четко очерчена и специфична: это письмовник, т. е. тот же учебник, только более узкой направленности, – он содержит практические советы по написанию любовных писем и предлагает образцы оных, своего рода брешьеры для всех вариантов любовных коллизий.

И, надо сказать, это было более чем востребовано.

В средневековых университетах преподают риторику, и, по оценке К. Скиннера, основная цель риторического обучения состояла в том, чтобы «снабдить студента весьма ценным умением: способностью составлять официальные письма и другие документы максимально ясно и убедительно»

[10, с. 60–61]. Университетский курс предполагал овладение искусством написания писем именно в рамках того, что сегодня мы назвали бы стилем административных процедур. Как отмечает К. Скиннер, «написание писем, будучи специальной техникой, которая укладывалась в правила и заучивалась наизусть, предполагала концепцию, впервые разработанную в Болонье в начале XII в. и представлявшую ответвление от основной программы университета, нацеленной на подготовку юристов и судей» [10, с. 61].

К рубежу XII–XIII вв. болонская школа становится крупнейшим центром этой традиции. В рамках средневековой риторики складывается так называемый *ars dictaminis* (*ars dictandi*) – канон написания писем. Он последовательно развивается, появляются известные теоретики: Альберик де Монте-Кассино (XI в.), Адальберт из Самарии (XII в.), Лоренцо ди Аквилея (XIII в.). Оформляется требование к четкости структуры текста письма, предполагающей следующие компоненты: адресация, приветствие, экспозиция (повествование, или уведомление), диспозиция (изложение сути дела или просьбы) и прощание (благословение) [11]⁸. Первым учебником, который возвел в канон эту композицию письма, предложенную Адальбертом из Самарии, был анонимный трактат «Принципы написания писем», созданный в Болонье около 1135 г. [12, р. 181].

В перспективе в европейских университетах станут преподавать и непосредственно эпистографию, и к XV в. письма на национальных языках будут превалировать над посланиями на латыни, но требования к композиции все равно останутся жесткими [13]. Эпистолярная культура начала XIII в. опирается именно на канон *ars dictandi* (см. [14]).

Пока же ситуация для адресантов непростая: требования к эпистолярному жанру уже есть (и умение правильно писать письма для благородного человека просто необходимо), однако не у всех (мягко говоря) за плечами университеты.

В силу этого параллельно концептуальным университетским трактатам возникают и прикладные пособия для массового потребителя: именно к XII в. относятся и уже встречавшийся нам «Письмовник» Матвея Вандомского, и сборники эпистолярных образцов Уго из Болоньи и Генрика Франкигены, и другие подборки типовых писем (формул). В их ряду и «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья – письмовник, который можно назвать профильным, поскольку если иные авторы предлагают образчи-

⁸Как не поделиться? «Википедия» приводит прелестную модель письма, написанного согласно этому гештальту: адресация («Достойный мастер»), приветствие («Я приветствую Вас»), уведомление («Пусть Вам будет приятно знать, что...»), экспозиция («...шерсть была отправлена...»), диспозиция («...а я хочу свои деньги») и предельно конкретное благословение на прощание («Да хранит вас Господь, по крайней мере, до тех пор, пока мой счет не будет оплачен») (см.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ars_dictaminis).

ки писем на все случаи жизни, то Бонкомпаньо да Синья обращается к эпистолярному жанру сугубо в любовном контексте, зато с формулировкой общих правил, подробными разъяснениями, яркими примерами, а главное – с теоретическим обоснованием.

Надо заметить, что вопросы любви и любовной переписки – предмет, в общем-то, мимолежного интереса Бонкомпаньо да Синья, отличавшегося удивительной многогранностью и широтой воззрений: он не только преподавал риторику и грамматику в Болонском университете, но и являлся чрезвычайно многопрофильным и при этом весьма плодовитым автором. Его перу принадлежат знаменитые среди коллег-современников трактаты «Древняя риторика»⁹ (за него Болонский университет увенчал Бонкомпаньо да Синья лавровым венком [5, с. 573]) и «Новейшая риторика», а также многочисленные трактаты по различным областям учености того времени, причем все они строго соответствуют риторическим канонам. Так, трактат по истории «Осада Анконы» (около 1201–1202 гг.), хотя автор в предисловии и представляется как обычный городской хронист, выполнен, по оценке экспертов, в полном соответствии с *ars dictaminis* [10, с. 65–66]. Аналогичен трактат о дружбе «Amicitia» (1205), представляющий собой типологию друзей, системную и претендующую на полноту (причем ожидаемо завершающуюся сетованием на то, что настоящего друга найти практически невозможно). Нельзя не упомянуть и о том, что Бонкомпаньо да Синья разработал принципиально новую (двузначную), хотя и непризнанную систему пунктуации: паузы он предложил обозначать слешем, а конец предложения – тире (см. [15]). Можно сказать, что Бонкомпаньо да Синья – едва ли не энциклопедист, в столь многих сферах тогдашней теории он стяжал себе громкую славу. И это лишь рубеж XII–XIII вв., еще далеко не Ренессанс!

Применительно к эпистолярным текстам любовного характера Бонкомпаньо да Синья предлагает применять уже известную нам композицию: структура письма должна, по его мнению, включать приветствие, уведомление (экспозицию), просьбу (диспозицию) и прощание (благословение). Разумеется, приветствие оформляется как комплимент, уведомление (экспозиция) – как сообщение о своих чувствах, диспозиция – как мольба о взаимности и т. д.

В дальнейшем, однако, соблюдения общих правил эпистолярного жанра мало: это же не деловая переписка. Потому Бонкомпаньо да Синья ставит своей целью следующее: «Перечисливши вкратце способы приветствия, каковыми между любящими обращение возможно, рассудил я положить и общие примеры повествовательной части, как то делают диктующие, приготавливаясь к нахождению в красноречии» [6, с. 402].

Специфика любовной переписки сразу же определяет для Бонкомпаньо да Синья дифференциацию посланий по весьма специфическому и важнейшему для избранного смыслового пространства критерию: «...предложу я любящим два способа письменного повествования: первый – до свершения, второй – после свершения» [6, с. 402].

Как, однако, скромно, как все *по умолчанию*, но именно этот предмет умолчания неизменно находится в центре внимания автора, потому что его наставления читателю, которые он наивно (или же тактично) относит к любви, на самом деле – изощренные советы в сфере эпистолярного пикапа. Цель Бонкомпаньо да Синья – научить влюбленного, как следует ему «повести свое повествование, домогаясь той, которую желает иметь» [6, с. 402]. Вот тут уж вещи (именно что вещи) называются своими именами: речь идет о технологии, здесь важна точность, и фигура умолчания может лишь сбить с толку и отдалить от искомого результата.

Итак, эпистолярный пикап XIII в.: что же советует Бонкомпаньо да Синья своим читателям? Инструкции предельно точны и подробны – практически пошаговые.

Шаг первый – засыпать комплиментами. Бонкомпаньо да Синья формулирует общую максиму («Кто желает стяжать любовь какой-либо женщины, тому надлежит предпосылать себе искательную лесть» [6, с. 403]) и приводит конкретные образчики таковой лести. Они цветисты и многословны, например: «Когда в блистательном девическом хороводе узрели Вас намердны мои телесные очи, то пламя любви объяло... и сделался я другим человеком. <...> ...Сияли Вы между ближними, как денница рассветная... Когда же стал я обозревать ту славу, какую Вас природа наделила, то дух мой изнемог от восхищения. Кудри Ваши, подобно золоту витому, над ушами прекраснейшего цвета дивно повисали. <...> Грудь над станом возвышалась, как райский ветроград, в нем же два плода, словно купы

⁹К. Скиннер приводит исходные названия упомянутых трактатов: «Старая риторика» (включала раздел типовых писем, составленных для «благородных, горожан и простого народа» [10, с. 62]) и «Новейшая риторика для всего» (предлагала обучающимся «ошеломительное множество образцов, организованных по разделам согласно правилам, которыми следовало руководствоваться при составлении разного рода формальных писем») соответственно. Эти трактаты Бонкомпаньо да Синья действительно стали значительным феноменом в развитии эпистолярного жанра в европейской культуре. Однако К. Скиннер, отдавая дань их автору, который, по его оценке, внес «наиболее заметный вклад в этот жанр», отмечает, что Бонкомпаньо да Синья был одновременно и «самым оригинальным и, несомненно, самым хвастливым из болонских учителей риторики» [10, с. 62].

роз, сладчайший аромат распространяющие...» [6, с. 402–403]. В общем, следует полный компендиум членов, в которые герой Бонкомпаньо да Синья *вперялся очами* – вплоть до суставов и ногтей, кои, «словно кристалл блистающий, довершением были красоты Вашего облика» [6, с. 403]. И до чего же экспертно – даже до искушенности в оценке *цвета ушей*...

Бонкомпаньо да Синья полагает не лишним подкреплять лесть посулами, особенно любопытно здесь уточнение: подписываться на подвиги и жертвы можно, «суля даже то, что исполнено быть не может» [6, с. 402]. Вот так: честно – не честно, главное – результативно! Что ж поделать, пикап есть пикап.

Формулировке второго шага Бонкомпаньо да Синья предпосылает своего рода психологическое обоснование: «...далее же следует знать, что всякая женщина всякого положения и состояния прежде отказывает и в том, чего сама свыше всего желает; посему, если она каковым-либо образом посланному отпишет, разумею в этом, что она уже уступить хочет, хотя бы на словах и отрицалась» [6, с. 403]. Явный квантор всеобщности – *всякая женщина*, причем *всякого положения и состояния*, – поневоле задаешься вопросом: какова была эмпирическая выборка для такой генерализации?!

В силу сказанного на первое письмо дама, скорее всего, ответит отказом. Типовой вариант такого отказа выглядит, по мнению Бонкомпаньо да Синья, следующим образом: «В грамотке твоей перо потрудил ты вотще, полагая лстивыми словесами и хвалениями пригожести моей снискать мое благоволение. Но чаяние твое праздно, и сеешь ты на песке. Служением твоим я гнушаюсь и желаю, дабы впредь ты мне подобное не писывал» [6, с. 403].

Бонкомпаньо да Синья указывает даже причины такого отказа, идущего вразрез с устремлениями женского сердца: «А почему женщина отказывает в том, чего любовник домогается, на это есть пять причин: первая – в некотором тайном естестве, по коему всем естественно на первое искание отвечать отказом; вторая – чтобы за скорое снисхождение к твоему желанию не почел ты ее всякому доступною; третья – чтобы ищущему показалось слаще то, в чем столь долго было отказываемо; четвертая – ибо ожидает она к себе некоторых щедрот, прежде чем смиростивится над ищущим; пятая – ибо многие опасаются понести во чреве» [6, с. 403].

Посему второй шаг влюбленного по завоеванию женского сердца – не поверить этому первичному отказу: «И пусть гласят слова Ваши, что перо я потрудил вотще, – верю все же, что удостоили Вы меня взглядом» [6, с. 403]. Что ж, тут есть резон, надо признать: подлинный отказ ответа не требует,

порвать письмо да в камин бросить... Ан нет, ответ поступил. А коль поступил, то следует психологически оправданный вывод: «Из такового послания любовник может уразуметь, что она желание его беспрерывно исполнит» [6, с. 403].

И даже если вновь придет ответ с отказом («Докучанию твоему не могу я не дивиться, ибо доподлинно было тебе отказано, чтобы не смел ты ко мне посылать письма или что иное¹⁰, ныне же ты пытаешься, словно полагая меня переменчивою...» [6, с. 403]), – что ж, это значит лишь то, что следует еще раз повторить лесть и клятвы, пропедалировав и качественно усилив их: «Если бы царствия был я удостоен и царственною диадемою увенчан, то и тогда не такова была бы радость сердца моего, каковую от получения послания Вашего я восчувствовал» [6, с. 404]. Тонко: фактически дать понять, что кавалер принимает игру, осознает подоплеку: сам факт переписки уже есть начало готовности дамы к отношениям, он же уже «восчувствовал», т. е. уже получил первое подтверждение грядущего согласия.

Шаг третий: далее следует клясться, пытаться подтвердить силу своего чувства и глубину любовных страданий. Вот и образчик: «Я же есмь трава, которая, подкошенная, скоро вянет, и ежели не восхочешь увлажнить меня росой милости твоей, то и меньше стану, чем трава увядающая» [6, с. 404]. Клятвы подкрепляются и прямой угрозой своей гибели: «...а если не угодна Вам жизнь моя, то повелите умереть...» [6, с. 403]. Это ни к чему не обязывает: мы же помним, что эпистолярные посулы исполнения не предполагают, а потому могут быть вообще несовместимы с реальностью, так что погибать не обязательно, а даме приятно.

Тут же в ход могут пойти и коварная (потому что мнимая) готовность удовольствоваться малым, и лицемерная интрига о тайне сердца: «...но пусть и не дана мне угода в обладание – низменнейше молю я великолепие и учтивость Вашу наградить меня дарением за верность мою, сиречь удостоить меня приятием, дабы возмог я благовременно раскрыть Вам тайну сердца моего» [6, с. 404]. Какая уж тут тайна?! Что нового он уже скажет? Расчет на то, что женщины любопытны? Или что могут прикрыть любопытством свое желание встречи?

Если же ситуация не сдвигается с мертвой точки и дама «не желает более его любить», то и в этом случае кавалеру следует двигаться теми же галсами, только усилив мольбы цитатами из Писания: «... восплакался я (Плачь Исаии, 1:2. – М. М.) и плакать не устану, и во тьме постелил я постель свою (Иов., 17:13. – М. М.), ибо помрачился светоч мой... Ведай же, что, если бы за моря и горы ты с супругом твоим переправилась, все последую я вам, что-

¹⁰Перечень возможных подношений мы уже встречали у Андрея Капеллана: кошелек, образок, рукомошня и пр.

бы лишь единожды узреть желание души моей» [6, с. 404]. Далее развитие ситуации выходит на знаковый фарватер: задача сводится к типовой.

Есть в письмовнике и моделирование женских эпистол. Например, если «некая замужняя хочет друга своего призвать к себе, когда супруг в отсуствии», то приглашение на интимное свидание должно быть составлено следующим образом: «Посылала я тебе фиалки, ныне же назначаю тебе купу роз, ибо дружества твоего высочайшей славе приличествуют цветы, и плоды, и листвие. Се овеял аквилон; да повеет же юг, да внидед в сад мой и да возблагоухают ароматы мои его дуновениям!» [6, с. 405].

А коль скоро *ароматы возблагоухали*, значит, наступил шаг четвертый, кульминация: она сдается, что и ожидалось. В моделировании этого момента Бонкомпаньо да Синья вновь демонстрирует тонкий психологизм, описывая различные и многочисленные нюансы этой сдачи: здесь и тщеславие дамы (*Как он, однако, упорен, значит, любит сильно*), и упоение своей властью над готовым умереть из-за любви кавалером (*Видно, и впрямь хороша я*), и лицемерное (даже перед самой собой) любопытство (*Что же это за тайна сердца такая?* – будто и не догадывается).

Бонкомпаньо да Синья полагает, что влюбленному кавалеру даже хлопотать не надо: дама сама предложит хитроумный (хоть и шитый белыми нитками) план возможного свидания. И письмо ее в этом случае будет таким: «Не желая, однако, мольбы твои презреть всецело, дабы не влечь тебя в петлю отчаяния, советую тебе в день воскресный, когда господа и дамы пойдут в храм Господен, запустить в ограду твоего сокола, и, подбежав тотчас с близкими твоими, востребуй сию птицу; я же прикажу тебе в том отказать, и служанки тебе скажут: “Уходи, не своего ты требуешь”. А по случаю такого унижения я повелю тебя призвать, и так сможешь ты раскрыть тайну сердца твоего» [6, с. 404].

Итак, свершилось, цель достигнута, искомое получено. «Чего же более? Полагай, что любовник уже достиг, чего желал; и посему он теперь может и долженствует слать послания свои любезнейшие, писанные после свершения» [6, с. 404].

Вот тут неизменно наступает шаг пятый – финал, предполагающий радикальную смену стиля. Например, кавалер получает от беременной любовницы письмо, полное горьких упреков: «Нет горя, моему подобного горю, ибо славу и честь я с цветом девства моего потеряла. А ты для меня усугубление в несказанной муке моей, ибо сделался ты мне всецело чужд и не вспоминаешь более о той, кому сулил моря и горы и все, что есть под кругом небес» [6, с. 405].

Но стилистика писем *после свершения*, как мы помним, отнюдь не тождественна стилистике *до*.

Бонкомпаньо да Синья рекомендует кавалеру отвечать на подобное послание, используя следующий образец: «Отступишь же от сказанного и речи свои про себя обращай, ибо некто иной, полагаю я, в том повинен, что ладья твоя устремляется ко пристани бесчестия» [6, с. 405]. Галантно, однако...

Круг замкнулся, цикл завершился, пикап состоялся – все вполне успешно, дальнейшее не интересно: *Спасибо, до свидания*.

Такая вот стратегия...

Что ж, пора подвести некоторые итоги.

Складывающиеся на рубеже XII–XIII вв. правила как эпистолярного, так и внеэпистолярного поведения в рамках любовных отношений (любовной игры) говорят о многом, позволяя делать выводы об изменениях в понимании любви в этот период.

Прежде всего нельзя не отметить своего рода нормативность влюбленности. Коль скоро любовь (а точнее, соблюдение ее кодекса) есть необходимый компонент сословного благородства, то хочешь – не хочешь, а люби, т. е. веди себя, как влюбленному должно, иначе какой же ты рыцарь?

В этом достаточно абсурдном на сегодняшний взгляд требовании мы сталкиваемся с очень важным моментом. Сословному сознанию феодалов начало недоставать личностно-индивидуальной проекции.

Внимание авторов рубежа XII–XIII вв. сосредоточивается именно на внутреннем состоянии индивида, его свободе выбора и оценки. Так, у Андрея Капеллана читаем: «И приметь, что любовнику от любовника ничто не сладко, если дано не доброю волею. <...> ...что берет любовник против воли солюбownika, в том вкусу нет» [1, с. 385, 400].

Конечно, слишком обольщаться вниманием к индивидуальности и индивидуальной свободе в овидианской традиции не следует: любовные кодексы подчас предлагают достаточно жесткие решения любовных коллизий, нисколько не учитывая индивидуальные чувства и устремления. Например, согласно трактату Андрея Капеллана, «бесспорно, всеми будет одобрено, если прежняя любовница своего любовника истребует из объятий всякой иной женщины» [1, с. 393]. Аргументируется это тем, что именно она его «умом своим и усердием в трудах из бездоблестного сделала... доблестным и отменным в добронравии» [1, с. 393]. Вроде бы это попытка апелляции к идее справедливости, но на месте адресата данного вердикта оказаться как-то не хочется. Извечный конфликт чувства и долга – он был, есть и будет неразрешимым...

И, разумеется, нельзя забывать об узких рамках сословной принадлежности, которые не позволяют в полной мере говорить об индивидуальности и индивидуальной свободе даже в вопросах любви, да они и не дадут о себе забыть: индивидуальность индивидуальностью, но сословный статус прежде всего. Неслучайно во многих версиях сюжета

о Тристане и Изольде король, увидев недужного тонущего Тристана, сначала интересуется, *рыцарь ли он*, а уж потом извлекает несчастного из воды (см. [16]). Столь же важна и роль субъекта в четко дифференцированном наборе участников любовных отношений: мы же помним, что наперсник, например, сильно ограничен в выборе модуса своего поведения.

Но тем не менее внимание к индивиду есть, и это ново: самосознание рыцаря уже давно и прочно фундировано отношениями вассалитета и христианскими ценностями (вспомним базовый лозунг раннего рыцарства *Душа – Богу, рука – мечу* [17]). Однако теперь позиции в социальной структуре (готовность быть сюзереном и/или вассалом) и отношения к церкви как к социальному институту (готовность умереть за веру) оказываются мало: акцент сместился на качества индивидуальные, и востребованным стало именно личностно окрашенное благородство. Потому в центре внимания то, что сегодня мы называем личной жизнью. Первой и очевидной сферой, где было усмотрено осуществление этой жизни, стала именно любовь, что неудивительно при неразвитости политического, правового и иных вариантов самосознания индивида в средневековой культуре.

И в этом контексте естественно, что именно в рамках рассуждений о любви как о чувстве самом что ни на есть индивидуальном актуализируется вопрос об индивидуальной свободе¹¹. В этом плане существенна мысль Андрея Капеллана относительно момента возникновения любви: «...ни из какого она не рождается действия, но единственно из мышления» [1, с. 384].

Кроме того, Овидианское возрождение – это период возрождения интереса не просто к Античности как таковой, но именно к Овидию, а он – о любви, о самом интимно-личном человеческом проявлении... Мы далеки от мысли, что интерес к внутреннему миру человека, его индивидуальности зарождается в средневековой культуре благодаря Овидию или что этот интерес стал детерминантой оформления культуры Возрождения (того, большого, с заглавной буквы), – здесь много общекультурных причин, и они хорошо известны. Но маленький (очень маленький, но такой изящный, и притом один из первых) кирпичик в фундаменте грандиозной постройки феномена европейской индивидуальности – отсюда, от нового понимания любви. В конце концов, почему нет? Любовь – важная сфера реализации индивидуальности личности. Будет ли кто-то спорить?

Отдельным и очень важным моментом такого пристального внимания к индивиду, его индиви-

дуальному сознанию и свободе является то, что в сферу этого интереса впервые попадает и женщина. Как выясняется, она тоже индивид...

В вердиктах судов любви типовыми (и, что еще важнее, рядовыми) выступают ситуации, когда решение отдается на откуп именно заинтересованной даме, например: «Два человека, во всем между собою равные, вместе и равным образом приступили к любовному служению, притязая, и настойчиво притязая, быть любимыми. Спрашивается, которому из них отдать в любви предпочтение?» И вот вердикт графини Шампанской: «Верней всего оставить это на усмотрение дамы, чтобы она избрала себе любовником того, кого испросит внутреннее душевное желание» [1, с. 390]. Аналогично: «Некоторый муж, разумный и добрый, искал любви у некоторой дамы, а затем пришел муж еще его достойнее и ту же даму стал настоятельно просить о любви. Который же заслуживает любовного предпочтения? Этот спор Эрменгарда Нарбоннская рассудила так: “Сие оставляется на усмотрение дамы, к кому она избрет склонить слух, к хорошему или лучшему”» [1, с. 392].

Разумеется, нельзя забывать, что суды любви – это организации сугубо дамские, и потому их позиция не может быть исчерпывающе показательной. Однако на это можно взглянуть и с другой стороны: мы знаем о существовании таких судов только из трактата Андрея Капеллана, – возможно, он их и выдумал, но в таком случае это мужская позиция, что еще более показательно.

Это совсем новый поворот, значимость которого можно оценить в полной мере, если обратиться к предыстории вопроса: средневековому антифеминизму, охоте на ведьм (см. подробнее [19]) и дискуссиям о том, является ли женщина человеком, имеется ли у нее душа.

Долгое время имела хождение легенда, называвшая Маконский собор (585) *женоненавистническим*, так как он якобы отказал женщине в наличии у нее души. По другой легенде, этот собор признал наличие у женщины души, но с перевесом по результатам голосования в один голос: 32 против 31 [20]. Однако существует и такая версия, что в действительности на соборе ставился вопрос вовсе не о наличии у женщины души – диспут шел в сугубо лингвистической плоскости. Здесь есть резон. По оценке Ф. Гизо, в период формирования романских национальных языковых практик «исчезла правильность языка» [21, с. 151]. В частности, в романских языках семантика латинского существительного *homo* сужалась, и на момент прохождения собора данное слово, по мнению Григория Турского, означало не столько человека вообще, сколько

¹¹И. О. Шайтанов полагает, что в целом «в момент, когда вся культура выходит из состояния безличности, логично ожидать, что именно лирический жанр станет провозвестником духовного обновления» [18, с. 159].

конкретно мужчину [22, с. 230]. Именно в этом сугубо языковом контексте, по утверждению Григория Турского, на соборе «поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком» [22, с. 230]. Звучит, конечно, жестко, если вкладывать сюда антропологический смысл, однако, согласно Григорию Турскому, речь шла лишь о соблюдении грамотности высказывания: корректно ли применять слово *homo* по отношению к женщине в соответствующих языковых конструкциях. Однако Григорий Турский воспроизводит и аргументы, которые шли в ход на соборе: «...после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо Священное Писание Ветхого Завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении Богом человека, сказано: "...мужчину и женщину сотворил их..."» [22, с. 230]. В качестве важного аргумента прозвучало на соборе также и то, что «и Господь Иисус Христос потому называется Сыном Человеческим, что Он является сыном Девы, то есть женщины. И Ей Он сказал, когда готовился претворить воду в вино: "Что Мне и Тебе, Жено", и прочее». Таким образом, «этими и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен» [22, с. 230]. Как видим, аргументы вовсе не языковые, но содержательные, теологические. Некоторые современные специалисты также относят маконскую дискуссию к богословской полемике и полагают, что она была довольно жесткой (*всколебала души*), а Галльская церковь впоследствии неоднократно возвращалась к богословскому обсуждению этого вопроса [23].

Так или иначе, но в трудах теоретиков Овидианского возрождения женщина стала рассматриваться как со-субъект в любовных отношениях, которые, в свою очередь, виделись уже как субъект-субъектные. Это не идет ни в какое сравнение с более ранними средневековыми взглядами, в рамках которых отношение женщины к происходящему не просто не представляло интереса – вопрос о нем вообще не ставился (см. подробнее [24]). Не ставился он даже и в неортодоксальных трактовках любви в средневековой культуре. Вспомним рыцарский роман, где субъектом действия выступает мужчина и только мужчина: он – герой-актер, который влюбляется, ставит целью добиться взаимности, преодолевает препятствия и, в конце концов, побеждает. Женщина же – объект, хотя и в широком диапазоне: от объекта вожделения до объекта восхищения¹², но все же объект. Ее мнения не спрашивают, и влюбленный рыцарь – фактически соискатель ее, но не ее любви (см. подробнее [8]). Любовная коллизия разворачивается практически в субъект-объектной диспозиции.

Это не значит, что базовые аксиологические структуры изменились фундаментально, отнюдь: третья (заключительная) книга трактата «О любви» Андрея Капеллана содержит грандиозное перечисление женских пороков и посвящена тому, как можно излечиться от любовного недуга. Собственно, это вполне укладывается в овидианскую традицию: у Публия Назона было так же.

Но тем не менее любовь все же увидели как отношения, т. е. процесс двусторонний и взаимный, и женщину фактически впервые в средневековой (только ли в средневековой?!) культуре признали полноценным и полноправным участником этого процесса.

В конце концов, как отмечает И. О. Шайтанов, «если отношение к женщине – один из важнейших показателей развития общества, то... поэзия – свидетельство если не о том, каким было это общество, то каким захотело себя увидеть» [18, с. 159].

В целом же можно утверждать, что попытки концептуализации и кодификации любви, предпринятые мыслителями Овидианского возрождения, явили собой мощный шаг не только в легитимации любви во всем богатстве ее проявлений, но и в содействии развитию представлений о ней.

И не только это, хотя, казалось бы, чего же еще?! Овидианским возрождением сделан важный сдвиг в направлении, если можно его так назвать, нарративно-инструментальном: посредством кодификации эпистолярного жанра любовь как чувство обретает вербальную оболочку.

Давно ли в поисках языка любви рыцарская культура металась между аллегориями и персонификациями (см. подробнее [25])? Хронология поразительная! Творчество Кретьена де Труа завершается в конце XII в., к этому же периоду относятся и альбы, над «Романом о розе» Гийом де Лоррис и Жан де Мён работают вообще до последней четверти XIII в.

И Андрей Капеллан (конец XII в.), и Бонкомпаньо да Синья (начало XIII в.) находятся внутри очерченного периода поисков! Однако Андрей Капеллан уже вполне отдает себе отчет в значимости любовного красноречия: «...украшенная любовная речь заостряет любовные стрелы» [1, с. 387]. Более того, способность изысканным образом говорить о чувстве расценивается им как эффективный инструмент в достижении взаимности: «...красноречие не единожды склоняло нелюбящие сердца к любви» [1, с. 387]. В своем трактате Андрей Капеллан приводит многочисленные и разнообразные по содержанию образцы любовных диалогов, и, по оценке историков, эта часть его сочинения, «самая скучная, по-видимому, для современного читателя», в Средние века как раз «пользовалась...

¹²До поклонения пока не дошло, это впереди, у трубадуров. Немножко терпения...

наибольшим успехом» [5, с. 572]. Бонкомпаньо да Синья целиком посвящает свой письмовник любовной переписке и предлагает любящим различные способы «письменного повествования» о любви [6, с. 402], подробнейшим образом научая, как именно следует говорить о своем чувстве.

Говорить и писать... Конечно, это еще не дает навыка (да что навыка, хотя бы начального умения!) выразить любовное чувство во всей полноте и глубине его оттенков. Однако же это прорыв: говорить о своей любви, хотя бы и в режиме соблазнения¹³, но говорить, и говорить красиво. Да, в рамках заданных правил, но именно они призваны окультурить простоту (вот уж воистину – хуже воровства) предшествующего подхода. Сравните: «Вас призываю под сень я, – / Дайте же без промедленья / Сладкому делу свершиться!» [27], – и дело с концом! Это Маркабрюн (Маркабрю), первая половина XII в., а как далеки от этого овидианские теоретики рубежа XII–XIII вв.!

Таким образом, сделаем подсчет: с одной стороны, не прошло и столетия со времени грубой прямоты Маркабрюна и безъязыкости любви в классических северофранцузских романах, где рыцари бледнели и падали с коня, не умея иначе проявить свою страсть (см. [25]), с другой – еще более 700 лет (как до Луны!) до специальной аналитики вербальных практик, используемых в любовной

коммуникации, во «Фрагментах любовного дискурса» (1977) Р. Барта, который определит влюбленного именно посредством его дискурсивной специфики: *тот, кто говорит таким образом* (см. [28]).

Так что конструирование любовных диалогов Андреем Капелланом – существенный шаг на пути обретения любовью своего языка, а подробнейшие эпистолярные разработки в письмовнике Бонкомпаньо да Синья – вообще явление поразительное для своего времени!

И не только для своего. Право же, трудно отказать Бонкомпаньо да Синья в наблюдательности, умении схватить – рискуем сказать! – если не исторически универсальные, то по меньшей мере типовые¹⁴ схемы поведения мужчин и женщин, ведущих любовную игру. Именно игру: собственно к любви как таковой рассмотренные правила относятся весьма косвенно, потому что это правила, своды поведенческих фигур, подобных фигурам придворного менюэта, столь же придуманные, столь же манерные, столь же условные, столь же имеющие в виду сословные иерархии, столь же грациозно-изящные и столь же далекие (по неопытности) от раскованности хореографии фри-стайл. Она еще только должна возникнуть, и дисциплинирующий менюэт – необходимый этап эволюции.

Всё еще впереди.

Библиографические ссылки

1. Андрей Капеллан. О любви. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 383–401. (Литературные памятники).
2. Watson P. Praecepta amoris: Ovid's didactic elegy. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's companion to Ovid*. Genoa: Brill; 2002. p. 141–165. (Classical Studies). DOI: 10.1163/9789047400950_006.

¹³Здесь следует оговорить один важный момент. Да, речь идет о соблазнении, а в истории культуры оно совершенно нереспектабельно. Как пишет Ж.-К. Болонь, «древнеримский обычай, а затем и христианская традиция склонны взирать на маневры соблазнителя со снисходительным пренебрежением» [26, с. 17]. Однако этот автор высказывает весьма оригинальную позицию, которая кажется мне убедительной: названные традиции осуждали соблазнение, «но что они могли предложить взамен? Похищение, изнасилование или брак поговору семейств – вот те обстоятельства, при которых отпадает надобность в обольщении, коль скоро согласие женщины не требуется. Соблазнять, подвергая себя риску нарваться на отказ, – это ведь значит желать добровольного, не насильственного соития. Существо, которое ниже тебя, не кадра, – ему делают предложение, от которого невозможно отказаться» [26, с. 17]. Соответственно, «все это не имеет касательства к истории науки соблазна, обращенной только к равным или вышестоящим. Между Гильомом IX, который безо всякой преамбулы валит пастушку навзничь, и Дон Жуаном, не щадящим усилий, расточая Шарлотте многословные обеты, пролегло пять столетий галантности... Конечный результат, разумеется, одинаково мерзок в обоих случаях. Но из этих двоих один все-таки знает, что женщина может сказать «нет». Обольщение признает за ней, по крайней мере, это право» [26, с. 18]. В этом контексте Ж.-К. Болонь подкрепляет свою позицию любопытным историческим наблюдением: «Древние римляне осознали необходимость обольщать, столкнувшись с вольноотпущенниками, которые не зависели ни от кого, кроме самих себя» [26, с. 18]. И потому в современном обществе, по его мнению, освобождение женщин делает соблазн неизбежным, в силу чего его как явление «пора реабилитировать» [26, с. 18]. Да, не просто и не сразу (далеко не сразу!) исторически формируется феномен любви как чувства *большого и светлого*. Более того, реальные его проявления, коль скоро, надо думать, случались в истории культуры, тут же относились этой культурой к нелегитимным: чуть промелькнет, так сразу вне закона! Достаточно вспомнить Абельяра и Элоизу – никто не восхитился! А уж что касается Тристана и Изольды... Дело даже не в том, что любовь их видится как преступление, – куда важнее, что трактуется она не в качестве естественного человеческого проявления, но связывается в своем возникновении с волшебным напитком: иначе откуда бы? Более того, эта лав-стори настолько неэтичная, настолько не вписывается ни в один канон (нравственный либо литературный), что историкам пришлось создать *тристановедение* как отрасль медиевистики, которая занимается сугубо этим любовным сюжетом...

¹⁴Действительно, мало что изменится содержательно, если перевести данные эпистолярные фигуры на лапидарный язык мессенджеров. Неслучайно в мусульманском мире обсуждается вопрос современных технологий развода: можно ли дать жене отставку, не произнося в лицо знаменитое троекратное *talaq*, но отправив его смс-сообщением (см. [29]).

3. Можейко МА. От клириков к лирикам: средневековое донжуанство и монастырский пикап. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:73–83.
4. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 544 с.
5. Гаспаров МЛ. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо). В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 571–573. (Литературные памятники).
6. Бонкомпаньо. Колесо Венерино. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 401–405. (Литературные памятники).
7. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:86–97.
8. Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–133.
9. Gilson E. *La theologie mystique de saint Bernard*. Paris: Vrin; 1934. 253 p.
10. Скиннер К. *Истоки современной политической мысли. Том 1*. Олейников АА, переводчик. Москва: Дело; 2018. 464 с.
11. Luehring J. Letter writing in the Late Middle Ages (c. 1250–1600). An introductory bibliography of critical studies. *Disputatio: an International Transdisciplinary Journal of the Late Middle Ages*. 1996;1:191–221.
12. Haskins ChN. The early artes dictandi in Italy. In: Haskins ChN. *Studies in medieval culture*. Oxford: Oxford University Press; 1929. p. 70–192.
13. Горнфельд АГ. Эпистолярная литература. В: Арсеньев КК, Петрушевский ЕЕ, редакторы. *Энциклопедический словарь. Том 40 (80А)*. Санкт-Петербург: Типография акционерного общества «Брокгауз – Ефрон»; 1904. с. 921–925.
14. Shepard L. *Courtship power: persuasion and politics in the early thirteenth century*. London: Routledge; 2013. 262 p.
15. Петров М. До последней запятой: как появились знаки препинания [Интернет]. Theory & practice. 2015 [протитировано 14 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://theoryandpractice.ru/posts/11531-punctuation>.
16. Роман о Тристане и Изольде. В: Михайлов АД, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 153–226. (Библиотека всемирной литературы; том 22).
17. Казанский И. Средневековая лирика. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 822–841.
18. Шайтанов ИО. Европа в контексте средневековой культуры. В: Кузнецова ТФ, редактор. *Очерки по истории мировой культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1997. с. 141–175.
19. Можейко МА. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:128–138.
20. Маконский собор (585) [Интернет]. Википедия. Свободная энциклопедия. 2018 [протитировано 11 сентября 2019 г.]. Доступно по: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Маконский_собор_\(585\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Маконский_собор_(585)).
21. Гизо Ф. *История цивилизации в Европе*. Москва: Территория будущего; 2007. 336 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
22. Григорий Турский. *История франков*. Москва: Наука; 1987. 474 с. (Литературные памятники).
23. Солодовников ВВ. *Ранние соборы: Мерovingская Галлия VI–VIII вв.* Москва: Ассоциация «Духовное возрождение»; 2004. 427 с.
24. Можейко МА. Обратная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:162–167.
25. Можейко МА. Черный ящик: вдали от потока сознания, или Отчего рыцари плачут. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:80–92.
26. Болонь Ж-К. *История любовных побед от Античности до наших дней*. Москва: Текст; 2009. 477 с.
27. Маркабрю. «Встретил пастушку вчера я...» [Интернет]. Литературное наследие. 2001–2019 [протитировано 12 декабря 2019 г.]. Доступно по: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st006.shtml>.
28. Можейко МА. «Фрагменты любовного дискурса» (Барт). В: Грицанов АА, Можейко МА, Румянцева ТГ, редакторы. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 893–894. Совместно с издательством «Книжный дом».
29. Is a talaq via SMS valid? [Internet]. Islam QA [cited 2019 December 10]. Available from: <https://islamqa.org/hanafi/darulfiqh/21901>.

References

1. Andrei Capellan. [About love]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 383–401. (Literary monuments). Russian.
2. Watson P. Praecepta amoris: Ovid's didactic elegy. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's companion to Ovid*. Genoa: Brill; 2002. p. 141–165. (Classical Studies). DOI: 10.1163/9789047400950_006.
3. Mojeiko MA. From clerics to lyricists: medieval don-juanism and monastic pickup. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:73–83. Russian.
4. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [An experience of building a medieval poetics]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 544 p. Russian.
5. Gasparov ML. [Love textbook and love epistolary textbook (Andrei Capellan and Boncompagno)]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 571–573. (Literary monuments). Russian.
6. Boncompagno. [Wheel of Venus]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 401–405. (Literary monuments). Russian.
7. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:86–97. Russian.

8. Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: interpretation of love in the North French chivalric novel. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:126–133. Russian.
9. Gilson E. *La theologie mystique de saint Bernard*. Paris: Vrin; 1934. 253 p.
10. Skinner Q. *The foundations of modern political thought. Volume 1. The Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. 330 p.
Russian edition: Skinner Q. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli. Tom 1*. Oleinikov AA, translator. Moscow: Delo; 2018. 464 p.
11. Luehring J. Letter writing in the Late Middle Ages (c. 1250–1600). An introductory bibliography of critical studies. *Disputatio: an International Transdisciplinary Journal of the Late Middle Ages*. 1996;1:191–221.
12. Haskins ChH. The early artes dictandi in Italy. In: Haskins ChH. *Studies in medieval culture*. Oxford: Oxford University Press; 1929. p. 70–192.
13. Gornfeld AG. [Epistolary literature]. In: Arseniev KK, Petrushevskii EE, editors. *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom 40 (80A)* [Encyclopedic dictionary. Volume 40 (80A)]. Saint Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Brokgauz – Efron»; 1904. p. 921–925. Russian.
14. Shepard L. *Courting power: persuasion and politics in the early thirteenth century*. London: Routledge; 2013. 262 p.
15. Petrov M. Until the last comma: how did the punctuation marks appear [Internet]. Theory & practice. 2015 [cited 2019 April 14]. Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/11531-punctuation>. Russian.
16. [Novel about Tristan and Isolde]. In: Mikhailov AD, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval novel and tale]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 153–226. (World literature library; volume 22). Russian.
17. Kazansky I. [Medieval lyrics]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhom преподаvatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Tovarichestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 822–841. Russian.
18. Shaitanov IO. [Europe in the context of medieval culture]. In: Kuznetsova TF, editor. *Ocherki po istorii mirovoi kul'tury* [Essays on the history of world culture]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. p. 141–175. Russian.
19. Mojeiko MA. Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:128–138. Russian.
20. Synod of Mâcon [Internet]. Wikipedia. The Free Encyclopedia. 2018 [cited 2019 September 11]. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Synod_of_Mâcon. Russian.
21. Guizot F. *Istoriya tsivilizatsii v Evrope* [The history of civilization in Europe]. Moscow: Territoriya budushchego; 2007. 336 p. (The University Library of Alexander Pogorelsky). Russian.
22. Gregorius Turonensis. *Historia Francorum*. Moscow: Nauka; 1987. 474 p. (Literary monuments). Russian.
23. Solodovnikov VV. *Rannie sobory: Merovingskaya Galliia VI–VIII vv.* [Early synods: Merovingian Gaul of the 6th–8th centuries]. Moscow: Assotsiatsiya «Dukhovnoe vrozozhdenie»; 2004. 427 p. Russian.
24. Mojeiko MA. The flip side of the coin, or The erotic underground of medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:162–167. Russian.
25. Mojeiko MA. Black box: away from the stream of consciousness, or Why knights cry. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:80–92. Russian.
26. Bologna J-K. *Istoriya lyubovnykh pobed ot Antichnosti do nashikh dnei* [The history of love victories from Antiquity to the present day]. Moscow: Tekst; 2009. 447 p. Russian.
27. Marcabrun. «I met a shepherdess yesterday...» [Internet]. Literary heritage. 2001–2019 [cited 2019 December 12]. Available from: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st006.shtml>. Russian.
28. Mojeiko MA. [«Fragments of a love discourse» (Barthes)]. In: Gritsanov AA, Mojeiko MA, Rumyantseva TG, editors. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; 2001. p. 893–894. Co-published by the «Knizhnyi dom». Russian.
29. Is a talaq via SMS valid? [Internet]. Islam QA [cited 2019 December 10]. Available from: <https://islamqa.org/hanafi/darulfiqh/21901>.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.776.23+316.334.52](476.2)+574:539.1.04

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС

И. В. ЛАШУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

На основе разработанных автором методологических и методических оснований изучены жизненные стратегии социокультурного поведения жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе представляют собой чистые (идеальные) типы стратегий поведения агентов, имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля, являющегося в той или иной степени социокультурным. Иными словами, стратегии поведения формируются и проявляются в жизненных ситуациях в различных полях: экономическом, политическом и др. Статистический анализ данных, полученных в ходе социологического исследования среди населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, позволил разработать эмпирическую типологию жителей загрязненных районов по степени социокультурной активности, а также доказать, что чем выше социокультурная активность респондентов, тем эффективнее и разнообразнее их трудовая мотивация (включающая не только материальные, но и профессиональные критерии труда), выше эффективность экономического поведения, определяемая по уровню удовлетворенности своей работой и ее компонентами.

Ключевые слова: жизненные стратегии социокультурного поведения; ценности; территории, пострадавшие от аварии на ЧАЭС.

Образец цитирования:

Лашук ИВ. Жизненные стратегии социокультурного поведения жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:93–101.

For citation:

Lashuk IV. Life strategies of sociocultural behavior of residents of the territories affected by the Chernobyl accident. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:93–101. Russian.

Автор:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Iryna V. Lashuk, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology and head of the Center for Social and Humanitarian Studies, Institute of Social Science and Humanities Education. lashuki@tut.by

Благодарность. Эмпирическая база данного социологического исследования получена в 2019 г. в рамках реализации научно-исследовательского проекта по следующему заданию Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 гг. и на период до 2020 г.: «Провести социологический мониторинг оценок населения эффективности реализации целей устойчивого развития, в том числе и возможностей трудоустройства в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС (по различным сферам экономики)», выполняемому совместно ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» и УО «Белорусский государственный экономический университет» (№ 20192156).

LIFE STRATEGIES OF SOCIOCULTURAL BEHAVIOR OF RESIDENTS OF THE TERRITORIES AFFECTED BY THE CHERNOBYL ACCIDENT

I. V. LASHUK^a

^aBelarusian State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

In this article, based on the methodological foundations developed by the author, the life strategies of the sociocultural behavior of residents of the territories affected by the Chernobyl accident are studied. Life strategies of sociocultural behavior in modern society are pure (ideal) types of behavioral strategies of agents having different capitals and making their choice in life situations of a particular field, which is more or less sociocultural. In other words, behavioral strategies are formed and manifested in life situations in various fields, for instance economic, political, etc., each of them is more or less sociocultural. Statistical analysis of a sociological study of residents of the Chernobyl-affected territories allowed us to develop an empirical typology of residents of contaminated territories by the degree of sociocultural activity, as well as to prove that the higher sociocultural activity of respondents, more effective and diverse their labor motivation, including not only material, but also professional labor criteria, the higher efficiency of economic behavior, determined by the level of satisfaction with their work and its components.

Keywords: life strategies of sociocultural behavior; values; territories affected by the Chernobyl accident.

Acknowledgements. The empirical base of this sociological study was obtained in 2019 as part of the implementation of a research project on the assignment of the State program to overcome the consequences of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant for 2011–2015 and for the period until 2020 «conduct sociological monitoring of population assessments of the effectiveness of the implementation of sustainable development goals, including employment opportunities in areas affected by the Chernobyl accident (in various areas of the economy)», carried out jointly by the Institute of Sociology of the National Academy of Science of Belarus and Belarusian State Economic University (№ 20192156).

Актуальность исследования социокультурной составляющей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, обусловлена необходимостью отслеживать параметры основных социокультурных изменений и процессов, касающихся формирования новых социокультурных стратегий поведения населения, от которых зависит успешность проводимых реформ, актуализации различных пластов культурной и исторической памяти и преодоления негативных последствий разрыва традиций. В этом контексте очень важно изучить особенности социокультурного поведения населения районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Концепт «жизненные стратегии социокультурного поведения» в рамках методологических оснований данной работы базируется на следующих положениях:

1. Мы берем за основу представление М. Вебера о социальном действии и его осмысленности

действующим субъектом, с одной стороны, а с другой – используем метод построения идеальных типов стратегий поведения, отражающих основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.

2. Мы концептуализируем социальное в терминах П. Бурдьё пространство, предполагая, что оно состоит из различных полей, в каждом из которых «играют» свои «козыри» в форме капиталов, которые могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах [1, с. 19].

3. Мы учитываем, что каждое поле является в той или иной степени социокультурным.

4. Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой выбор¹.

Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе представляют

¹Подробнее см.: Лашук И. В. Социокультурный анализ современного белорусского общества. Минск : Беларуская навука, 2019. 267 с.

собой идеальные типы стратегий поведения индивидов и социальных групп, имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля. Иными словами, стратегии поведения формируются и проявляются в жизненных ситуациях в различных полях: экономическом, политическом и др., каждое из которых является в той или иной степени социокультурным.

Для разработки типологии жизненных стратегий экономического поведения жителей районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, разработан диагностический инструментарий, где социокультурные стратегии имеют в первую очередь аксиологическую природу и центральным понятием является ценность. В данной статье ценности разделены на базовые (предельные) и инструментальные.

Так, базовые ценности, являются основным мотивом социальной активности представляют собой ядро личности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Базовые ценности можно определить как предельные мотиваторы социальной активности агента. Предельными они являются потому, что представляют собой наивысший уровень регуляции поведения личности, за ними уже ничего другого поставить нельзя; слово «мотиваторы» применимо здесь, поскольку ценности требуют реализации в социальных практиках и побуждают к ней; социальная активность подразумевает обязательную направленность на другого.

Инструментальные ценности понимаются как социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

Закрепление, формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей. Оказывается, что ценностная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Такая ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную

проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, принятия жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Инструментальные ценности, или ценности-средства, интерпретируются нами одновременно и как включенные в повседневную практику капиталы. Это значит, что не каждый из имеющихся у человека ресурсов помогает ему в проблемных жизненных ситуациях, в этом случае он является «капиталом на бумаге», или формальным ресурсом. Реальным он станет только в том случае, когда закрепится в повседневных моделях поведения.

Итак, жизненные стратегии социокультурного поведения определяются базовыми ценностными ориентирами. В повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас ресурсов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими жизненными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности.

Поскольку базовые ценности определяют смысл жизни человека, их можно сгруппировать на основе определения того, ради чего он живет (табл. 1):

- 1) ради своего дела (группа ценностей самореализации);
- 2) ради себя (группа ценностей благополучия человека);
- 3) ради близких (группа ценностей людей малого круга);
- 4) ради других (группа ценностей чужого мнения).

Таблица 1

Операционализация базовых ценностей

Table 1

Operationalization of basic values

Группа ценностей	Содержание показателей базовых ценностей	Индикаторы базовых ценностей
Ценности самореализации	Работа и профессионализм	Интересная работа Профессионализм Общественная польза труда

Окончание табл. 1
Ending table 1

Группа ценностей	Содержание показателей базовых ценностей	Индикаторы базовых ценностей
Ценности благополучия человека	Личное благополучие (физическое, душевное и социальное)	Душевный покой и комфорт Здоровье Физическая красота Материально-обеспеченная жизнь Досуг и хобби
Ценности людей малого круга	Люди из ближайшего окружения	Дети Родители Супруг(а), любимый человек Друзья
Ценности чужого мнения	Положение в глазах других	Репутация в глазах значимых для индивида людей Власть, возможность влиять на других людей Карьера Высокое положение в обществе

Перечень инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё, каждому из которых соответствует определенный набор инструментальных ценностей [2, с. 64] (табл. 2).

При определении географического расположения генеральной совокупности источником данных о наименовании жилых населенных пунктов и сельских советов, территории которых загрязнены радионуклидами, выступал Перечень населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, (утвержден Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 января 2016 г. № 9, далее – Перечень насе-

ленных пунктов 2016 г.). В данном документе населенные пункты сгруппированы не только по административно-территориальному принципу, но и по зонам радиоактивного загрязнения (выделены в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 12 ноября 1991 г. № 1227-XII «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС»). В исследовании использовалась вероятностная многоступенчатая стратифицированная территориальная выборочная совокупность, объем которой составил 2766 человек (предельная ошибка выборки $\pm 3,686$ % при доверительной вероятности 95,0 %).

Таблица 2

Операционализация инструментальных ценностей

Table 2

Operationalization of instrumental values

Капиталы	Индикаторы инструментальных ценностей
Экономический	Деньги Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)
Символический	Авторитет знаний и опыта индивида Положение индивида в обществе
Социальный	Семья, родственники, близкие друзья Наличие связей среди профессионалов в различных областях Наличие связей с людьми, занимающими высокое положение в обществе
Культурный	Образованность и профессиональная компетентность Знания, жизненный опыт Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.) Деловые качества Здоровье Привлекательная внешность

По результатам проведенного социологического исследования в иерархии смысло-жизненных ценностей жителей территорий, пострадавших от

аварии на ЧАЭС, первые три места (в порядке убывания) занимают здоровье, родители, дети. Наименее значимыми среди аксиологических при-

оритетов оказались карьера, высокое положение в обществе и власть, возможность влиять на других людей (рис. 1).

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что в структуре инструментальных ценностей первые три места (в порядке убывания) занимают семья, родственники, близкие друзья, здоровье и знания, жизненный опыт (рис. 2).

Статистический анализ полученных в ходе проведенного социологического исследования данных свидетельствует о том, что смысловые ценности стабильны и не дифференцируются в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, что логично, поскольку они являются наиболее глубинными, направляющими жизнедеятельность человека.

Рис. 1. Структура смысловых ценностей жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, средний балл.

Примечание. Здесь и далее средний балл находится в интервале от 1 до 5, где 1 – самый низкий балл, 5 – самый высокий балл

Fig. 1. The structure of the meaning of life values of residents of the territories affected by the Chernobyl accident, average score.

Note. Hereafter the average score is in the range from 1 to 5, where 1 is the lowest score, 5 is the highest score

Относительно инструментальных ценностей зафиксировано падение значимости ценностей-средств в сельской местности. В рамках нашей методологии это значит, что респонденты, проживающие в сельской местности, отличаются более низкой социокультурной активностью. Наиболее активными оказались жители Гомеля (табл. 3).

В зависимости от возраста также зафиксированы статистически значимые различия. Так, в возрастной группе от 19 до 29 лет в большей степени востребованы такие ценности, как здоровье и наличие связей среди людей с высоким положением в обществе. Наиболее социокультурно активной группой оказалась возрастная когорта от 45 до 59 лет (табл. 4).

При разработке типологии жизненных стратегий социокультурного поведения был применен многомерный метод кластерного анализа (*k-means*), в результате которого сформировались четыре группы респондентов, отличающиеся по степени социокультурной активности (табл. 5).

При интерпретации данной типологии следует учитывать, что чем больше количество ценностей-средств использует человек, тем он более социокультурно активен (чем выше показатель, тем более значима, а значит, и более востребована ценность), и наоборот.

Процентное распределение социокультурных групп представлено на диаграмме (рис. 3).

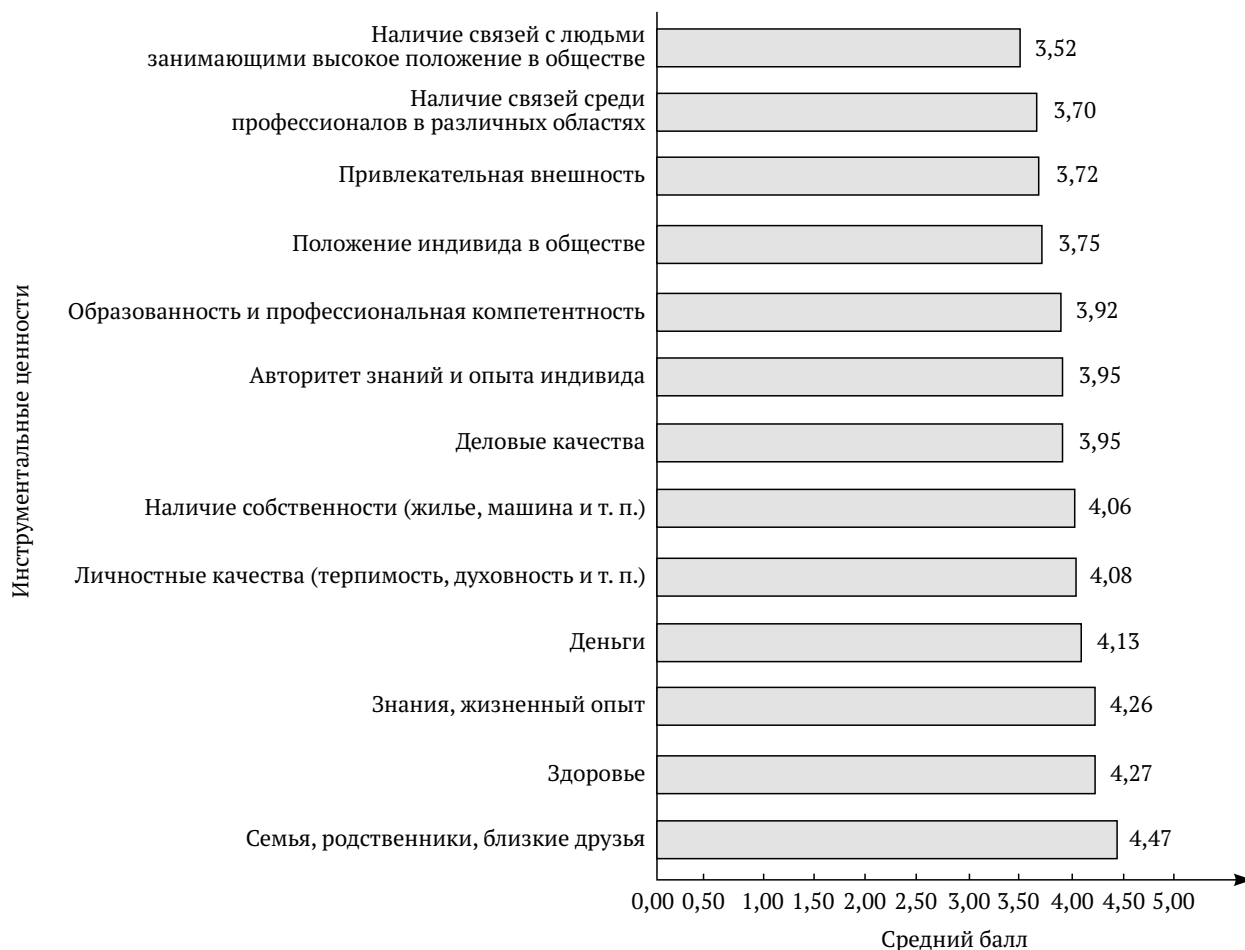

Рис. 2. Структура инструментальных ценностей жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, средний балл

Fig. 2. The structure of instrumental values of residents of the territories affected by the Chernobyl accident, average score

Таблица 3

Структура инструментальных ценностей в зависимости от типа населенного пункта, средний балл

Table 3

The structure of instrumental values, depending on the type of settlement, average score

Инструментальные ценности	Гомель	Средние города (10–60 тыс. чел.)	Малые города (менее 10 тыс. чел.)	Село
Семья, родственники, близкие друзья	4,53	4,42	4,49	4,40
Здоровье	4,37	4,25	4,31	4,13
Знания, жизненный опыт	4,35	4,28	4,23	4,15
Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	4,25	4,00	4,19	3,85
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	4,13	4,05	4,07	3,95
Образованность и профессиональная компетентность	4,11	3,89	3,92	3,69
Деньги	4,10	4,14	4,24	4,15
Деловые качества	4,09	3,89	4,07	3,74
Авторитет знаний и опыта	4,04	3,94	3,90	3,84

Окончание табл. 3
Ending table 3

Инструментальные ценности	Гомель	Средние города (10–60 тыс. чел.)	Малые города (менее 10 тыс. чел.)	Село
Привлекательная внешность	3,90	3,60	3,74	3,51
Положение в обществе	3,86	3,73	3,81	3,60
Наличие связей среди профессионалов в различных областях	3,80	3,81	3,75	3,51
Наличие связей с людьми, занимающими высокое положение в обществе	3,67	3,58	3,66	3,27

Таблица 4

Структура инструментальных ценностей
в зависимости от возраста, средний балл

Table 4

The structure of instrumental values
depending on age, average score

Инструментальные ценности	Возрастная группа			
	16–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и старше
Семья, родственники, близкие друзья	4,42	4,54	4,48	4,43
Здоровье	4,40	4,27	4,30	4,08
Знания, жизненный опыт	4,11	4,23	4,35	4,35
Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	4,11	4,07	4,16	3,94
Деньги	4,11	4,17	4,21	4,03
Деловые качества	3,99	3,93	4,05	3,80
Привлекательная внешность	3,92	3,77	3,70	3,45
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	3,91	4,04	4,26	3,99
Образованность и профессиональная компетентность	3,89	4,00	3,99	3,79
Авторитет знаний и опыта	3,89	3,89	4,07	3,93
Положение в обществе	3,82	3,74	3,82	3,60
Наличие связей среди профессионалов в различных областях	3,72	3,75	3,77	3,53
Наличие связей с людьми, занимающими высокое положение в обществе	3,67	3,51	3,58	3,31

Таблица 5

Типология жизненных стратегий
социокультурного поведения, средний балл

Table 5

Typology of life strategies
of sociocultural behavior, average grade point

Инструментальные ценности / социокультурные ценности	Пассивные	Скорее пассивные	Скорее активные	Активные
Деньги	3,17	3,85	4,14	4,59
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	2,63	3,67	4,27	4,63
Авторитет знаний и опыта	2,32	3,61	3,93	4,62
Положение в обществе	2,11	3,59	3,21	4,53

Окончание табл. 5
Ending table 5

Инструментальные ценности / социокультурные ценности	Пассивные	Скорее пассивные	Скорее активные	Активные
Семья, родственники, близкие друзья	3,34	4,28	4,64	4,83
Наличие связей среди профессионалов в различных областях	2,05	3,76	2,29	4,64
Наличие связей с людьми, занимающими высокое по- ложение в обществе	2,01	3,60	1,79	4,55
Образованность и профессиональная компетентность	2,30	3,68	3,69	4,63
Знания, жизненный опыт	2,98	3,91	4,59	4,73
Здоровье	3,03	3,98	4,53	4,68
Привлекательная внешность	2,19	3,48	3,12	4,54
Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	2,53	3,67	4,31	4,70
Деловые качества	2,24	3,64	3,89	4,66

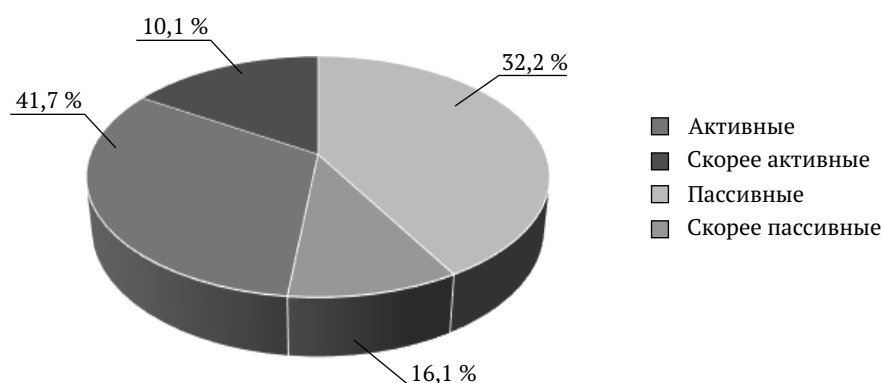

Рис. 3. Типология жизненных стратегий социокультурного поведения

Fig. 3. Typology of life strategies of sociocultural behavior

Как видим, чем выше социокультурная активность жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, тем выше уровень их жизни. Об

этом свидетельствует улучшение качества жизни по мере повышения социокультурной активности (рис. 4).

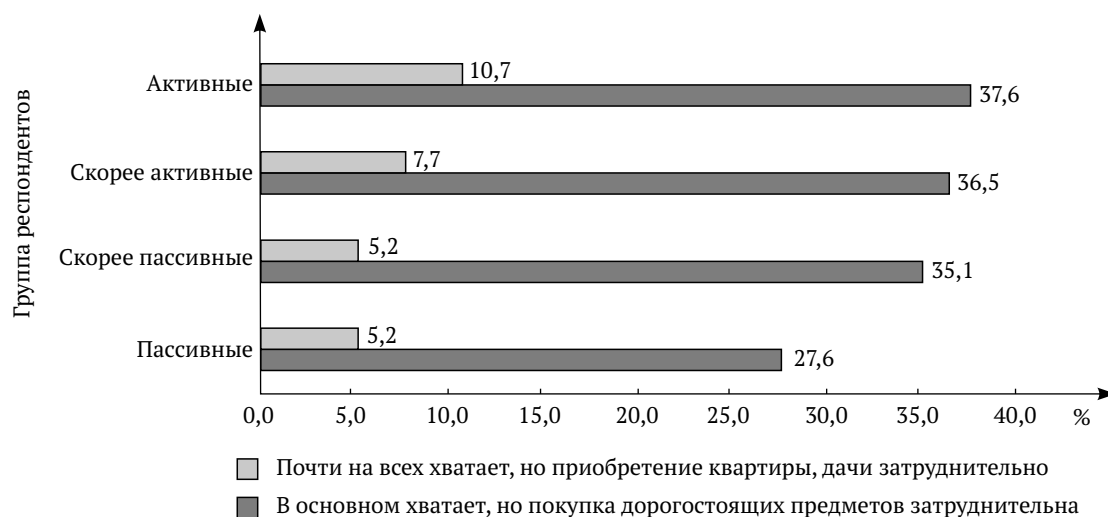

Рис. 4. Характеристика материального положения семьи

Fig. 4. Characteristic of the financial situation of the family

Проведенное социологическое исследование показало, что чем активнее группа, тем большее количество людей, входящих в нее, отмечают достаточно хорошее материальное положение, когда «денег почти на все и (или) в основном хватает». Кроме того, в данной работе нам удалось доказать, что чем выше социокультурная активность респондентов, прожи-

вающих на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС, тем выше и их экономическая активность, проявляющаяся в стремлении повысить уровень жизни.

Помимо материального фактора группа социокультурно активных респондентов в большей степени удовлетворена как работой в целом, так и ее отдельными компонентами (рис. 5).

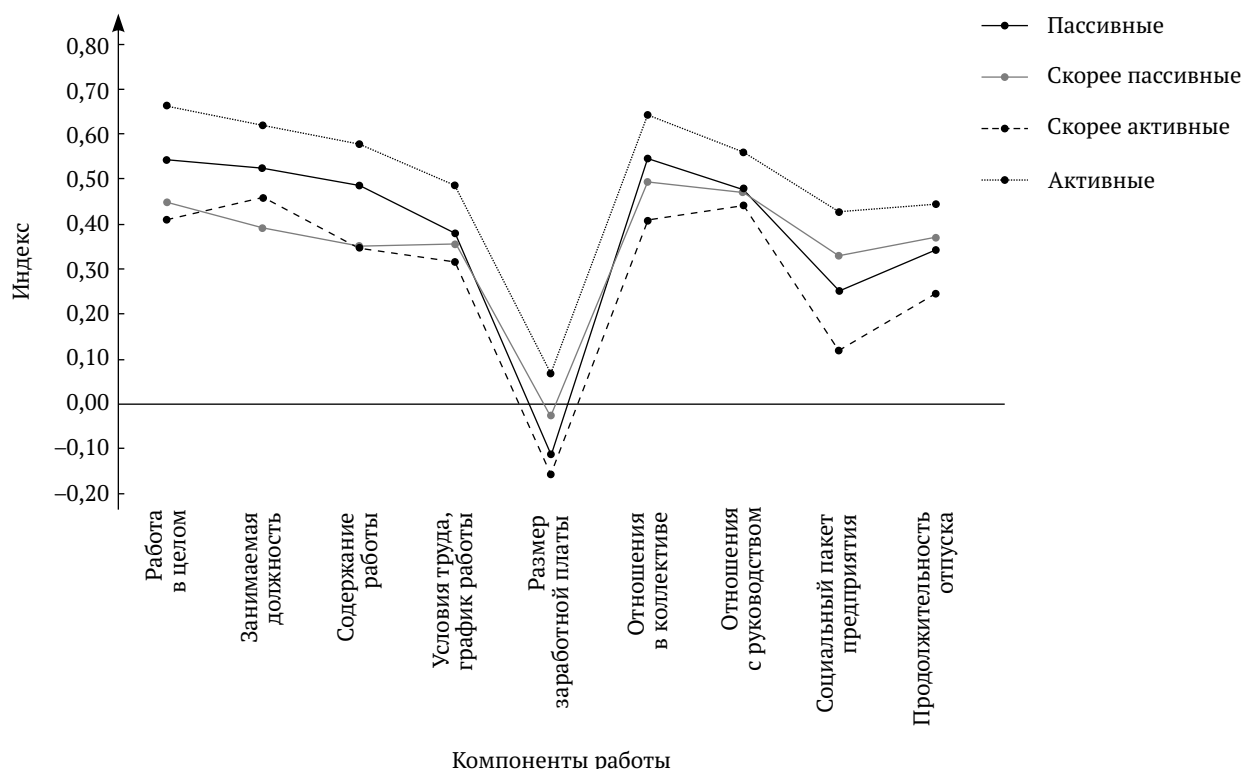

Рис. 5. Удовлетворенность работой и ее компонентами.

Примечание. На данном графике представлен индекс, находящийся в пределах от -1 до 1, где -1 – совсем не удовлетворен, -0,5 – скорее не удовлетворен, 0,5 – скорее удовлетворен, 1 – удовлетворен

Fig. 5. Satisfaction with work and its components.

Note. This graph presents an index ranging from -1 to 1, where -1 is not at all satisfied, -0.5 is rather not satisfied, 0.5 is rather satisfied, 1 is satisfied

Итак, социологическое исследование, проведенное среди жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, позволило сделать следующий важный вывод: чем выше социокультурная активность респондентов, тем эффективнее и разнообразнее их трудовая мотивация (включает не только материальные, но и профессиональные кри-

терии труда), экономическое поведение (определяется по уровню удовлетворенности своей работой и ее компонентами). Иными словами, стимулируя социокультурную активность граждан, возможно повысить уровень и качество их жизни, что является так называемыми неэкономическим ресурсом экономического развития современного общества.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. *Начала*. Москва: Socio-Logos; 1994. 288 с.
2. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства. В: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2007. 288 с.

References

1. Bourdie P. *Nachala* [Beginnings]. Moscow: Socio-Logos; 1994. 288 p. Russian.
2. Bourdie P. [Physical and social spaces]. In: Bourdie P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology in social space]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 2007. 288 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2020.
Received by editorial board 04.02.2020.

УДК 316.334.56

СОЦИАЛЬНО-ИНКЛЮЗИВНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОЦЕНКИ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирована категория «социально-инклюзивная городская среда» с позиции феноменологической традиции социологии. Описаны возможные направления понимания инклюзии в рамках городских исследований, выделены условия и факторы, способствующие созданию социально-инклюзивной городской среды, а также барьеры и препятствия в реализации социально-инклюзивного потенциала города. На основе анализа текстов глубинных интервью сконструировано пространство семантического дифференциала для эмпирической оценки степени инклюзии городской среды.

Ключевые слова: городская социология; феноменологический анализ; город; городская среда; жизненный мир; инклюзия; функции и дисфункции инклюзии; социально-инклюзивный потенциал городской среды.

SOCIO-INCLUSIVE POTENTIAL OF URBAN ENVIRONMENT AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY: PERSPECTIVES OF INTERPRETATION AND ASSESSMENT

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of the category «socio-inclusive urban environment» from the perspective of the phenomenological tradition of sociology. Possible fields of reflection inclusiveness within methodology of urban studies are given, the conditions and factors contribute to the creation of socio-inclusive city, as well as barriers and obstacles to the realization of such phenomenon are analyzed. Based on the text of in-depth interviews, a semantic differential space for an empirical assessment of socio-inclusiveness is constructed.

Keywords: urban sociology; phenomenological analysis; city; urban environment; life-world; inclusiveness; functions and dysfunctions of inclusiveness; socio-inclusive potential of urban environment.

Введение

Одной из важнейших функций городской среды является объединение (*communication*) – превращение разрозненной атомизированной массы горожан в единое целое, в активного социального

субъекта, обладающего коллективным сознанием и идентичностью. В этом смысле город можно сравнить со сложным живым организмом, способным к самоорганизации, адаптации и развитию,

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Социально-инклюзивная городская среда как социологическая категория: возможности интерпретации и оценки. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;1:102–109.

For citation:

Lebedeva EV. Socio-inclusive potential of urban environment as a sociological category: perspectives of interpretation and assessment. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;1:102–109. Russian.

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

«клетками» которого являются отдельные индивиды (горожане) и их группы (городские сообщества). Основой здорового существования любого живого организма является наличие связи и взаимоподдержки между всеми его элементами. Следовательно, для здорового существования города необходимы многочисленные коммуникации и кооперации между всеми субъектами городской жизни. Коммуникация при этом рассматривается не как простой обмен информацией между коммуникатором и реципиентом, а как сложное, комплексное, разноплановое социально-информационное взаимодействие. «Предпосылкой к коммуникации является наличие отношений между кем-либо и кем-либо, возникновение связи и, далее, взаимодействие на основе этих отношений» [1, с. 21]. Коммуникация проявляется во взаимном влиянии различных объектов друг на друга, их соединении, распаде, переходе одного в другой и т. д. В этом смысле коммуникация «выполняет формирующую функцию, создает и репрезентирует жизненный мир» [2], характеризует процессы конструирования городской социальности. На практике реализация функции объединения иллюстрирует то, как именно город влияет на характер и содержание отношений между людьми (способствует или препятствует осуществлению социального взаимодействия, стимулирует кооперацию или конкуренцию и т. д.).

Еще в начале прошлого века тему одиночества и изоляции в условиях большого города озвучил Г. Зиммель в своем знаменитом эссе «Большие города и духовная жизнь» [3]. В городе доминируют отношения полезности, межличностное общение приобретает утилитарный характер, индивиды постепенно утрачивают чувство участия, характерное для интегрированных (сельских) сообществ. Несколько десятилетий спустя представитель чикагской школы Льюис Вирт резюмировал мысль о том, что именно в большом городе наиболее радикально трансформировалась человеческая среда обитания: «Помимо подрыва традиционных основ социальной солидарности и замены первичных контактов вторичными, урбанизму присущи такие черты, как ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства» [4, с. 115]. К концу XX в. эти мысли окончательно оформились в концепцию кризиса публичности, поразившего современные большие города, существующие в условиях *liquid modernity*: горожанин становится исключительно мобильным и не обременяет себя длительными обязательствами [5], испытывает перманентную боязнь *Другого*, вследствие чего максимально избегает контактов с незнакомцами [6], а также предпочитает воображаемые сообщества реальным [7]. Естественный отбор и сегрегация в мегаполисах могут пойти так далеко, что единственной формой взаимодействия между его жителями будет конкуренция как бес-

конечное стремление найти (отвоевать) свое место в социальной конфигурации города.

Город, используя доступные ресурсы, старается преодолеть кризис публичности (помним, что коммуникация и кооперация являются непреложными условиями его существования). Чаще всего в роли объединяющего ресурса выступают городские публичные пространства – открытые, подходящие для встреч незнакомых людей друг с другом городские территории, которые берут на себя функцию локаций, используемых для осуществления коммуникаций (сцена для социального действия). В том или ином ракурсе проблематика публичного пространства довольно часто выступает в роли предмета исследования, как в изучении западных (например, И. Гоффман [8], Л. Лофланд [6], Р. Сеннет [9], Р. Ольденбург [10]), так и постсоветских городов (например, В. Вахштайн [11], А. Желнина [12], Е. Тыканова [13]). Несмотря на очевидную популярность этой темы в социальных науках, анализ функциональной специфики городского публичного пространства (в частности, его инклюзивного потенциала) значительно менее популярен. Исходя из этого, статья нацелена на решение следующих задач: 1) дать интерпретацию понятия «инклюзия» в контексте городских исследований; 2) на основе текстов глубинных интервью выделить условия и факторы, способствующие созданию социально-инклюзивной городской среды; 3) описать барьеры и препятствия в реализации социально-инклюзивного потенциала города (инклюзивные дисфункции).

Теоретической основой исследования выступили представления о производстве пространства Анри Лефевра [14], теорема дуальности социальных структур Э. Гидденса [15], а также некоторые положения структурного функционализма Р. Мертона (в частности, его представления о функциях и дисфункциях) [16]. Интерпретация собранного эмпирического материала осуществлялась с применением феноменологического метода Альфреда Шюца [17] и этнометодологии Гарольда Гарфинкеля [18]. Представим краткую характеристику методологии исследования.

Городская среда представляет собой функциональное единство различных культурных форм, репрезентированных как в территориальном (физическом), так и в пространственном (социальном) выражении. Ее устойчивость (гомеостаз) зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. При этом исходной точкой выступает физическая пространственная организация города, которая создает особый тип социальных практик, утилизирующих и преобразующих его материальное тело. Преобразование городской территории способно сформировать новые социальные практики, привести к появлению новых форм городской жизни. Прослеживается и обратная связь, когда «новые»

социальные практики меняют «старую» городскую территорию. Согласно Гидденсу, в повседневном взаимодействии индивиды руководствуются как дискурсивным (рассудочным, понятийным), так и практическим (нерефлексивным), возникающим в ответ на привычную ситуацию сознанием [15, с. 93–94]. К примеру, доступная городская среда способна сделать видимыми маломобильных горожан (людей в инвалидных колясках, пожилого возраста, с грудными детьми и пр.). Их постоянное присутствие в границах публичного пространства становится привычным для всех, воспринимается как норма, снижает уровень нетерпимости (когда индивид комфортно чувствует себя исключительно в окружении похожих на него людей), способствует профилактике так называемого стереотипного дискриминационного мышления (установки на то, что определенные действия подходят либо не подходят определенным людям), формирует ценности взаимоуважения и равенства. Эти ценности, в свою очередь, поддерживают устойчивость городской среды (т. е. делают ее более комфортной и доступной). Такое становится возможным в силу способности акторов (в данном случае горожан) к рационализации и рефлексии своих действий. При этом горожанин не является пленником сложившихся социальных структур, поскольку жизненный мир постоянно создается и воссоздается индивидами в ходе их повседневного взаимодействия друг с другом, а также с окружающей средой, зависит от их сознания и интерпретаций [17]. Общее понимание индивидами социальной жизни приходит не только извне, через принятие общих

культурных норм («как все делают»), оно может конструироваться изнутри, на основе собственной практической рациональности («как подсказывает интуиция»). Гарфинкель называет это локальным производством общественного порядка [18]. Следовательно, горожанин – это не только потребитель городских благ и услуг, но и активный источник развития города.

Исходя из этого, общая стратегия данного исследования представляет собой **феноменологическую редукцию**: 1) обнаружение исходного значимого (разделяемого субъектом, но не независимого от него); 2) фиксацию естественной установки (непосредственного отношения субъекта к жизненному миру); 3) анализ-реконструкцию возможных согласований (пониманий), достигаемых субъектами в интересующем взаимодействии.

Эмпирическим материалом статьи стали тексты глубинных интервью (всего 25), собранные в трех белорусских и трех российских городах (Минск, Бобруйск, Гродно; Санкт-Петербург, Владивосток и Комсомольск-на-Амуре). Отбор информантов осуществлялся с учетом имеющихся представлений о трех базовых функциях городской среды (объединение, восстановление и развитие [19]). Исходя из этого, были обозначены три сферы для рекрутинга респондентов: досуг и отдых, здоровье и безопасность, образование и развитие. В ходе интервью информантам предлагалось описать дружественную либо недружественную городскую среду (с указанием конкретных случаев дружественности/недружественности), а также обозначить свою роль (роль других субъектов) в ее создании.

Обсуждение и результаты

Город – это всегда результат коллективных усилий и во многом компромисс, коммуникация и кооперация являются базовыми принципами его существования. Льюис Мамфорд метафорически называет город, утративший свою социокультурную сущность, некрополисом, или «городом, превратившимся в пустую раковину» [20, р. 291]. Концентрация на собственных интересах и ценность приватности, свойственные большим городам, формируют принципиально новый тип горожанина, предпочитающего виртуальный мир реальному. «Косвенно или напрямую игнорируя социальную среду повседневности, которая влияет на социализацию индивида, его жизнедеятельность и мироощущение, человечество рискует замкнуться на “микрокосмосах”, существующих в псевдо-реальности и замкнутых социальных группах» [21, с. 486]. И наоборот: устойчивый город – тот, в котором социальная жизнь максимально разнообразна и интенсивна. Иными словами, городская среда должна быть достаточно инклюзивна для того, чтобы вовлекать в производство пространства большинство городских жителей.

Социальная инклюзия определяется как «совокупность процессов по обеспечению равных прав, возможностей и шансов индивидов / социальных групп на доступ к ресурсам, полноценную жизнь и участие в жизни общества вне зависимости от гендерных, возрастных, социально-статусных, образовательных, национальных, конфессиональных, медицинских и иных идентификационных признаков и особенностей» [22, с. 1]. В этом смысле инклюзивный город нацелен на преодоление различных проявлений маргинализации, изоляции, джентрификации и неравенства в самом широком смысле этого слова. Однако в прикладных исследованиях городской среды обычно под инклюзией понимается исключительно доступность базовых городских ресурсов (как правило, для людей с ограниченной мобильностью). Современные же социологические концепции трактуют данный термин значительно шире. Социально-инклюзивный потенциал города понимается, как способность городской среды формировать определенную городскую идентичность [23], обеспечивать возможность коммуникации между разнородными индивидами и группами [10],

развивать у горожан толерантность, терпимость, межкультурную компетентность [6]. Несмотря на разностороннюю направленность, большинство существующих определений характеризуют лишь внешнюю сторону инклюзии (как заданное свойство городской среды, ее видимые качества, делающие город доступным для большинства – «город для всех») и ничего не говорят об инклюзии внутренней, субъективном восприятии доступности городской среды, возможности реализовать свое право на город («город для меня»).

Для того чтобы провести границу между «городом для всех» и «городом для меня», городская среда должна быть представлена как жизненный мир. Подобная редукция представляется вполне оправданной, поскольку Альфред Шюц напрямую сравнивает жизненный мир с городом. По аналогии с городом жизненный мир находится в тесном сосуществовании с объективной физической реальностью (природным миром), кроме того, восприятие как города, так и жизненного мира отталкивается от определенного центра – нулевой точки координат (например, от главной городской площади или же собственного дома). Любое ориентирование в городе происходит в зависимости от выбранной точки центра («далеко от главной площади», «далеко от моего дома»), как и ориентирование в жизненном мире осуществляется в зависимости от значимого центра (человеческого Я) – «каждый из нас... оказывается в центре окружающего его социального космоса» [17, с. 75]. Понимая жизненный мир как «синтез деятельности людей, поведения и условий, в которых оно реализуется» [24, с. 7], «мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности» [24, с. 8], на эмпирическом этапе исследования категория «инклюзивный город» была заменена на категорию «дружественный город»¹. Вопросы, задаваемые информантам, можно условно объединить в две большие группы: «Что такое дружественный/недружественный город – в целом и для меня лично?»; «Что нужно делать для того, чтобы города были дружественными – все в целом и я лично?». Соответственно, интерпретация полученных ответов сводилась к реконструкции смыслового наполнения двух плоскостей жизненного мира горожанина: «Как я ощущаю инклюзивный город» и «Как я создаю инклюзивный город».

Тексты глубинных интервью позволили обозначить три ключевых смысла городской инклюзии:

1) отсутствие значимых физических и социальных барьеров (*Важно иметь возможность устанавливать контакты друг с другом, хотя бы зрительные, когда контакты налажены, будет и совместная активность, но контакт всегда первичен*²);

2) презумпция доверия как основа городской жизни (*Если между горожанами нет доверия, если все друг друга боятся, то и взаимодействия тоже не будет*);

3) наличие практики бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории (*Когда территория не занята постоянно какой-то определенной группой, а меняется, подстраивается под нужды и запросы разных людей*).

Исходя из выделенных смыслов, социально-инклюзивная городская среда должна оцениваться в ракурсе выполнения следующих подфункций: коммуникативной, собственно инклюзивной, а также организационно-креативной³.

Рассмотрим их содержание подробнее.

Коммуникативная подфункция характеризует влияние различных элементов городской среды на интенсивность, структуру и содержание городских социальных интеракций. Данная подфункция позволяет судить о преимущественной направленности взаимодействия горожан друг с другом (преобладание кооперации или конкуренции), об их включенности в жизнь локальных сообществ, об общем уровне доверия горожан друг к другу, а также о наличии определенной территориальной идентичности (*Я-образа*). Эффективность реализации коммуникативной подфункции городской среды зависит от следующих факторов: 1) наличие городских территорий, подходящих для взаимодействия горожан друг с другом («сцен для социального действия» [9]), 2) осознание общности интересов как повода для взаимодействия; 3) наличие механизмов внешнего структурирования такого взаимодействия посредством формулировки его задач (например, с использованием городской событийности).

Инклюзивная подфункция характеризует степень открытости городской среды для всех категорий горожан, независимо от их демографических характеристик, материальных возможностей, национальной и конфессиональной принадлежности, а также для индивидов, имеющих особые потребности и (или) находящихся в особой ситуации. Применительно к городской среде социальную инклюзию следует понимать как отсутствие дискриминации, неуважения, равнодушия и безразличия горожан друг к другу, удовлетворение соци-

¹Понятие «дружественность» придает эмоциональную окраску достаточно формальному термину «инклюзивность», позволяет «очеловечить» образ города («город как мой друг»).

²Здесь и далее курсивом обозначены цитаты из экспертных интервью.

³Как составных частей более общей функции объединения [19].

альной потребности быть включенными в группу, возможность социальной адаптации и интеграции горожан на основе определенной территориальной идентичности. Иными словами, говоря о социально-инклюзивной городской среде, мы подразумеваем реализацию права на город, т. е. возможность различных групп людей быть видимыми в городе, полноценно использовать его ресурсы.

Инклюзивная городская среда включает в себя три ключевых аспекта:

1) **социальная безопасность** – отсутствие страха или неприязни к незнакомцам и/или людям, внешне отличающимся от большинства⁴ (*Нужно относиться к ограничениям других людей достойно, не проявляя агрессии или неудовольствия, не смотреть на них с жалостью, а воспринимать как равных*);

2) **свободная мобильность** – удобство и безопасность перемещения по городу, возможность полноценно пользоваться его инфраструктурой (мобильность оценивается по трем направлениям: 1) как пешеходная доступность городской среды; 2) как возможность удобно, быстро и безопасно перемещаться по городу на личном или общественном транспорте; 3) как простота навигации на городских улицах;

3) **вариативность территории** (внедрение принципа пространств-трансформеров) – возможность параллельного или последовательного использования городской территории разными социальными группами, разнонаправленное событийное наполнение одной и той же территории (*Кто-то любит быстро двигаться, а кому-то надо сесть передохнуть под деревом каждые несколько минут пути, город должен уметь подстроиться под каждого; Никакая территория не должна быть постоянно занята одной и той же группой, она должна меняться и адаптироваться под интересы разных людей, под разные события*).

Организационно-креативная подфункция характеризует степень участия горожан в общественной жизни, в создании и преобразовании городских мест, а также общую активность городских локальных сообществ (*Когда горожане ощущают себя собственниками не только своей квартиры, но и своего дома, своего района, своего микрорайона*).

Организационно-креативная роль городской среды заключается в том, что она предлагает простые и доступные механизмы участия в городской жизни, в преобразовании городской территории. Спектр таких механизмов может быть крайне широким, начиная от непосредственного преобразования своего жилого двора (*Важно еще в детстве позволить ребенку клумбу свою посадить во дворе;*

Можно привлекать детей для преобразования городской территории с помощью конкурсов на лучший школьный двор) и заканчивая участием в принятии решений, касающихся жизни всего города (*Если горожанам предлагают не один какой-то готовый проект, а несколько различных вариантов развития территории, если они могут сравнивать, обсуждать и голосовать, то у них формируется понимание того, почему приняты те или иные решения, более того, они чувствуют свою причастность к таким решениям*). Системное и комплексное использование таких механизмов участия (*place-making*) является значимым фактором, определяющим социально-инклюзивный потенциал города, так как повышает способность горожан к самоорганизации, их активность и инициативность, стремление к самосовершенствованию через преобразование окружающей среды, формирует и закрепляет ценности ответственности и вовлеченности. В таких условиях инклюзивность становится общей задачей для каждого, а не абстрактным требованием к тому, кто сверху.

По результатам глубинных интервью, низкий социально-инклюзивный потенциал городской среды (недружественность города) воспринимается информантами как:

- ограниченные возможности для свободной мобильности – барьеры и препятствия, затрудненное самостоятельное передвижение маломобильных горожан (*Эти ужасные ступеньки; Подземный переход – это просто катастрофа; Метро у нас крайне недружественный транспорт для людей с детскими колясками*), сложности с навигацией (*невозможно что-либо найти, сориентироваться, даже если знаешь адрес*), неэффективная работа системы общественного транспорта (*Без машины никак не добраться*);

- упадок городского публичного пространства, его запустение, отсутствие возможности проводить досуг в границах городской среды (*После окончания рабочего дня улицы пустеют, все по домам сидят; надо очень сильно напрячься, чтобы придумать, куда бы это сходить; После работы пойти некуда, можно только у себя в квартире устроить праздник, а снаружи нет жизни никакой вообще*);

- различные проявления сегрегации, боязнь чужака, настороженное отношение к представителям меньшинств, незнакомцам, людям, оказавшимся в сложной ситуации, преобладание конкуренции и борьбы за ресурсы (*У прохожих ничего нельзя спросить, они сразу же от тебя шарахаются; Общество боится присутствия на виду других, не похожих на большинство; Кто сильнее и быстрее – тот и прав, тот и в выигрыше*);

⁴Зачастую корни боязни незнакомцев растут из детства. Проведенные исследования показывают [25], что детей на городских улицах больше всего пугают именно другие люди. В зарубежных работах этот страх получил название *danger-stranger*.

• пассивная толерантность, концентрация на частных проблемах и равнодушие к общегородским, отсутствие участия и сопереживания (*каждый живет в своей квартире, в своем собственном обособленном мире, и ему дела нет до общих проблем города; дорогу спросить не у кого, никто не поможет; ребенок попал в трудную ситуацию на улице: колесо велосипеда застряло в канализационной решетке, а взрослые мимо проходят, никто ничего не замечает*);

• излишняя коммерциализация городского публичного пространства, когда оно становится не по карману для определенных (часто многочисленных) категорий горожан (*Все очень дорого, на выходных с детьми куда-либо выбраться проблематично; В городе не хватает мест, в которых можно было бы круглый год проводить время бесплатно, ну, или почти бесплатно*), преобладание развлекательных функций городской среды, перекося в сторону потребительских практик (*Крупный торговый центр – это одно из главных мест для досуга в городе, подростки постоянно там тусуются; Люди практически не участвуют в организации городских*

событий, они в лучшем случае потребители – пришли, молча посмотрели, что-то купили и по домам разошлись);

• фактическая «приватизация» наиболее значимых городских мест какой-либо одной социальной группой, превращение города в совокупность закрытых клубов для избранных, к которым сложно присоединиться людям со стороны (*Я, вроде бы, могу туда попасть, но не пойду, зная, что там нет моих ровесников; Построили пандусы, а куда и зачем по ним подниматься – не продумали; На детей и молодежь смотрят косо*);

• жесткое и непродуманное зонирование городской территории, когда город как бы «разрезает» общество на части – горожане с детьми и без, молодежь и старики, богатые и бедные (*На детских площадках есть места, где бегать детям, но при этом нигде посидеть родителям или бабушкам-дедушкам*).

Объединив полученные интерпретации в шкалу с полярными характеристиками, можно сконструировать пространство семантического дифференциала для эмпирической оценки степени инклюзивности городской среды (см. таблицу).

Признаки социально-инклюзивной городской среды

Signs of socially-inclusive environment

Социально-инклюзивная городская среда	
Положительное значение признака	Отрицательное значение признака
Достаточное количество городских мест, подходящих для взаимодействия горожан друг с другом	Упадок городского публичного пространства, его недостаточное развитие
Доступные возможности для свободной мобильности в границах городского публичного пространства (в том числе и маломобильных категорий граждан)	Ограниченные возможности для свободной мобильности (наличие барьеров и препятствий, сложности с навигацией, неэффективная работа общественного транспорта)
Отсутствие страха или неприязни к незнакомцам и/или людям, внешне отличающимся от большинства, «презумпция доверия» как основа городской жизни	Сегрегация и изоляция, низкий уровень доверия горожан друг к другу, преобладание конкуренции и борьбы за ресурсы
Осознание горожанами общности интересов как повода для взаимодействия, наличие механизмов внешнего структурирования такого взаимодействия	Пассивная толерантность, отсутствие участия и сопереживания
Вариативность территории, внедрение принципа «пространств-трансформеров», бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории	Фактическая «приватизация» наиболее значимых городских мест какой-либо одной социальной группой, непродуманное зонирование городской территории
Доступные механизмы участия в городской жизни / преобразовании городской территории (как непосредственного, так и косвенного)	Коммерциализация городского публичного пространства, преобладание потребительских практик в структуре городского досуга

Заключение

Проведенное исследование показало, что социально-инклюзивный потенциал города характеризуется не только и не столько созданной в нем безбарьерной средой, но и общей открытостью социального пространства. Помимо отсутствия страха или неприязни к людям, отличающимся от большинства, необходимыми условиями инклюзивности

являются, во-первых, презумпция доверия горожан друг к другу и осознание общности интересов, как основа для взаимодействия; во-вторых, регулярные практики бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории; в-третьих, возможность активно участвовать в создании городских мест и организации город-

ских событий. Социальное проектирование инклюзивной городской среды – процесс достаточно сложный и длительный, требующий, помимо наличия соответствующей инфраструктуры, разработки системной политики, позволяющей эффективно использовать различные интеграционные механизмы и технологии. В то же время, если городская территория удовлетворяет исключительно прагматические потребности жителей, а городское пространство стимулирует сегрегацию и изоляцию (горожане дистанцированы от участия в общественной жизни, от социальных и культурных процессов), это не только губительно действует на городскую социальность, но и ставит под угрозу устойчивость всей городской среды в целом.

К сожалению, стоит отметить, что положительные тенденции в этом отношении связаны исключительно с развитием внешней инфраструктуры

(т. е. с преобразованием городской территории), тогда как преобразование городского пространства (формирование ценностей инклюзивной культуры) все еще находится на начальной стадии. При внешней видимости активного участия в городской жизни, которое часто сводится к посещению разнообразных городских праздников, индивид из субъекта городской социальности все больше превращается в пассивного потребителя городских ресурсов, источник для получения прибыли, и его ценность отождествляется с платежеспособностью. Вместе с тем многочисленный международный опыт свидетельствует о том, что выгоды, которые получает государство, предоставив горожанам равную возможность активного участия в социальных процессах, свободу доступа к объектам социальной инфраструктуры и культурным ценностям, полностью компенсируют произведенные затраты.

Библиографические ссылки

1. Штейнман МА, Антонова ИБ, Клягин СВ, Калмыков АА, Жукова ЕН. *Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова*. Логунов АП, редактор. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
2. Пичугина ОА. Урбанистическое пространство в коммуникативной оптике. *Медиа. Информация. Коммуникация* [Интернет]. 2017 [протитировано 3 декабря 2019 г.]; 21. Доступно по: <http://mic.org.ru/new/645-urbanisticheskoe-prostranstvo-v-kommunikativnoy-optike>.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. *Логос*. 2002;3–4:23–34.
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. В: Вирт Л. *Избранные работы по социологии*. Николаев ВГ, переводчик; Гирко ЛВ, редактор. Москва: ИНИОН РАН; 2005. 244 с.
5. Бауман З. *Текущая современность*. Асочаков ЮВ, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 240 с.
6. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory (communication and social order)*. New Brunswick: Transaction Publishers; 2009. 305 p.
7. Мусиезов А. Город как культурная форма. *Социологическое обозрение*. 2013;12(3):121–136.
8. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. Ковалев АД, переводчик. Москва: КАНОН-пресс-Ц; 2000. 304 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
9. Сеннет Р. *Падение публичного человека*. Исаева О, Рудницкая Е, Софронов В, Чухрукидзе К, переводчики; Чухрукидзе К, редактор. Москва: Логос; 2002. 424 с.
10. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. Широконова А, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 456 с.
11. Вахштайн ВС. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью. *Новое литературное обозрение*. 2013;3:93–110.
12. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 годов. *Stasis*. 2014;2:260–295.
13. Тыканова ЕВ. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;15(3):112–123.
14. Лефевр А. *Производство пространства*. Стаф И, переводчик; Великанова М, Журбина А, редакторы. Москва: StrelkaPress; 2015. 432 с.
15. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. Тюрина И, переводчик. Москва: Академический проект; 2005. 528 с.
16. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Коганова ЗВ, редактор. Москва: АСТ; 2006. 873 с.
17. Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. Николаев ВГ, Ромашко СВ, Смирнова НМ, переводчики; Смирнова НМ, редактор. Москва: РОССПЭН; 2004. 1056 с.
18. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. *Социологическое обозрение*. 2002;2(1):41–69.
19. Лебедева ЕВ, Филипова АГ. Дружественность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:44–53.
20. Mumford L. *The culture of cities*. San Diego: A Harvest / HBI Book; 1970. 586 p.
21. Романова МД. Социальные аспекты публичных пространств советских и постсоветских городов. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2018;1:484–489.
22. Филинская ЛВ, Морозова СА. Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура. *Социология*. 2016;2:45–57.
23. Евстифеев РВ, Задорин ИВ, Крупкин ПЛ. Городские локальные идентичности и потенциал политической социализации. В: Малинова ОЮ, редактор. *Символическая политика. Социальное конструирование пространства. Выпуск 4*. Москва: ИНИОН РАН; 2006. с. 245–259.
24. Тощенко ЖТ. Жизненный мир и его смыслы. *Социологические исследования*. 2016;1:6–17.
25. Филипова АГ. Городская «доброжелательность» к детям: взрослый и детский взгляды (на материалах городов юга Дальнего Востока). *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016;5:58–67.

References

1. Shtejnman MA, Antonova IB, Kliagin SV, Kalmykov AA, Zhukova EN. *Sovremennye kommunikativnye nauki: sotsial'nye praktiki kak sovmestnost' slova* [Modern communicative sciences: social practiced as a world compatibility]. Logunov AP, editor. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
2. Pichugina OA. Cities through the communication lens. *Media. Information. Communication* [Internet]. 2017 [cited 2019 December 3];21. Available from: <http://mic.org.ru/new/645-urbanisticheskoe-prostranstvo-v-kommunikativnoj-optike>. Russian.
3. Simmel G. [The metropolis and mental life]. *Logos*. 2002;3–4:23–34. Russian.
4. Wirth L. Urbanism as a way of life. In: Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected works in sociology]. Girko LV, editor; Nikolaev VG, translator. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2005. 244 p. Russian.
5. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Asochakov YuV, editor. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. Russian.
6. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory (communication and social order)*. New Brunswick: Transaction Publishers; 2009. 305 p.
7. Musiezdov A. The city as a cultural form. *Russian Sociological review*. 2013;12(3):121–136. Russian.
8. Goffman E. *The presentation self in everyday life*. Kovalev AD, translator. Moscow: KANON-press-TS; 2000. 304 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
9. Sennett R. *Padenie publichnogo cheloveka* [The fall of public man]. Isaeva O, Rudnitskaya E, Sofronov V, Chukhruidze K, translators; Chukhruidze K, editor. Moscow: Logos; 2002. 424 p. Russian.
10. Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The great good place. Cafés, coffee shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of a community]. Shirokanova A, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 456 p. Russian.
11. Vakhshain V. The sociology of an architectural object between formal and practical rationality. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013;3:93–110. Russian.
12. Zhelnina A. «Hang-out», creativity and the right to the city: urban public space of Russia before and after the protest wave of 2011–2012. *Stasis*. 2014;2(1):260–295. Russian.
13. Tykanova EV. The influence of urban political regimes on city space contestation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;16(3):112–123. Russian.
14. Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Staf I, translator; Velikanova M, Zhurbina A, editors. Moscow: Strelka Press; 2015. 432 p. Russian.
15. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturalizatsii* [Society Building. Essay on Structural Theory]. Tiurina I, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 528 p. Russian.
16. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Kaganova ZV, editor. Moscow: AST; 2006. 873 p. Russian.
17. Schutz A. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works. A world delightful by meanings]. Nikolay VG, Romashko SV, Smirnova NM, translators; Smirnova NM, editor. Moscow: Political Encyclopedia Publishers; 2004. 1056 p. Russian.
18. Garfinkel H. [The study of the usual foundations of everyday activities]. *Sociological Review*. 2002;2(1):41–69. Russian.
19. Lebedeva EV, Filipova AG. Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:44–53. Russian.
20. Mumford L. *The culture of cities*. San Diego: A Harvest / HBI Book; 1970. 586 p.
21. Romanova MD. Social aspects of public spaces of Soviet and post-Soviet cities. *Social Sciences and Humanities*. 2018; 1:484–489. Russian.
22. Filinskaya LV, Morozova SA. Identification strategies of the Belarusian youth and inclusive culture: vectors and intersections (sociological notes). *Sociology*. 2016;2:45–57. Russian.
23. Evstifeev RV, Zadorin IV, Krupkin PL. Urban local identities and a potential of political solidarity. In: Malinova OYu, editor. *Simvolicheskaya politika. Sotsial'noe konstruirovaniye prostranstva. Vypusk 4* [Symbolic Policy. Social construction of space. Volume 4]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social sciences of the Russian Academy of Sciences; 2016. p. 245–259. Russian.
24. Toschenko IT. [Life-world and its meanings]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;1:6–17. Russian.
25. Filipova AG. «Child-friendliness» of cities: children's and adult's views (based on the cases of Russia's Far East cities). *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2016;5:58–67. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2020.
Received by editorial board 17.01.2020.

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа классических теоретических концепций в области социологии СМИ, а также эмпирических данных социологических исследований выделены актуальные тенденции функционирования современного национального медиапространства. Отмечено формирование у аудитории практик клипового сознания и стереотипизации мышления как формы адаптации к большим информационным потокам. Указанное обстоятельство обусловило перераспределение информационного влияния на аудиторию между традиционными СМИ и сетевыми ресурсами в пользу последних.

Ключевые слова: СМИ; трансформация; информационное поле; медиапотребление; клиповое сознание.

MODERN TRENDS OF FUNCTIONING OF NATIONAL INFORMATION FIELD OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. POSTALOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Based on the analysis of classical theoretical concepts in the field of media sociology and empirical data from sociological studies, current trends in the functioning of modern national media space are highlighted. The formation of the practice of clip consciousness and stereotyping of thinking in the audience as a form of adaptation to voluminous information flows is noted. This circumstance determined the redistribution of informational influence on the audience from traditional media in favour of network resources.

Keywords: mass media; transformation; information field; media consumption; clip consciousness.

Введение

В современных условиях функционирования национального информационного поля медиаконвергенция, как форма воспроизводства и потребления информационного контента, приобретает характер принципиально нового парадигмального вектора развития медиасферы. Стирание структурных границ в типологии СМИ приводит к фактическому размытию границ между профессиональным журналистом и сетевым блогером, жидкокристал-

лическим телевизором и смартфоном, прямой телевизионной трансляцией и технологией *Smooth Streaming* на видеохостинге *Youtube*. Медиаконвергентное состояние информационного поля видоизменяет роль традиционных СМИ (телевидения, газет, радио) в контексте воспроизводства массовой информации и воздействия на аудиторию. Редуцируя понятие «медиаконвергенция», М. Кастельс говорит о мультимедиа, подразумевая ус-

Образец цитирования:

Посталовский АВ. Современные тенденции функционирования национального информационного поля Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:110–118.

For citation:

Postalovsky AV. Modern trends of functioning of national information field of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:110–118. Russian.

Автор:

Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований.

Author:

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); leading researcher at the Centre of Sociological and Political Studies. postalnio@tut.by

ловный «волшебный ящик, который мог бы стоять в нашей гостиной и по нашей команде открывать глобальное окно безграничных возможностей интерактивной связи в видео-, аудио- и текстовых форматах» [1, с. 220]. С научно-теоретической точки зрения наиболее оптимальной дефиницией понятия «мультимедиа» представляется определение, сформулированное А. В. Россошанским. По мнению исследователя, мультимедийный текст – это «комплекс информации разных типов, своеобразный информационный ресурс, включающий в себя и статическую визуальную (текст, графику)

и динамическую информацию разных типов (речь, музыку, видеофрагменты, анимацию), и компьютерное программное и аппаратное обеспечение, с помощью которого становится возможной работа с информацией разных типов» [2, с. 172]. Медиаконвергентный процесс в данном случае обуславливает мультимедийное функционирование источников воспроизводства массовой информации по принципу «мобильной редакции», которая фактически унифицирует и объединяет в себе различные способы создания информационного контента.

Основная часть

Ранее содержание информационного контента, территориальный охват, частота распространения, доступность технических средств получения информации (например, наличие телевизора либо другого устройства) во многом определяли популярность тех или иных СМИ. В данном случае содержательная составляющая информационных материалов обуславливала направление коммуникации в сторону аудитории по принципу «информация – распространение – потребление».

Медиаконвергентное состояние информационного поля привело к тому, что журналисты и профессиональные работники медиасферы перестали быть основными источниками воспроизводства массовой информации. В настоящее время каждый пользователь открытого сетевого пространства, имея возможность мгновенного доступа к любому контенту, способен не только выступать реципиентом исходящих информационных материалов, но и стать источником воспроизводства и распространения информации. Учитывая существующее сегодня многообразие массовой информации, формируемое как традиционными источниками воспроизводства, так и самой аудиторией, а также наличие обратной коммуникативной связи между производителем и потребителем информации (пользовательские комментарии, визуальные инструменты сетевого одобрения в социальных медиа), современное информационное поле характеризуется содержательным переизбытком медиаконтента. Аудитория находится под перманентным воздействием неупорядоченных бесконечных информационных потоков. При этом, ввиду огромных масштабов данного воздействия, потребитель физически неспособен в полном объеме анализировать, воспринимать и фильтровать потоки массовой информации. Описывая указанную тенденцию, Е. Ван Поведская применяет термин «информационная интоксикация», отмечая, что значительное «количество материала делает иногда невозможным его нормальное использование» [3, с. 77].

Проще говоря, в настоящее время информации стало слишком много, при этом мозг и общие фи-

зические возможности ее восприятия у человека примерно такие же, как и 10, 20, 50 лет назад. Технологии воспроизводства и распространения информационного контента постоянно претерпевают содержательные и структурные изменения, тогда как перцептивные психоэмоциональные особенности потребителя информации остаются неизменными. В связи с этим сейчас на первое место выходит не само содержание информации, как было ранее, а аспекты ее восприятия в массовом сознании. Логичным результатом описанного процесса выступает трансформация практик медиапотребления национальной аудитории.

В указанных контекстах немаловажное значение приобретает клиповое сознание как форма восприятия и адаптации индивида к неупорядоченным масштабным информационным потокам. Как отмечает Э. Тоффлер, «на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишенными смысла “клипами”, мгновенными кадрами... по сути, мы живем в “клип-культуре”» [4, с. 271]. Само по себе восприятие информации, простота рефлексии и понимания сути информационного контента становятся определяющими в вопросе изучения востребованности структурных сегментов информационного поля (телевидение, газеты, радио, интернет-ресурсы, социальные сети). Если раньше ключевой категорией востребованности того или иного источника массовой информации было ее содержание, то в настоящее время именно простота восприятия становится основополагающим критерием популярности конкретных сегментов информационного поля, в частности сетевых ресурсов как наиболее адаптивного к реалиям клипового восприятия информации источника.

В социологической теории перцептивные аспекты распространения информационного контента, как индикаторы востребованности традиционных СМИ, рассматривал М. Маклюэн. В качестве примера в своей работе он приводит результаты экс-

перимента в Торонто, когда в течение получаса «четырем случайно набранным группам университетских студентов давалась одновременно одна и та же информация о структуре дописменных языков» [5, с. 355]. В соответствии с заданием эксперимента все группы получали материал по абсолютно разным коммуникативным каналам (телевидение, радиовещание, печатный текст и устная лекция). «Затем, – пишет М. Маклюэн, – каждую попросили ответить на одну и ту же серию контрольных вопросов. Для экспериментаторов стало большим сюрпризом, что студенты, *получившие информацию по телевидению или радио, справились с контрольной работой лучше, чем получившие информацию через лекцию или печать, а телевизионная группа намного превзошла группу радиослушателей*» [5, с. 355]. В данном случае экспериментальным путем показано, что непосредственное содержание информационного контента отходит на второй план, уступая место простоте восприятия информации.

Смещение акцентов с содержания на простоту восприятия во многом способствовало возрастанию спроса потребителей информации на сетевые ресурсы. Пространство сетевого гипертекста в наибольшей степени было адаптировано к клиповому сознанию как форме восприятия информационного контента. Линейное усвоение печатного текста (чтение слева направо) и аналитическая рефлексия стали заметно уступать ситуативному ознакомлению с визуальным контентом на сенсорном экране смартфона, хаотичному передвижению по тематическим хештегам и гиперссылкам в сетевом пространстве. Как отмечает М. И. Кузнецов, «визуальная репрезентация сети в виде гипертекста также делает очевидным такое существенное свойство как нелокализуемость. <...> Даже в случае более чем скромного по объему гипертекста количество всех, в том числе и перекрестных, ссылок его элементов друг на друга настолько велико, что никогда не может быть ни сосчитано, ни представлено каким-либо иным образом. <...> В этом случае мы получаем заведомо искаженную (потому что вырванную из контекста ее непрерывно меняющихся взаимосвязей), но чрезвычайно отчетливую по причине ее статичности (прямо какая-то “моментальная фотография”) картину того или иного фрагмента “реальности”» [6, с. 119]. Ситуативно-хаотичное движение в гипертекстовом пространстве потребителя информации способствует лишь фрагментарному ознакомлению с содержанием, результатом чего выступает «клиповая» рефлексия информационного контента и искаженное в связи с этим восприятие социального факта.

С одной стороны, распространяемые в сетевом пространстве огромные объемы информации максимально облегчены в содержательном плане

и наиболее просты для восприятия. С другой стороны, клиповое сознание в значительной степени нивелировало возможности аналитической рефлексии и критического анализа массовой информации, вследствие чего в настоящее время классическое медиапространство в контексте воспроизводства и распространения информационного контента представляет собой поле «клипов», по Тоффлеру, – набор ярких образов и зачастую дублирующих друг друга кратких сообщений. «Клиповое» наполнение информационного поля формирует феномен стереотипизации сознания – еще одну форму адаптации индивида к большим неупорядоченным потокам информации. «Масса сообщений, – как отмечает Е. В. Петрова, – бесконечным потоком вливается в сознание человека, вызывая в нем чувство сопричастности тем или иным явлениям, принадлежности к определенной общности» [6, с. 268]. В указанных контекстах, как и в случае с клиповым сознанием, непосредственно само содержание информации отходит на вторые-третьи роли, поскольку основополагающим элементом выступает чувство сопричастности и вовлеченности в происходящее. Для потребителя информации приоритетным является выбор, какую сторону принять и к какому кругу «сопричастных» присоединиться, а не аналитическое восприятие текста. Множественность информационных потоков обуславливает установку на занятие определенной («ведь так думает абсолютное большинство таких же, как я») позиции в отношении информационной интерпретации происходящих событий, создавая благодатную почву для воздействия технологий манипулирования общественным мнением. Указанная тенденция, а именно трансформация практик медиапотребления, формируется во многом за счет стереотипизации сознания как формы адаптации аудитории к бесконечным неупорядоченным потокам информации. Результатом данной трансформации выступает повышение востребованности сетевого пространства и интернета в целом у белорусской аудитории СМИ.

Учитывая описанные выше особенности функционирования информационного поля, простота восприятия и адаптированная версия «удобоваримого» информационного контента существенным образом видоизменили повседневные практики воспроизводства массовой информации. Так, простота восприятия в данном случае отодвигает на второй план содержание и аналитику, что в значительной мере оказывает влияние и на специфику представления информации профессиональными журналистами. Как отмечает А. А. Градюшко, журналистам в настоящее время «приходится думать об упрощении подачи материала, о придании ему такой структуры, которую пользователю легко усвоить, держа в руке устройство с небольшим экра-

ном» [7, с. 73]. Описанная тенденция нашла отражение в следующей методике воспроизводства информационного контента в контексте клипового сознания аудитории: «Фотографии размещаются на всю ширину колонки. Текст разбивается на смысловые блоки. Читатель способен сохранять концентрацию внимания сравнительно недолго. В среднем это 1000–1300 знаков, или три небольших абзаца. Длина самого абзаца часто не превышает 5–7 строк. Выделяются цитаты, врезки. <...> Видеоматериалы сопровождаются титрами, так как не каждый читатель будет включать аудиосопровождение (находясь, например, среди других людей). Длительность видео не превышает двух минут» [7, с. 74]. Характеризуя общую тенденцию развития современных СМИ, Е. А. Малеина выделяет следующие стратегии информационной политики СМИ в сетевом пространстве: «публикация кратких информационных заметок в лентах новостей; увеличение количества визуальной информации; тяготение к телевизионному формату; сочетание всех видов информации на одной странице (публикация текста, сопровождаемая картинкой и звуковым файлом)» [8, с. 368]. Повседневные практики искусственного упрощения содержания информационного контента в полной мере коррелируют с формами адаптации аудитории СМИ к массовым информационным потокам, выступая объективной реакцией источников воспроизводства и распространения информации на клиповое сознание и стереотипизацию мышления.

Рассмотрев общие тенденции современного развития информационного поля в контексте социологической теории, обратимся к эмпирическим результатам медиаизмерений национальной аудитории с точки зрения востребованности основных источников массовой информации. Социологическое исследование особенностей функционирования национального информационного поля проводилось Центром социологических и политических исследований БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь в рамках НИР «Разработка комплекса технологий и инструментов оперативного реагирования на формирующиеся вызовы и угрозы в медиапространстве Республики Беларусь» (№ ГР 20181934).

Информационное поле в данном случае – это динамика медиапотребления, формируемая, с одной стороны, развитием технологий и инструментов распространения информации, а с другой – особенностями восприятия и реакции на событийную информацию. Это понятие является амбивалентной теоретической категорией, поскольку в равной степени учитываются медийные предпочтения, регулируемые спросом на конкретные источники информации, и восприятие как форма усвоения информационного контента.

В период востребованности традиционных СМИ, в частности печатных изданий, потребитель информации, знакомясь с материалом публикации, усваивал его по принципу «слева направо», читая текст по указанному алгоритму. В настоящее время формирование у аудитории клипового сознания способствует тому, что на смену традиционному линейному восприятию текста приходит ориентация на гиперссылки, тематические хештеги и прочие формы визуального распространения и продвижения информационного контента в сетевом онлайн-пространстве.

В связи с этим информационное воздействие, как результат деятельности субъектов национального информационного поля (телевидение, радио, печатные СМИ, интернет-ресурсы, социальные сети), представляется формой влияния на сознание индивида, осуществляемого с применением ресурса СМИ с последующим дополнением содержания уже сформировавшихся оценок, мнений, убеждений, реакций. Информационное воздействие – не просто деятельность по трансляции событийно-новостного контента, это еще и результат индивидуального восприятия, который структурирован в личностном сознании вследствие активного потребления массовой информации [9, с. 26–28].

Структуру информационного поля определяет динамика информационного воздействия пяти основных сегментов, в число которых, наряду с традиционными СМИ, т. е. телевидением, радио и газетами, входят интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы) и средства сетевой виртуальной коммуникации. Схематично расстановка приоритетов аудитории белорусского информационного поля представлена на рис. 1.

Согласно приведенным на рис. 1 данным, наиболее востребованными каналами получения информации любой тематики являются телевидение и интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы). Указанная тенденция говорит о доминировании аудиовизуальных СМИ и сетевого новостного контента.

По вопросам политики и культуры наиболее востребованным каналом получения информации выступает телевидение, по вопросам экологии – интернет (сайты, новостные порталы). С точки зрения расстановки приоритетов аудитории в отношении проблем экономики достигнуто равенство между телевизионным и сетевым сегментами информационного поля – впервые за многолетний период медиаизмерений (с 2003 по 2019 г.).

Телевидение и интернет (сайты, новостные порталы) – наиболее простые и доступные в плане восприятия информационные ресурсы, которые продолжают доказывать свою востребованность в контексте адаптации аудитории к большим информационным потокам. Согласно данным мас-

сового опроса населения в 2019 г., фактически именно эти два равнозначных по степени информационного воздействия на аудиторию сегмента составляют структуру национального информационного поля (рис. 2). Позиции печатных СМИ значительно ниже, тем не менее газеты по-прежнему

используются аудиторией как источник получения массовой информации. Показатели радио являются самыми низкими за весь период проведения социологических исследований белорусского информационного поля по заданию Министерства информации Республики Беларусь.

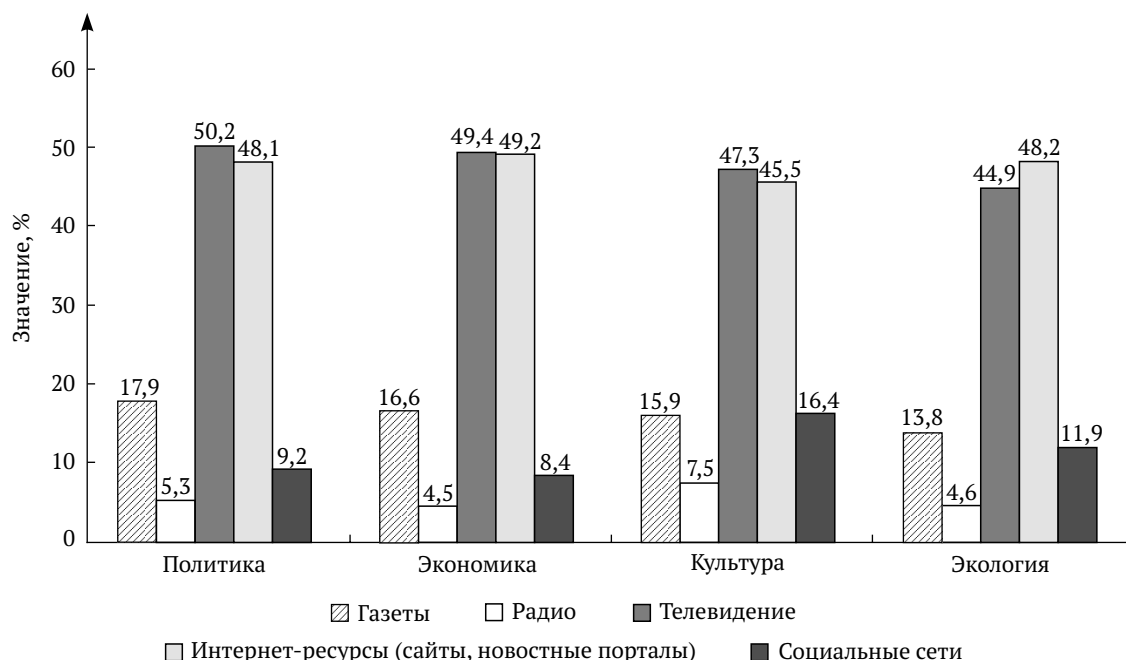

Рис. 1. Приоритеты белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массовой информации в 2019 г.

Fig. 1. Priorities of the Belarusian media audience in choosing the main sources of mass information in 2019

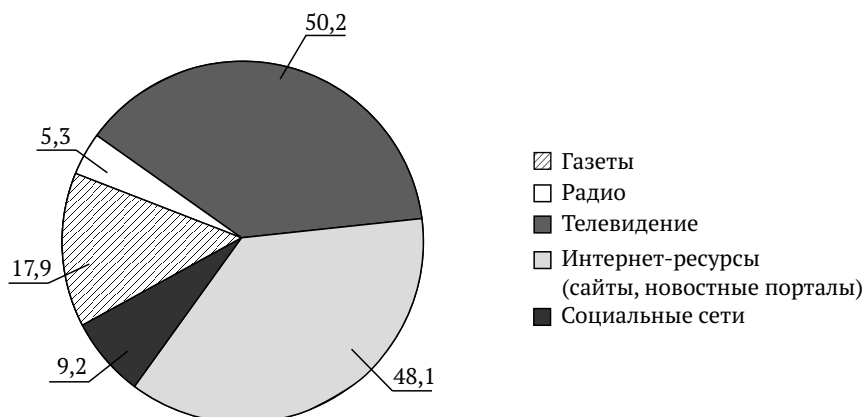

Рис. 2. Доля основных источников получения общественно-политической информации в 2019 г., %

Fig. 2. The share of the main sources of socio-political information in 2019, %

В табл. 1 представлены ответы респондентов в разрезе возрастных групп. Печатные СМИ в наибольшей степени востребованы среди аудитории 60 лет и старше. Аналогичная тенденция сохраняется и в телевизионном сегменте информационного поля: указанный источник информации ис-

пользуют 22,2 % молодых людей в возрасте 18–29 лет, тогда как среди аудитории 60 лет и старше этот показатель составляет 75,1 %.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что телевидение продолжает занимать лидирующие позиции в отечественном информа-

ционном поле во многом благодаря высокой востребованности телевизионного контента среди представителей среднего и старшего поколений. В отношении интернета наблюдается прямо противоположная тенденция: общие показатели вос-

требованности формируются преимущественно за счет молодежи.

Картина изменения приоритетов аудитории национального информационного поля в 2003–2019 гг. представлена на рис. 3.

Таблица 1

Доля основных источников получения общественно-политической информации в 2019 г. в разрезе возрастных групп, %

Table 1

The share of the main sources of socio-political information in 2019 by age group, %

Источники информации	Возраст аудитории, лет			
	18–29	30–44	45–59	60 и более
Газеты	5,7	8,3	19,7	36,8
Радио	1,7	3,2	6,1	9,9
Телевидение	22,2	43,1	57,6	75,1
Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы)	74,8	64,8	42,8	12,6
Социальные сети	21,7	9,1	6,1	1,2

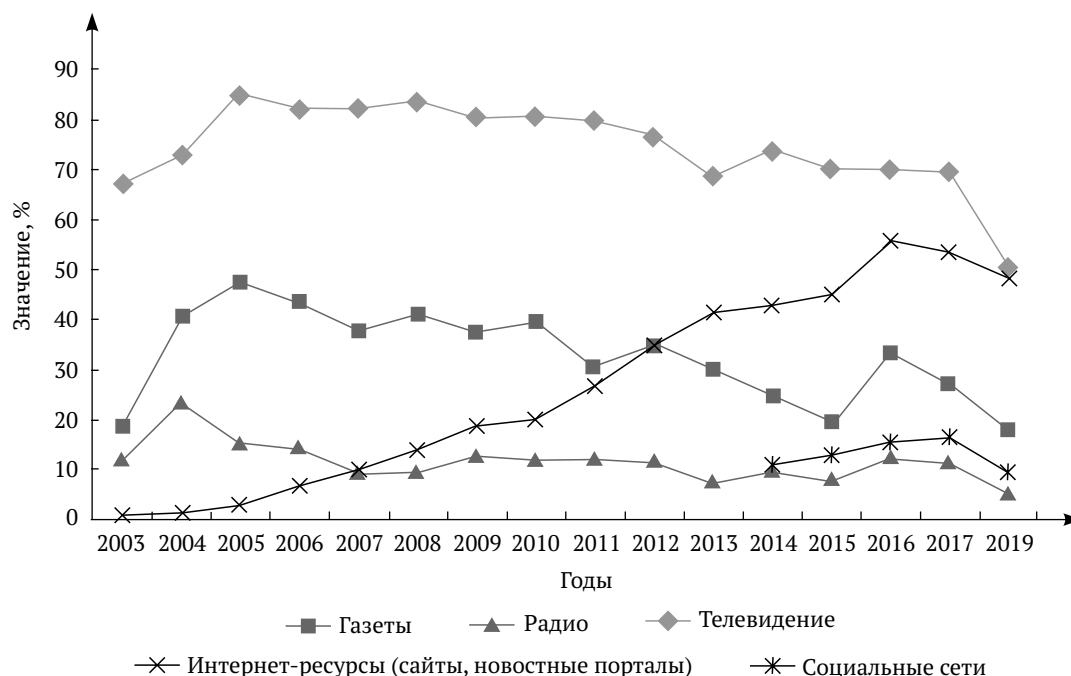

Рис. 3. Динамика приоритетов аудитории относительно структурных сегментов информационного поля в 2003–2019 гг. (общественно-политическая тематика)

Fig. 3. The dynamics of the priorities of the audience relative to the structural segments of the information field in 2003–2019 (socio-political issues)

Исходя из полученных социологических данных, именно в 2019 г. достигнуто условное равновесие в расстановке приоритетов национальной аудитории в отношении источников получения информации. Полная содержательная эмпирическая динамика предпочтений аудитории в 2003–2019 гг. представлена в табл. 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях дигитализации информационной сферы происходит перераспределение информационного воздействия и востребованности каналов получения массовой информации: если раньше телевидение долгое время являлось доминирующим сегментом национального информационного поля, то

в современных условиях, согласно данным опроса населения в 2019 г., телевидение и интернет (сайты, новостные порталы) выступают в качестве равнозначных источников получения информации. Традиционные СМИ сохраняют свои позиции во многом благодаря представителям средней и стар-

шей возрастных групп потребителей информации, в то время как увеличивающаяся востребованность интернета обусловлена молодежным сегментом национальной аудитории.

Общая структура медиапотребления белорусской молодежи представлена на рис. 4.

Таблица 2

Динамика приоритетов белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения общественно-политической информации, %

Table 2

Dynamics of the priorities of the Belarusian media audience in choosing the main sources of socio-political information, %

Источники информации	Годы															
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2019
Газеты	18,5	40,4	47,6	43,2	37,6	41,0	37,1	39,6	30,2	34,8	29,7	24,7	19,6	33,4	27,1	17,9
Радио	11,7	23,4	14,9	14,0	9,4	9,3	12,7	11,7	12,0	11,1	7,1	9,4	7,7	12,6	11,2	5,3
Телевидение	67,0	73,0	85,3	82,1	82,2	83,5	80,2	80,6	79,6	76,6	68,6	73,7	69,9	70,1	69,6	50,2
Интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы)	0,7	1,3	2,7	6,6	9,8	13,8	18,7	20,1	26,7	34,9	41,2	42,8	44,9	55,6	53,2	48,1
Социальные сети	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15,2	16,2	9,2

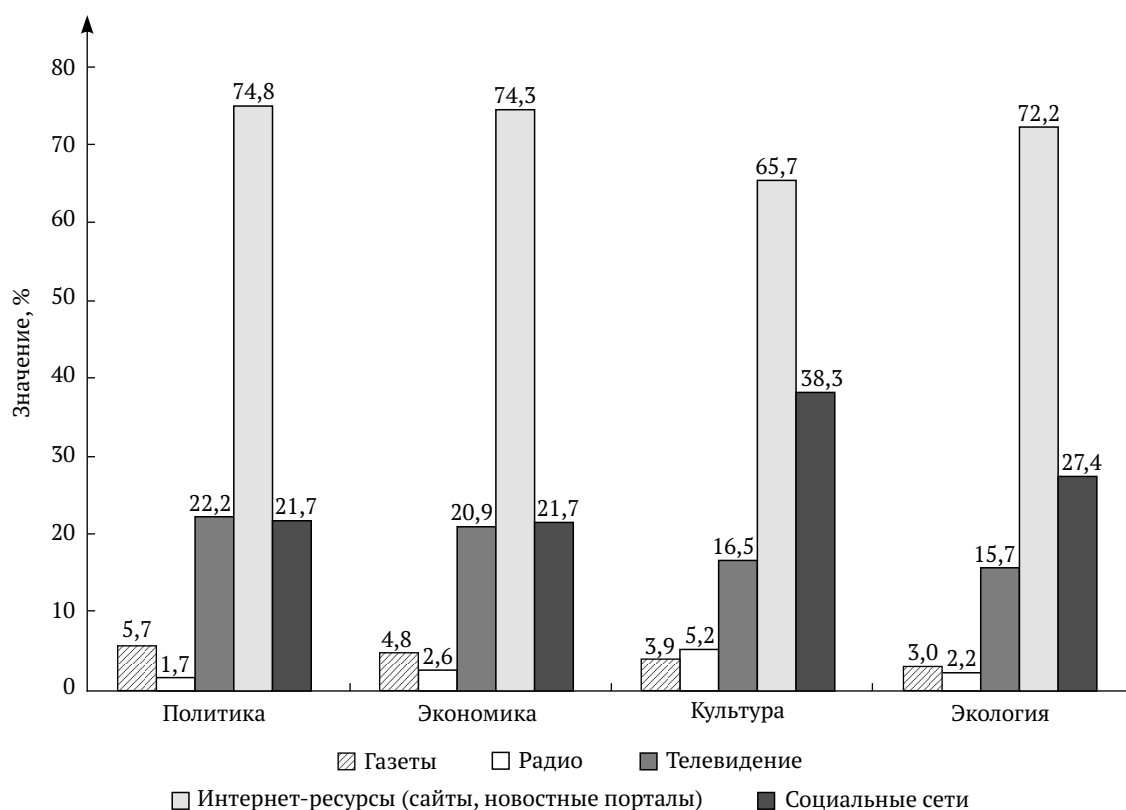

Рис. 4. Медиапотребление белорусской молодежи в 2019 г.

Fig. 4. Media consumption of Belarusian youth in 2019

Доминирующим источником информации в молодежном сегменте аудитории национального информационного поля являются сетевые ресурсы,

что позволяет сделать вывод о невысокой степени воздействия на сознание и поведенческие установки молодежи со стороны традиционных СМИ.

Основными каналами формирования общественного молодежного мнения выступают сайты и новостные порталы. В данном случае это главный источник получения информации по всем актуальным тематическим направлениям среди молодежи. Немаловажную роль играют также социальные

сети, используемые представителями молодежной группы для коммуникативных целей, а именно межличностного сетевого общения и досуга. На рис. 5 отражена тенденция абсолютного доминирования сетевых ресурсов как каналов формирования имиджевых оценок и медиапотребления в целом.

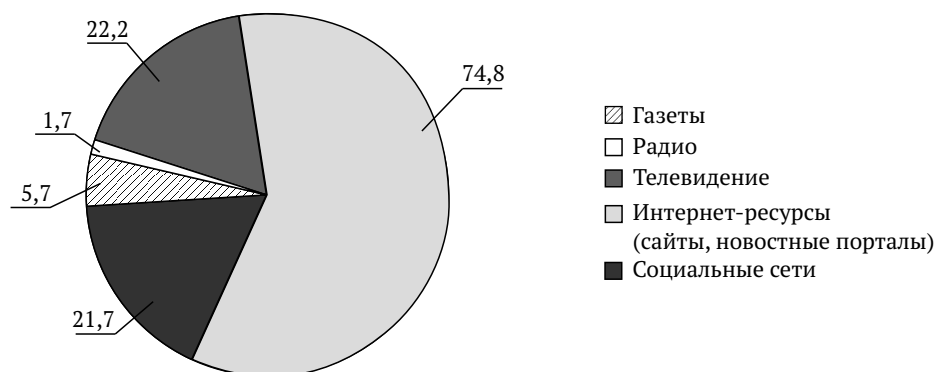

Рис. 5. Приоритеты белорусской молодежной аудитории СМИ в выборе основных источников получения общественно-политической информации в 2019 г., %

Fig. 5. Priorities of the Belarusian youth media audience in choosing the main sources of socio-political information in 2019, %

Заключение

Важное значение имеют перцептивные аспекты восприятия информационного контента. Молодежь усваивает массовую информацию посредством сформированного клипового сознания. Указанный феномен представляет собой форму адаптации индивида к неупорядоченным бесконечным информационным потокам. В настоящее время индивид, в частности молодое поколение, функционирует в пространстве распространяемой в значительных масштабах информации, и мозг в данном случае даже гипотетически неспособен справляться с такими объемами медиапотребления, вследствие чего молодежь практически не занимается аналитической фильтрацией информации, выбирая либо развлекательный контент, либо те материалы, которые подаются в максимально простых для восприятия форматах. Указанное обстоятельство по своей сути не выступает

позитивным или негативным явлением. Фактически это абсолютно естественная ситуация для сформировавшегося медиапотребления в контексте медиаконвергенции информационной сферы. Полученные эмпирические результаты в полной мере отражают состояние пространства «клипов», по Тоффлеру, и общие процессы оптимизации информационного контента в пользу упрощения и обеспечения легкости восприятия. Формирующаяся тенденция, в свою очередь, оказала существенное влияние и на журналистские практики воспроизводства массовой информации. Простота восприятия материалов современных медиа выступает новым парадигмальным направлением подготовки и распространения информационного контента, приходя на смену аналитической и критической рефлексии в отношении массовой информации.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Матвеев А, переводчик; Харитонов В, редактор. Екатеринбург: У-Фактория; 2004. 328 с.
2. Россошанский АВ. Политические особенности конвергентных медиа. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017;12(5):170–178. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-170-178.
3. Ван Поведская Е, Масейра АД. *Человек и новые информационные технологии: завтра начинается сегодня*. Санкт-Петербург: Речь; 2007. 320 с.
4. Тоффлер Э. *Третья волна*. Москва: АСТ; 2010. 795 с.
5. Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. 3-е издание. Москва: Кучково поле; 2011. 464 с.
6. Алексеева ИЮ, Кузнецов ММ, Рахманкулова НФ, Мансурова ВД, Баева ЛВ, Шклярик ЕН и др. *Информационная эпоха: вызовы человеку*. Алексеева ИЮ, Сидоров АЮ, редакторы. Москва: РОССПЭН; 2010. 335 с.

7. Градюшко АА. Мобильный интернет как фактор трансформации медиасферы Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2017;1:71–77.
8. Малеина ЕА. Культурология медиапространства (интеграция традиционных СМИ и интернета). *Ярославский педагогический вестник*. 2015;5:366–371.
9. Посталовский АВ. *Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение*. Минск: РИВШ; 2019. 236 с.

References

1. Castells M. *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 292 p.
Russian edition: Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve*. Matveev A, translator; Kharitonov V, editor. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 328 p.
2. Rossoshansky AV. Political features of convergent media. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;12(5):170–178. Russian. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-170-178.
3. Van Povedskaya E, Maseira AD. *Chelovek i novye informatsionnye tekhnologii: zavtra nachinaetsya segodnya* [Man and new information technologies: tomorrow begins today]. Saint Petersburg: Rech'; 2007. 320 p. Russian.
4. Toffler A. *The third wave*. New York: William Morrow and Company; 1980. 544 p.
Russian edition: Toffler A. *Tret'ya volna*. Moscow: AST; 2010. 795 p.
5. McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. New York: McGraw-Hill; 1964. 359 p.
Russian edition: McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Nikolaev V, translator. 3rd edition. Moscow: Kuchkovo pole; 2011. 464 p.
6. Alekseeva IYu, Kuznetsov MM, Rakhmankulova NF, Mansurova VD, Baeva LV, Shklyarik EN, et al. *Informatsionnaya epokha: vyzovy cheloveku* [The information era: challenges to a person]. Alekseeva IYu, Sidorov AYU, editors. Moscow: ROSSPEN; 2010. 335 p. Russian.
7. Hradziushka AA. Mobile internet as a factor of transformation of Belarus mediasphere. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*. 2017;1:71–77. Russian.
8. Maleina EA. Culturology of media space (integration of traditional mass media and the Internet). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2015;5:366–371. Russian.
9. Postalovsky AV. *Natsional'noe informatsionnoe pole v kontekste vyzovov i ugroz sovremennogo mira: sotsiologicheskoe izmerenie* [The national information field in the context of challenges and threats of the modern world: the sociological dimension]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019. 236 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.02.2020.
Received by editorial board 04.02.2020.

КАФЕДРА

THE DEPARTMENT

УДК 316.74

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ БГУ

Н. В. КУРИЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены основные направления методической работы кафедры социологии БГУ: разработка и утверждение учебно-программной документации, внедрение дистанционного обучения, использование инновационных подходов и методов к преподаванию учебных дисциплин, участие профессорско-преподавательского состава в научно-методических конференциях, взаимодействие с заказчиками кадров. Отмечено, что важнейшим трендом высшего образования является усиление практикоориентированности подготовки специалистов. Актуализированы вопросы формирования универсальных и профессиональных компетенций студентов учреждений высшего образования.

Ключевые слова: БГУ; кафедра социологии; методическая работа; практикоориентированность образования; компетентностный подход; учебно-программная документация; дистанционное обучение; инновационное обучение; заказчики кадров.

METHODICAL WORK AT THE DEPARTMENT OF SOCIOLOGY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

N. V. KURILOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the main directions of the methodical work at the department of sociology of the Belarusian State University: development and approval of educational program documentation; introduction of distance learning; use of innovative approaches and methods for teaching academic disciplines; participation of the teaching staff in scientific

Образец цитирования:

Курилович НВ. Методическая работа кафедры социологии БГУ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:119–125.

For citation:

Kurilovich NV. Methodical work at the department of sociology of the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:119–125. Russian.

Автор:

Наталья Вячеславовна Курилович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natalia V. Kurilovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
nv_kurilovich@mail.ru

methodical conferences; cooperation with personnel customers. It is noted that the most important trend of higher education is the strengthening of the practice-oriented training of specialists. The issues of formation of universal and professional competences of students in higher education institutions are actualized.

Keywords: Belarusian State University; department of sociology; methodical work; practice-oriented education; competency-based approach; educational program documentation; distance learning; innovative learning; personnel customers.

Вопросам функционирования высшей школы традиционно уделяется серьезное внимание со стороны представителей самых разных наук. Об этом свидетельствует большое количество публикаций, посвященных модернизации высшего образования в Республике Беларусь. В отечественном научном дискурсе общепризнано, что качественная подготовка специалистов с высшим образованием – один из основных факторов инновационного развития белорусского общества. В настоящее время общим трендом белорусской высшей школы является трансформация образовательного процесса в сторону усиления его практикоориентированности.

В мировом образовательном пространстве практикоориентированность связана с внедрением в сферу высшего образования компетентностного подхода, который очень хорошо известен педагогической общественности Беларуси. На государственном уровне данный подход рассматривается как один из основных принципов разработки нового поколения (поколения 3+) образовательных стандартов и учебных планов в нашей республике.

В научной и учебной литературе можно обнаружить многочисленные и весьма разнообразные трактовки популярного ныне термина *компетентность*, однако все существующие дефиниции объединяет признание того, что компетентностный подход – это прежде всего ориентация учебно-воспитательного процесса на образовательные результаты, которые оцениваются через способности обучающегося эффективно применять свои знания, умения и навыки в различных сферах жизнедеятельности. Другими словами, компетентность определяется как демонстрируемая субъектом способность использовать свои знания и умения на практике. Именно поэтому модель образования, основанную на компетентностном подходе, ученые нередко именуют *способностной*.

В целом компетентность субъекта в той или иной сфере формируется на основе круга определенных компетенций, которые трактуются экспертами не просто как набор приобретенных индивидом знаний и умений, но и как накопленный опыт, позволяющий ему успешно решать разного рода задачи в своей профессиональной деятельности. Можно утверждать, что компетенции студентов представляют собой результат операционализации ключевых целей и задач их подготовки в учреждениях высшего образования (УВО). При этом особое значение в определении целей и задач обуче-

ния в высшей школе имеет учет как насущных, так и перспективных потребностей рынка труда.

Из всех возможных систематизаций компетенций наиболее оправданной с логической точки зрения представляется их дифференциация на 2 большие группы: во-первых, универсальные компетенции (их также называют базовыми, ключевыми, надпрофессиональными, надпредметными) и, во-вторых, профессиональные компетенции (их нередко называют специальными, профессионально значимыми, предметно-специализированными) [1, с. 22]. Первая группа компетенций является общей для представителей любых профессий, а вторая, как понятно из самого их названия, отражает специфику каждой из профессий.

Универсальные компетенции выступают базовыми в том смысле, что они необходимы любому современному выпускнику УВО. По оценкам экспертов, в ближайшие полтора-два десятилетия наиболее востребованными универсальными компетенциями будут инновационность (креативность), системное мышление, навыки эффективной коммуникации и быстрого принятия решений при высокой степени неопределенности, умение управлять проектами и работать в коллективах и др. [2, с. 6].

Следует подчеркнуть, что в условиях развития информационного общества работодатели в наибольшей степени заинтересованы в формировании универсальных компетенций специалистов и, конечно, достижении высоких показателей их обучаемости. Действительно, сегодня особую значимость приобретает непрерывность обучения, которая воплощается в концепте *обучение в течение всей жизни* (англ. *lifelong learning*). В XXI в. именно непрерывность обучения становится наиболее адекватной формой адаптации человека к невиданным ранее стремительности перемен и уровню перманентной неопределенности.

Практикоориентированность высшего образования требует совершенствования многих направлений деятельности отечественных УВО, однако принципиально важное значение имеет повышение качества методической работы профессорско-преподавательского состава (ППС). В БГУ методическая работа осуществляется на общеуниверситетском, факультетском и кафедральном уровнях, а также на уровне каждого отдельного преподавателя. Обратимся к рассмотрению основных направлений методической работы кафедры социологии БГУ.

Методическая работа кафедры социологии факультета философии и социальных наук (ФФСН) БГУ осуществляется ее сотрудниками. Принято выделять разные виды методической работы ППС (учебно-методическую, научно-методическую, организационно-методическую), однако в целом все они ориентированы на совершенствование способов и форм организации образовательного процесса.

Во внутренних нормативных документах БГУ подчеркивается теснейшая взаимосвязь между методическим обеспечением образовательного процесса в университете и качеством образования.

**Разработка и утверждение планов и программ по учебным дисциплинам
для специальности 1-23 80 04 «Социология» (2-я ступень высшего образования)
и специальности 1-23 01 05 «Социология» (1-я ступень высшего образования)**

В Республике Беларусь в конце 2018 г. началась работа по проектированию нового поколения образовательных стандартов и учебных планов по специальностям высшего образования 2-й ступени (магистратура). Для реализации содержания образовательной программы высшего образования 2-й ступени авторским коллективом под руководством заведующего кафедрой социологии БГУ А. Н. Данилова были разработаны типовой учебный план по специальности 1-23 80 04 «Социология» (утвержден Министерством образования Республики Беларусь 21 марта 2019 г., № Е23-2-004/пр.-тип.) и учебный план БГУ по данной специальности (утвержден ректором БГУ 11 апреля 2019 г., № Е23-087/уч.). В БГУ с 2019/20 учебного года срок подготовки магистров по указанной выше специальности составляет 1 год. При этом предусмотрена исключительно дневная форма обучения.

К началу 2019/20 учебного года кафедрой социологии на основе образовательного стандарта и учебного плана БГУ по специальности 1-23 80 04 «Социология» (магистратура) были разработаны и утверждены учебные программы по 13 учебным дисциплинам, распределенным по 5 модулям. Кратко охарактеризуем содержание каждого из них. В модуле «Социальные процессы в переходном обществе» представлены 2 учебные дисциплины государственного компонента: «Социология трансформационных процессов в переходном обществе» (составитель – профессор А. Н. Данилов) и «Белорусское общество в переходный период» (составитель – профессор А. В. Рубанов). Остальные четыре модуля объединяют дисциплины компонента УВО. В модуле «Методология социологических исследований» представлены три учебные дисциплины: «Новые методы социологических исследований»

Следовательно, под методической работой кафедры можно понимать ее деятельность, направленную на повышение качества образовательного процесса в УВО. В Кодексе Республики Беларусь об образовании качество образования определяется как «соответствие образования требованиям образовательного стандарта, учебно-программной документации соответствующей образовательной программы»¹. В связи с этим очевидно, что краеугольным камнем в методической работе кафедры УВО выступает разработка учебно-программной документации. Представим основные достижения кафедры социологии БГУ в этой области.

(составитель – профессор Е. Е. Кучко), «Взаимодействие социологии и статистики» (составитель – профессор Е. А. Кечина) и «Социология повседневности» (составитель – доцент Т. В. Бурак). Модуль «Перспективные направления социологической теории» содержит две учебные дисциплины: «Новые направления развития социальной теории» (составитель – профессор Л. Г. Титаренко) и «Социальное моделирование и проектирование» (составитель – профессор О. В. Кобяк). Модуль «Управление социальными процессами» объединяет четыре учебные дисциплины: «Развитие социологии управления» (составитель – профессор Е. Е. Кучко), «Социология массового поведения» (составитель – профессор А. В. Рубанов), «Демографическая безопасность» (составитель – профессор Е. А. Кечина) и «Религиозный фактор в управлении» (составители – доцент М. Г. Волнистая и профессор Д. К. Безнюк). Последний модуль – «Социологические исследования социальной сферы» – включает в себя дисциплины по выбору, к которым в текущем учебном году относятся две учебные дисциплины: «Гендерные исследования» (составитель – профессор Л. Г. Титаренко) и «Исследования цифрового общества» (составитель – профессор А. В. Рубанов).

Ежегодно на первом в учебном году заседании кафедры социологии пересматриваются действующие программы по преподаваемым учебным дисциплинам. При необходимости разработчики вносят в данные программы дополнения и изменения, которые одобряются на заседании кафедры и утверждаются деканом ФФСН. Кафедрой социологии на регулярной основе разрабатываются и утверждаются программы по новым учебным дисциплинам 1-й ступени высшего образования. Так, в 2019 г. были разработаны и утверждены учеб-

¹Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk1100243 (дата обращения: 09.12.2019).

ные программы «Социология организаций» (составитель программы – профессор О. В. Кобяк); «Социология молодежи» (составитель – доцент А. А. Похомова), «Методы многомерного анализа социологических данных» (составитель – доцент А. А. Белов) и др. Кроме того, в случае появления

в нагрузке преподавателей кафедры социологии новых учебных дисциплин для других специальностей БГУ программы по этим учебным дисциплинам разрабатываются и утверждаются в сроки, предусмотренные нормативными документами.

Разработка и утверждение программы вступительных испытаний для поступающих на 2-ю ступень высшего образования (магистратура) по специальности 1-23 80 04 «Социология» и программы комплексного государственного экзамена по специальности 1-23 01 05 «Социология» (1-я ступень высшего образования)

В 2019 г. кафедрой социологии были разработаны и утверждены программа вступительных испытаний для поступающих в магистратуру и программа комплексного государственного экзамена для выпускников 1-й ступени высшего образования. Названные программы объединяет устная форма проведения экзамена, а также выделение в их содержании теоретической и практической частей. Последнее означает, что помимо теоретических вопросов в экзаменационных билетах сформулированы задания, выполнение которых позволяет комиссии оценить, как сдающие экзамен применяют свои знания и навыки для решения конкретных практических задач.

Экзаменационный билет для поступающих в магистратуру по специальности 1-23 80 04 «Социология» состоит из теоретической части по 2 разделам: «История социологии» и «Теоретическая социология» (60 вопросов), а также практической части по разделу «Методология и методы социологического исследования» (30 творческих заданий)². При оценке ответа лиц, поступающих в магистратуру, положительной считается отметка не ниже 6 баллов по 10-балльной шкале.

Экзаменационный билет для сдающих комплексный государственный экзамен по специальности 1-23 01 05 «Социология» состоит из теоретической части по учебным дисциплинам «История

социологии», «Социология управления», «Теоретическая социология», «Социология брака и семьи», «Социология личности», «Социология общественного мнения», «Экономическая социология», «Социология культуры», «Социология политики» и «Социология науки» (60 вопросов), а также практической части по учебным дисциплинам «Методология и методы социологического исследования», «Социальная и экономическая статистика» и «Демография» (30 ситуационных заданий)³. При оценке ответа студента в ходе итоговой аттестации положительной считается отметка не ниже 4 баллов по 10-балльной шкале.

В целом программы вступительных испытаний для поступающих на 2-ю ступень высшего образования и комплексного государственного экзамена для выпускников 1-й ступени высшего образования носят системный характер и ориентированы на выявление компетенций специалиста с высшим образованием. Вместе с тем ключевой проблемой в данном случае выступает определение степени адекватности оценочных средств, используемых при проведении указанных выше экзаменов, компетенциям выпускников УВО. С методической точки зрения актуализируется вопрос о практикоориентированности заданий, которые разрабатываются ППС кафедры социологии для формирования фонда оценочных средств.

Внедрение дистанционного обучения на 1-й и 2-й ступенях высшего образования

В настоящее время кафедра социологии осуществляет методическую работу в контексте активного внедрения дистанционных образовательных технологий в БГУ. Широкое применение технологий онлайн-обучения в БГУ «рассматривается в первую очередь как инструмент в работе над усовершенствованием образовательного процесса»

[3, с. 6]. В феврале 2019 г. приказом ректора было утверждено Положение об использовании электронных средств обучения в БГУ⁴. Именно этот документ регулирует учебную деятельность по вопросам дистанционного обучения (ДО) в университете.

В текущем учебном году преподаватели кафедры социологии реализуют ДО для студентов днев-

²Программа вступительных испытаний (основной экзамен) для поступающих на II ступень высшего образования (магистратура) : спец. 1-23 80 04 «Социология» / сост. А. Н. Данилов [и др.] ; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2019. 26 с. Пер. № УД-003-02-19-2/уч. [протитировано 9 декабря 2019 г.]. 28 с. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/229753>.

³Программа комплексного государственного экзамена [Электронный ресурс] : спец. 1-23 01 05 «Социология» / сост. А. Н. Данилов [и др.] ; Белорус. гос. ун-т Минск, 2019. 34 с. Пер. № УД-7301/уч. от 27.09.2019 г. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/235059>.

⁴Положение об использовании электронных средств обучения в БГУ : утв. приказом ректора БГУ от 5 марта 2019 г. № 100-ОД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intranet.bsu/cit/moodle/Положение.doc>.

ной формы обучения на 1-й и 2-й ступенях высшего образования. Так, для студентов 2, 3 и 4-го курсов специальности 1-23 01 05 «Социология» рабочими учебными планами предусмотрено проведение занятий с применением ДО по 3 учебным дисциплинам: «Демография» (4 ч управляемой самостоятельной работы (УСР) и 10 ч семинаров); «Социальная и экономическая статистика» (8 ч УСР); «Социология общественного мнения» (2 ч лекций и 2 ч семинаров). Таким образом, всего на ДО на 1-й ступени высшего образования отведено 26 ч.

Рассмотрим ситуацию с ДО на 2-й ступени высшего образования. В настоящее время в магистратуре БГУ до 40 % аудиторных занятий переведено на дистанционную форму обучения. Составители учебных программ в пояснительной записке и учебно-методической карте учебной дисциплины в обязательном порядке указывают, какие занятия проводятся с применением ДО. Для организации таких занятий в локальной сети БГУ создан образовательный портал на базе известной во всем мире системы управления обучением под названием Moodle (от англ. *modular object-oriented dynamic learning environment* – модульная объектно ориентированная динамическая среда обучения).

В соответствии с рабочими учебными планами на 2019/20 учебный год на изучение 13 учебных дисциплин 2-й ступени высшего образования отведено 600 аудиторных часов, из них 228 ч занятий в форме ДО (в том числе лекций – 116 ч и семинаров – 112 ч). Кроме того, согласно учебному плану 2017 г. ППС кафедры социологии проводят занятия для магистрантов второго года обучения. На эти занятия в 2019/20 учебном году рабочими учебными планами отведено 400 аудиторных часов, из них 160 ч занятий в форме ДО (в том числе лекций – 84 ч и семинаров – 76 ч). Следовательно, в текущем учебном году на 2-й ступени высшего образования с применением ДО на кафедре социологии БГУ проводятся в общей сложности 388 ч занятий. Согласимся, что это весьма внушительная цифра, за которой стоят колоссальные временные затраты ППС, связанные с необходимостью до начала преподавания учебных дисциплин разработать и разместить на образовательном портале БГУ соответствующий электронный образовательный контент (учебные программы, практические и теоретиче-

ские материалы по учебным дисциплинам, задания для текущей аттестации обучающихся и др.), а в последующем осуществлять администрирование учебных дисциплин, консультирование обучающихся, проверку заданий и т. д. К слову, нагрузка некоторых преподавателей кафедры социологии БГУ предполагает, что им приходится выполнять столь трудоемкие виды деятельности отнюдь не по одной, а как минимум по двум-трем учебным дисциплинам.

Использование электронных средств обучения в БГУ не ограничивается только перечисленными выше трудностями. Не стоит забывать и о том, что внедрению электронного обучения препятствует недостаточность технической оснащенности учебного заведения, а также социально-психологическая неготовность преподавателей и студентов к взаимодействию, реализуемому посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Например, преподаватели могут негативно воспринимать ДО «из-за отсутствия необходимых навыков работы с ИКТ, из-за осознания неполноты своей компетентности в области дидактики, из-за неуверенности в защите прав своей интеллектуальной собственности, из-за нежелания изменять привычный режим взаимодействия с обучающимися, из-за элементарного дефицита информации по организационно-методическим вопросам электронного обучения, из-за банальной нехватки времени, обусловленной загруженностью научно-исследовательской и (или) организационно-воспитательной работой, из-за убежденности в негативном влиянии ИКТ на учебный процесс и т. д.» [4, с. 54].

Следует также обратить внимание на то, что активное внедрение ДО требует от преподавателя отказа от традиционной роли транслятора учебного материала и принятия пока еще не совсем привычной для него роли менеджера учебной деятельности студентов. В связи с этим весьма дискуссионным остается вопрос о том, насколько мотивированно и компетентно преподаватели могут использовать ИКТ для управления познавательной деятельностью студентов в УВО. Кроме того, открытым остается вопрос о том, насколько востребовано ДО в среде студентов дневной формы обучения.

Использование инновационных подходов и методов, применяемых к преподаванию учебных дисциплин на 1-й и 2-й ступенях высшего образования

Особое значение в методической работе кафедры УВО имеет повышение профессионального мастерства ППС, что, в свою очередь, предполагает активное использование им инновационных подходов и методов, применяемых к преподаванию учебных дисциплин.

Как известно, с 2018 г. в БГУ осуществляется апробация эвристической модели обучения, ключевым элементом содержания которой выступают открытые эвристические задания, основанные на творческой самореализации студентов и не имеющие так называемых правильных ответов. В этой

связи был создан единственный в своем роде отечественный информационный ресурс «Межвузовский портал. Методология, содержание, практика креативного образования»⁵, автором которого является ректор БГУ А. Д. Король. На этой открытой интернет-площадке преподаватели УВО Республики Беларусь имеют возможность поделиться своим опытом внедрения в образовательный процесс открытых эвристических заданий для студентов.

Хотелось бы отметить, что ППС кафедры социологии БГУ также внес свой вклад в разработку эвристических заданий для обучающихся на 2-й ступени высшего образования. Так, в текущем учебном году эвристический подход при организации образовательного процесса в магистратуре используется профессорами Е. А. Кечиной, Е. Е. Кучко, Л. Г. Титаренко, доцентом Т. В. Бурак и др.

В целом преподаватели кафедры социологии активно обращаются не только к эвристическим, но и к другим инновационным подходам и методам, применяемым к преподаванию учебных дисциплин на 1-й и 2-й ступенях высшего образования, например: практико-ориентированный подход, методы проектного и группового обучения, мето-

ды учебной дискуссии и деловой игры, кейс-метод (метод анализа конкретных ситуаций), методы и приемы критического мышления.

Следует подчеркнуть, что в макетах учебных программ БГУ по учебным дисциплинам 1-й и 2-й ступеней предусматривается, что составитель программы в разделе «Информационно-методическая часть» в обязательном порядке указывает используемые им в образовательном процессе инновационные подходы к преподаванию учебной дисциплины. Кроме того, в этом же разделе программы непременно присутствует детализированное описание рекомендуемых средств диагностики компетенций студентов. В данном случае преподаватель должен выделить четкие критерии оценивания тех видов учебной деятельности, которые зафиксированы в учебно-методической карте учебной дисциплины (например, эссе, проекты, тематические презентации, открытое эвристическое задание и др.). Необходимо признать, что для нового макета учебных программ БГУ, который был разработан учебно-методической лабораторией инноваций в образовании в феврале 2019 г., характерна акцентуация вопросов методического обеспечения учебных дисциплин.

Участие ППС кафедры социологии в работе ежегодных научно-методических конференций ФФСН БГУ

Одним из направлений методической работы кафедры социологии выступает участие ее ППС в научно-методических конференциях, которые ежегодно проводятся на ФФСН БГУ. Организатором данных мероприятий является учебно-методическая комиссия ФФСН (председатель – доцент О. В. Курбачева).

Тематика научных конференций ФФСН отражает актуальнейшие проблемы учебно-методического обеспечения образовательного процесса в БГУ. К 2019 г. на факультете было проведено 16 научно-методических конференций. Приведем их названия за последние 5 лет: «Креативные компоненты подготовки специалистов 2-й ступени высшего образования» (2019); «Взаимодействие преподавателей и студентов в современной коммуникационной среде» (2018); «Система менеджмента качества и качество преподавания» (2017); «Междисциплинарность как стратегия образовательного процесса на ФФСН» (2016); «Взаимосвязь научно-исследовательской деятельности и педагогического процесса в высшей школе» (2015).

По итогам научно-методических конференций ФФСН издаются сборники материалов, которые размещаются в Электронной библиотеке БГУ. Следует отметить, что кафедра социологии старается активно участвовать в работе факультетских научно-методических конференций. Так, в сборник материалов конференции, состоявшейся 27 марта 2019 г., были включены работы профессора кафедры социологии Л. Г. Титаренко, доцентов Н. В. Курилович и Т. В. Щелковой, магистранта Н. Ю. Плешко, аспиранта И. В. Миронцова.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что научно-методические конференции ФФСН БГУ – это не просто добрая традиция, возникшая благодаря усилиям профессора И. Л. Зеленковой (первого председателя факультетской учебно-методической комиссии), но и прекрасная площадка для обсуждения преподавателями ФФСН насущных вопросов учебно-методического обеспечения образовательного процесса в университете. К сожалению, приходится констатировать, что немало преподавателей проявляют недостаточную активность в такого рода обсуждениях.

Работа кафедры социологии с организациями – заказчиками кадров

Обеспечение практикоориентированности высшего образования невозможно представить без осуществления мероприятий по взаимодействию УВО с организациями, выступающими в роли за-

казчиков кадров. Как известно, с 1 сентября 2018 г. БГУ участвует в реализации экспериментального проекта «Совершенствование деятельности учреждений высшего образования на основе модели

⁵Методология, содержание, практика креативного образования [межвуз. портал]. URL: <https://www.didact.bsu.by>.

«Университет 3.0». В связи с этим вопросы тесного сотрудничества университета с заказчиками кадров максимально актуализируются. На кафедральном уровне каждый учебный год разрабатываются и реализуются планы мероприятий по взаимодействию с заказчиками кадров.

Кафедра социологии большое внимание уделяет привлечению высококвалифицированных специалистов-практиков, представляющих организации – заказчики кадров, к осуществлению педагогической деятельности в университете. Так, ведущие сотрудники Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Республиканского института высшей школы, Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, Центра социологических и политических исследований БГУ приглашаются для проведения лекций и семинарских занятий для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология». Кроме того, специалисты из организаций – заказчиков кадров выступают в роли рецензентов программ по учебным дисциплинам, которые преподаются ППС кафедры на 1-й и 2-й ступенях высшего образования.

В 2019/20 учебном году на базе Института социологии Национальной академии наук Беларуси осуществляется деятельность филиала кафедры социологии ФФСН БГУ. Утвержденным планом работы данного филиала предусматривается участие сотрудников Института социологии и кафедры социологии БГУ в совместных конференциях, круглых столах и семинарах; выпуск учебных и научных изданий; проведение совместных исследований; согласование тематики магистерских диссертаций, курсовых и дипломных работ; предоставление Ин-

ституту социологии базы для прохождения студентами практик и др.

К настоящему времени взаимодействие с заказчиками кадров представляется одним из важнейших направлений работы кафедры социологии в силу того, что оно напрямую связано с ключевыми составляющими подготовки специалистов с высшим образованием.

В заключение отметим, что в современных условиях методическая работа кафедры становится одним из важнейших критериев оценки качества ее деятельности. В последние годы наблюдается усиление контроля над учебно-методическим обеспечением образовательного процесса в БГУ. Об этом свидетельствует рост различных форм отчетности, которые приходится заполнять ППС в течение учебного года, а также практически постоянные проверки деятельности кафедры. В частности, 20 ноября 2019 г. кафедра социологии БГУ успешно прошла внеочередной внутренний аудит системы менеджмента качества. Основными объектами проверки стали программы учебных дисциплин 1-й и 2-й ступеней высшего образования, программы госэкзамена и вступительных испытаний для поступающих в магистратуру, ведомости текущей успеваемости студентов, протоколы заседаний кафедры, журнал взаимопосещений занятий ППС, индивидуальные планы, а также заполняемые преподавателями карточки учета проведенных занятий и консультаций. Разумеется, никто не станет отрицать необходимость проведения подобного рода проверок на регулярной основе, однако вызывает серьезные сомнения целесообразность постоянного увеличения документооборота, связанного с деятельностью кафедры.

Библиографические ссылки

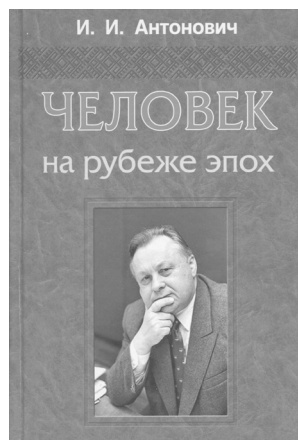
1. Гаврилюк ВВ, Сорокин ГГ, Фарахутдинов ШФ. *Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу*. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет; 2009. 244 с.
2. Лукша П, Лукша К, Песков Д, Корочин Д. *Атлас новых профессий* [Интернет]. Москва: Сколково; 2014 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. 168 с. Доступно по: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf.
3. Король АД, Чуприс ОИ, Морозова НИ. Методология, содержание и практика реализации инновационного образования в БГУ в контексте Университета 3.0. *Высшая школа*. 2018;6:3–7.
4. Курилович НВ. Преподаватель как организатор учебной деятельности студентов в образовательной среде современного вуза. В: Гигин ВФ, редактор. *Инновационные подходы и креативные компоненты обучения социально-гуманитарным дисциплинам в высшей школе* [Интернет]. Минск: БГУ; 2019 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. с. 47–56. Доступно по: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234261>.

References

1. Gavriluk VV, Sorokin GG, Farakhutdinov ShF. *Funktsional'naya negramotnost' v usloviyakh perekhoda k informatsionnomu obshchestvu* [Functional illiteracy in the transition to the information society]. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi neftegazovyi universitet; 2009. 244 p. Russian.
2. Luksha P, Luksha K, Peskov D, Korochin D. *Atlas novykh professii* [Atlas of new professions] [Internet]. Moscow: Skolkovo; 2014 [cited 2019 December 10]. 168 p. Available from: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf. Russian.
3. Korol AD, Chupris OI, Morozova NI. [Methodology, content and practice of innovative education in BSU in the context of The University 3.0]. *Vysheishaya shkola*. 2018;6:3–7. Russian.
4. Kurilovich NV. [Teacher as an organizer of educational activities of students in the educational environment of a modern university]. In: Gigin VF, editor. *Innovatsionnye podkhody i kreativnye komponenty obucheniya sotsial'no-gumanitarnym distsiplinam v vysshei shkole* [Innovative approaches and creative components of teaching social and humanitarian disciplines in higher education] [Internet]. Minsk: Belarusian State University; 2019 [cited 2019 December 10]. p. 47–56. Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234261>. Russian.

Антонович И. И. Человек на рубеже эпох. Вызовы и риски бесполюсного мира. Минск : Книжный дом, 2019. 352 с.

Antonovich I. I. The human at the turn of the century. The challenges and risks of a nonpolar world. Minsk : Knizhnyi dom, 2019. 352 p.

Книга получилась необычной. Автор, профессор Иван Иванович Антонович, органично соединил под одной обложкой мемуарно-публицистический и научно-популярный жанры. Мне новая книга И. И. Антоновича понравилась. В ней интересно раскрывается суть важнейших геополитических процессов XX–XXI вв. через личное восприятие, свидетельства автора. А ка-

кой Иван Иванович прекрасный рассказчик, и говорить не приходится.

Автор рецензируемой книги действительно не нуждается в представлении. Профессор И. И. Антонович хорошо известен в Беларуси. Пройдя большой жизненный путь, Иван Иванович обстоятельно и глубоко анализирует прожитое, размышляет над вызовами и рисками, которые, собственно, и выстраивают новый миропорядок. За плечами у И. И. Антоновича годы работы на ответственных постах в партийной системе СССР. После распада Советского Союза он вернулся в родную страну и стал министром иностранных дел Республики Беларусь. Иван Иванович был свидетелем и участником первых шагов белорусской независимости, принимал участие в первой президентской избирательной кампании. Всю жизнь И. И. Антонович занимается политической аналитикой, научной работой, много пишет, любит и высоко ценит белорусскую культуру.

Теперь о структуре книги. Начинается разговор с личного – с мемуаров «Человек на рубеже эпох». После интереснейшего погружения в свою жизнь и образного изложения ее трудностей автор заключает: «Сегодня написано столь много разного рода “обличительных” признаний некоторых деятелей культуры о том, как их давили и угнетали в советскую эпоху, что просто жизненно необходимо сказать правду. Правда состоит в том, что в период с 1945 по 1991 г. белорусская культура (литература, искусство, живопись, кинематография) переживали бурный взлет» (с. 35). Написано честно о ситуации в правящей партии, о личной позиции, о позоре, который пришлось пережить, когда разгоряченная толпа под угрозы, свист и улюлюканье изгоняла из здания ЦК КПСС на Старой площади: «Автору пришлось пережить трагические минуты падения вниз с довольно большой политической высоты. О том, как изменилась для него жизнь, стало ясно на следующий день после 23 августа 1991 г. За ним было установлено наружное наблюдение, которое не скрывало, а даже как-то демонстрировало свои функции, телефон прослушивали, его стали вызывать в прокуратуру, задавая вопросы, где и когда он поддерживал ГКЧП» (с. 52–53). Автор делает неутешительный вывод: «...система получила то, что заслужила. Можно ли было ее спасти? Да, можно. Нужно было предпринять колоссальный по интенсивности план преобразования экономики, умело задействуя частнопредпринимательскую инициативу, коррелируясь с государственными потребностями. Иначе говоря, повторить ленинскую НЭП в новых условиях... Не получилось» (с. 53–54).

Далее И. И. Антонович рассматривает положение дел в странах – основных игроках на мировых подмостках: треугольник *США – Китай – Россия*. Сегодня они строители нового миропорядка. Первый раздел этой главы так и называется: «США – сверхдержава – в период упадка». Автор пишет: «Американское общество является сегодня не самым благополучным, но самым могущественным в мире,

ибо имеет более чем вековую стратегию использования всей совокупности своих преимуществ для реализации успешной геополитики, а также опыт компенсации своих недостатков путем активного использования демократических процедур анализа, критики ситуации, смены лидеров, находившихся у власти, противостояния программ и активной политической конкуренции. Несомненно, со значимой долей своих проблем Соединенные Штаты сумеют справиться в обозримом будущем. Однако в будущем это окажется скорее всего не главное государство мира, а лишь одно из группы могущественных государств, согласие между которыми является условием успешной реализации программ глобализации» (с. 119).

Второй раздел «Становящаяся вторая сверхдержава» посвящен Китаю: «То, что китайцы сегодня распродают не богатства своих недр, а труд сотен миллионов своих граждан и умеют организовать это производство без крупных тормозящих кризисов и экономических депрессий, рождает мощную всемирную динамику, из которой следует уважение к Китаю и потребность изучения его опыта» (с. 143). «Китайские программы превосходят личностные амбиции лидеров и ориентируются не на конкретные даты, а на длительную историческую перспективу. Китай скромно обозначает себя развивающейся страной» (с. 157).

Третий раздел логичен – он о России. Здесь автор сумел в относительно небольшом тексте высказать свою любовь, признательность и одновременно все, что наболело за время его исследований. Поражают глубина и знание реального положения дел на местах во всех сферах жизнедеятельности россиян. Вывод: Россия возвращается, и сегодня «решающую роль в разрешении конфликтных и кризисных ситуаций по-прежнему играют ведущие мировые государства. Их сегодня три – США, Россия и Китай. Их движение навстречу друг другу – объективная потребность их национальных интересов. От их сотрудничества напрямую зависят судьбы мира и благополучие глобальной цивилизации» (с. 184).

Красной нитью через всю книгу проходит анализ внешней политики Республики Беларусь. Ей посвящена отдельная глава «Беларусь в глобальном мире», где автор рассматривает страну в историческом и политическом контексте постмодерна, затрагивая БССР – советский проект – и более детально останавливаясь на внешнеполитической стратегии суверенной Беларуси.

Заключительная глава «Конфликтность и неустойчивость глобального мира» содержит самые интересные и яркие оценки, отклики автора на важнейшие события, происходящие в мировой политике. Здесь и глобальный финансовый кризис, и перестройка системы геополитического равновесия, и украинская трагедия, и Ближний Восток: трудный путь в эпоху постмодернизма, коррупция и демократия, «конец истории», начало новой эпохи, интервью автора белорусским СМИ на самые злободневные темы.

Обобщая прочитанное, отмечу прекрасный стиль изложения материала, высокий профессионализм автора и четкость его позиции. В заключении И. И. Антонович пишет: «Эмоции страсти, определявшие человеческую жизнь как на индивидуальном, так и на общественном уровне, остаются прежними со времен Сенеки и Шекспира: “Мир во зле лежит”. В мире постоянно противодействуют силы добра и зла, попеременно одерживают победу то одна, то другая группировка. <...> Человек должен исполнять свою земную миссию: добывать пропитание себе и своим близким честным трудом, основать семью, растить детей и этим обеспечивать устойчивость и продолжительность жизни. Стоит помнить, что бесчестие и злость никогда не обладали созидательной силой» (с. 348).

Самых добрых слов заслуживает издательство «Книжный дом» (директор – С. В. Кузьмин), которое создало уникальный дизайн книги и сделало все для того, чтобы читатель получил истинное удовольствие от общения с работой известного автора.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО**

**Zhan Terent'evich
TOSHCHENKO**

В жизни встречается немного людей, о которых говорит одна только фамилия. Ученый-социолог с мировым именем, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор Жан Терентьевич Тощенко из их числа. 3 января он отметил свой 85-летний юбилей. В Беларуси хорошо знают и искренне уважают Жана Терентьевича за его преданность науке и своим идеалам, достижения в социологии, порядочность и бескомпромиссность, редакторский талант.

От имени белорусских социологов всех поколений искренне поздравляем Вас, дорогой Жан Терентьевич! Только как-то не верится, что эти юбилейные цифры относятся к Вам. С тех давних пор, когда мы впервые встретились, Вы совсем не изменились. Все так же по-профессорски задумчивы, немногословны, внешне бодры, по-спортивному подтянуты, спокойны и юношески увлечены любимой наукой. И непременно на Вас берет, легкое пальто или куртка, и неважно, какая погода на улице. Понимаем, что после сибирского периода жизни, морозы Вам нипочем. В Сибири Жан Терентьевич закалился, как сталь...

Внешне спокойный Ж. Т. Тощенко – современный Павка Корчагин с железной силой воли, решительный и убежденный в правильности своих поступков и избранного им жизненного пути. Но, прежде чем выстроить собственную систему миропонимания, он определил ценностные приоритеты в труде, товариществе, дружбе. И теперь никто и ничто не заставит ученого свернуть с этого пути, предать идеалы своей юности.

Жан Терентьевич – человек во многом парадоксальный. Неспешный труженик науки, он прошел непростой путь романтического восприятия жизни, накопил огромный социальный опыт и теперь, твердо став на ноги, выпускает одну за другой книги, каждая из которых наполнена глубочайшим знанием жизни. Содержание и глубина осмысления поднятых ученым проблем очень точно подтверждают статус автора – председателя научного совета при Отделении общественных наук Российской академии наук «Новые явления в общественном сознании и социальной практике».

Все, кто знает Жана Терентьевича, отмечают, что он – человек с характером! Имя революцион-

ное он получил не зря: рано стал самостоятельным, упорным и непокорным. Жан Терентьевич необыкновенно трудолюбив, честен, отзывчив, надежен в дружбе. Талантлив в своем умении работать без надрыва, уважительно и достойно выстраивать отношения с людьми. Сколько он сделал добрых дел, просто не счесть... Вот несколько фактов биографии Жана Терентьевича: с отличием окончил сельскую школу, где помнят его расстрелянного фашистами отца; поступил в ведущий советский университет – МГУ имени М. В. Ломоносова; отверг приглашение в аспирантуру и поехал «за туманом и запахом» тайги на ударную комсомольскую стройку в Сибирь. В 25 лет стал первым секретарем обкома комсомола, а когда начали поступать предложения и дальше двигаться по комсомольско-партийной линии, круто поменял вектор своей жизни и с головой погрузился в новую для многих науку – социологию. Сколько людей сегодня благодарят Жана Терентьевича за участие... Мы из их числа.

Достижения Ж. Т. Тощенко общеизвестны. Он из плеяды первопроходцев возрождающейся советской социологии, разработчиков теоретико-методологических проблем социологической науки, социологии труда и управления, политической социологии, методологической парадигмы социологии жизни, концепций общества травмы, парадоксального человека, кентавр-проблемы, которые во многом позволяют объяснить сложные процессы, происходящие на постсоветском пространстве. Работы Жана Терентьевича – не надуманные умозаключения, а плоды исследовательской практики, большого жизненного опыта, желания понять и объяснить происходящие вокруг перемены. Как настоящий ученый, осмысливая прошлое, познавая настоящее, он необыкновенно строг и внимателен к историческому источнику и пониманию закономерностей.

Создается впечатление, что Жан Терентьевич всегда четко знает, что делает, никогда не тратит время на ненужные споры, он – человек абсолютно неконфликтный, умеющий создавать дружескую рабочую атмосферу. Ж. Т. Тощенко тонко чувствует новое, свежее, рациональное, поддерживает талантливых, одержимых наукой молодых исследователей, даже если их точки зрения на изучаемый предмет не совпадают. И возраст, регалии, статус, былые заслуги здесь ни при чем. Жан Терентьевич – яркий пример русского интеллигента, призвание которого – критическое осмысление происходящего в обществе.

И конечно, необходимо упомянуть детище Ж. Т. Тощенко, его боль и труд, радость служения и восхождения на олимп – академический журнал «Социологические исследования». Издание всегда на острие научного поиска, оно стремится показать все новое, что появляется в теории, социальной практике в стране и мире, но в то же время не потерять накопленные в прошлом знания. В журнале рады материалам от людей с разными взглядами. Требование у главного редактора одно: выводы должны быть обоснованными. Может, именно поэтому журнал, который на протяжении 25 лет беспрерывно возглавлял Жан Терентьевич, стал ведущим периодическим изданием, значительно опередившим по своему научному авторитету многие другие научные журналы не только по социологии, но и по другим социальным наукам.

Профессор Ж. Т. Тощенко – истинный патриот. В его сердце, душе хранится очень глубокая внутренняя вера в победу добра и справедливости, восприятие своей научной жизни как части жизни общества и оценка своей полезности в нравственном и духовном выздоровлении социума.

Примечательны наши недавние предновогодние встречи с Жаном Терентьевичем в Минске. Просто поражают и искренне удивляют его работоспособность, трудолюбие и понимание времени. Он интересен молодежи, его знания, исследования, прогнозы и оценки востребованы аудиторией, новыми поколениями преподавателей, студентов, аспирантов. В свои 85 лет он необыкновенно современен, открыт новому, предлагает актуальные идеи, пути решения остро стоящих проблем, ищет ответы на вызовы времени. Он и сегодня такой же первопроходец, как и полвека назад... Все так же смущается от похвалы, внимателен и сосредоточен.

Считаю подарком судьбы, что однажды мы встретились с этим удивительным человеком, серьезным и ответственным, порядочным и добрым, душевным и равнодушным. Будучи из семьи сельских учителей, он через всю жизнь пронес желание учиться и учить. Спасибо, Жан Терентьевич, за все, что делаете для людей, для нашей социологической науки. Для многих Вы – настоящий Учитель!

Иногда мне кажется, что Вы, дорогой Жан Терентьевич, без недостатков. Видимо, так оно и есть... Я лично в это верю!

Поздравляем с юбилеем! Здоровья Вам, новых книг и талантливых учеников!

А. Н. Данилов

Петр Семенович КАРАКО

Petr Semenovich KARAKO

Петру Семеновичу Карако, известному белорусскому ученому, специалисту в области философии и методологии науки, социальной экологии, доктору философских наук, профессору кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета 8 января исполнилось 80 лет. Трудно даже представить, что за плечами нашего юбиляра почти столетие безупречного труда в стенах родной *alma mater*. Столько довелось ему повидать на своем веку, но никогда Петр Семенович не позволил себе усомниться в правильности избранного пути. Философия и родной университет стали для него судьбой, и поэтому вполне закономерно, что присвоение ему почетного звания заслуженного работника БГУ (2015) стало для ученого высшей наградой за поистине подвижнический труд на ниве науки и образования.

Родился Петр Семенович в д. Сведское Речицкого района Гомельской области в большой трудолюбивой крестьянской семье, где было шестеро детей. Дети в таких семьях рано начинают помогать родителям по дому, приобщаются к работе на земле, уходу за скотом. Так что трудолюбие, крестьянская сметка, удивительная настойчивость и целеустремленность у П. С. Карако с детства. Учеба всегда давалась ему легко, и вполне закономерно, что после окончания школы он решил продолжить обучение в Шанталовском сельскохозяйственном техникуме на Смоленщине. После получения профессии, до призыва на срочную службу, Петр Семенович еще успел несколько месяцев поработать агрономом в колхозе «За Родину» Краснинского района Смоленской области. Затем последовали три года срочной службы в Красноярске-26 и наконец – биологический факультет Белорусского государственного университета, который П. С. Карако с отличием окончил в 1969 г. Сейчас Петр Семенович является его почетным выпускником.

Путь П. С. Карако в философию оказался не так долог, но труда стоил большого. Жизнь в столице и учеба в ведущем белорусском университете стала для уже достаточно зрелого студента большим испытанием и счастливейшим периодом приобщения к миру науки. Тогда многого не хватало (хотя кто об этом тогда думал), и вечно голодным студентам частенько приходилось выбирать между материальной и духовной пищей. Петр Семенович всегда выбирал книгу... Уже на 4-м курсе он стал лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих работ по гуманитарным наукам. Тема его победной работы была действительно интересной и необычной: «Соотношение внутренних и внешних противоречий в процессе фотосинтеза». Материалы его дипломной работы были опубликованы в журнале «Доклады АН СССР» (1968).

Философия в конце 1960-х гг. искала свое новое прочтение на междисциплинарном проблемном поле, притягивая внимание талантливых людей других специальностей. Научная биография Петра Семеновича – яркое тому подтверждение. Биолог по образованию, под влиянием таких выдающихся учителей, как профессор В. И. Степанов, он нашел себя в философии и стал ее достойным представителем. После победы на упомянутом конкурсе философия уже не отпускала начинающего ученого. За свои научные успехи в студенческие годы он был награжден грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР и грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР. После триумфального окончания университета профессор В. И. Степанов пригласил П.С. Карако в аспирантуру при кафедре философии (1968–1971), по окончании которой Петр Семенович стал преподавателем этой кафедры. С 1971 г. по настоящее время он непрерывно работает в Белорусском государственном университете. Петр Семенович прошел все ступени не-

легкого педагогического роста от преподавателя до профессора.

В 1973 г. П. С. Карако успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема детерминации онтогенеза», по материалам которой в 1974 г. была опубликована его первая монография «Философские аспекты индивидуального развития организма» (Минск, 1974). В 1982 г. выходит следующая монография – «Революция в современной биологии и ее социальные аспекты». В 1990 г. Петр Семенович защитил докторскую диссертацию «Революция в современной биологии и ее социальные аспекты (философско-методологический анализ)».

После реорганизации гуманитарных кафедр университета бывшая кафедра философии естественно-научных факультетов была преобразована в кафедру философии и методологии науки, название которой предложил Петр Семенович. Он и стал первым ее заведующим, занимая эту должность до 1991 г. Это было революционное время: мир менялся буквально на глазах. Усилиями заведующего началась серьезная перестройка учебного процесса, вводились новые курсы, модернизировались учебные планы, приглашались преподаватели. Сам Петр Семенович читал курс «Социальная экология», основанный на анализе теоретических представлений академика В. И. Вернадского. Материалы этого курса легли в основу монографии «Философия и методологии науки: В. И. Вернадский. Учение о биосфере и ноосфере» (2008).

По жизни П. С. Карако не расстается с книгой, много читает и сейчас. Он, пожалуй, самый активный читатель университетской библиотеки. В самом начале 1990-х гг., уже после чернобыльской трагедии, ученый занялся разработкой философских оснований проблем экологии. В результате вышли его книги «Природа в художественной лите-

ратуре» (2009), «Социальная экология: экологическое сознание» (2011), «Эстетика природы» (2012), «Природа и нравственность» (2013), «Философия природы: прошлое, настоящее, будущее» (2016). Сейчас Петр Семенович поглощен исследованием русского космизма, раскрытием вклада в изучение этой проблемы сподвижников В. И. Вернадского. Много читать – это привычка из детства. Ни одна новинка не проходит мимо внимательного взгляда профессора. Неслучайно так бережно и внимательно работники библиотеки готовили юбилейную выставку его работ. Здесь Петру Семеновичу есть чем гордиться. Сегодня на счету маститого ученого уже почти десяток монографий и более 200 научных публикаций.

Профессор П. С. Карако – доброжелательный, отзывчивый человек, взыскательный и принципиальный эксперт. Он более десяти лет плодотворно работал в экспертном совете ВАК Республики Беларусь, является членом Совета по защите докторских диссертаций при БГУ по философским наукам, входит в состав редакционных коллегий научных журналов. Петр Семенович – постоянный автор нашего журнала. Его статьи всегда отличаются логичностью изложения, широтой проработки источников и хорошим литературным стилем.

Профессор П. С. Карако удостоен нагрудного знака Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования» (2000), он заслуженно пользуется высоким авторитетом среди научной общественности страны.

Примите, дорогой Петр Семенович, наши самые искренние и сердечные поздравления с юбилеем! Здоровья Вам, счастья, благополучия, новых творческих свершений, хороших книг и высокорейтинговых статей!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Тощенко Ж. Т.</i> Общество травмы как третья модальность развития	4
<i>Данилов А. Н., Белов А. А.</i> Проблемы ресурсного обеспечения научной сферы в контексте реализации интеллектуального потенциала белорусской нации	13
<i>Титаренко Л. Г.</i> Виртуализация образования в условиях цифровой экономики	23
<i>Осадчая Г. И.</i> Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика	31

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Сарна А. Я.</i> «Концептуальный каркас» идеологии будущего в зарубежной социальной теории	44
<i>Мельникова Т. П.</i> Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности	53
<i>Новак Ю. В.</i> Историческая политика как предмет социально-философского анализа	60

ДИСКУССИЯ

<i>Шимов В. В.</i> Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси...	67
<i>Бахтоваршоев А. Ш.</i> Прогноз возможных последствий перехода на латинский алфавит в Казахстане	71

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Наука страсти нежной: попытки кодификации любви в Овидианской традиции Средневековья	78
---	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Лашук И. В.</i> Жизненные стратегии социокультурного поведения жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС	93
<i>Лебедева Е. В.</i> Социально-инклюзивная городская среда как социологическая категория: возможности интерпретации и оценки	102
<i>Посталовский А. В.</i> Современные тенденции функционирования национального информационного поля Республики Беларусь	110

КАФЕДРА

<i>Курилович Н. В.</i> Методическая работа кафедры социологии БГУ	119
---	-----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А. Н.</i> Антонович И. И. Человек на рубеже эпох. Вызовы и риски бесполюсного мира	126
---	-----

ЮБИЛЕИ

Жан Терентьевич Тощенко	128
Петр Семенович Карако	130

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Toshchenko Zh. T.</i> The trauma society as the third development modality	4
<i>Danilov A. N., Belov A. A.</i> Resource supply problems of the scientific sphere in the context of implementation of the Belarusian nation intellectual potential	13
<i>Titarenko L. G.</i> Virtualization of education in a digital economy	23
<i>Osadchaya G. I.</i> Eurasian integration: principles, ideology, practice	31

ARTICLES AND REPORTS

<i>Sarna A. J.</i> «Conceptual framework» of ideology of the future in foreign social theory	44
<i>Melnikova T. P.</i> The social imitation phenomenon as a factor affecting the state of national security	53
<i>Navak Yu. V.</i> Historical politics as a subject of socio-philosophical analysis	60

DISCUSSION

<i>Shimov V. V.</i> Language problem as a factor of potential political instability in Belarus	67
<i>Bakhtovarshev A. Sh.</i> Prognosis of possible consequences of passing to the Roman alphabet in Kazakhstan	71

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> The science of tender passion: attempts to codify love in the Ovidian tradition of the Middle Ages	78
---	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Lashuk I. V.</i> Life strategies of sociocultural behavior of residents of the territories affected by the Chernobyl accident	93
<i>Lebedeva E. V.</i> Socio-inclusive potential of urban environment as a sociological category: perspectives of interpretation and assessment	102
<i>Postalovsky A. V.</i> Modern trends of functioning of national information field of the Republic of Belarus	110

THE DEPARTMENT

<i>Kurilovich N. V.</i> Methodical work at the department of sociology of the Belarusian State University	119
---	-----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A. N., Antonovich I. I.</i> The human at the turn of the century. The challenges and risks of a non-polar world	126
--	-----

JUBILEES

Zhan Terent'evich Toshchenko	128
Petr Semenovitch Karako	130

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *В. А. Лейковская, А. С. Люкевич,
С. Е. Богуш, Т. В. Мейкшане, О. А. Семенец*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.03.2020.
Тираж 110 экз. Заказ 122.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *V. A. Liaikouskaya, A. S. Lyukevich,
S. J. Bohush, T. V. Meikshane, O. A. Semenets*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.03.2020.
Edition 110 copies. Order number 122.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020